А521
Кр.
Б 1070995

АЛТАЙ

1979

4

Электронный архив библиотеки Алтайского края

На первой странице обложки
гравюра Б. ЛУПАЧЕВА.

На 2-й—4-й страницах обложки
репродукции картин Г. БОРУНОВА.

«Отец».

«Колыбельная».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.albulu

А521
Кр.

АЛТАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ
АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Год издания XXXI
№ 4 (90) 1979

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Павел БЕСЧЕТНОВ. Скажи, если успеешь. Роман. 26

ПОЭЗИЯ

Александр РОДИОНОВ. Кулундинские письма 23
Леонид МЕРЗЛИКИН. Мне много бы надо успеть. Стихи 61
Сергей КЛЮШНИКОВ. «Я вышел в путь...» Стихи 64

ОЧЕРКИ И ПУБЛИЦИСТИКА

А. И. Слащев: «Покуда жив, буду помнить...» Из записок партийного работника 3

ПИСАТЕЛЬСКИЙ ПОСТ НА КОКСОХИМЕ

Виктор СЛИПЕНЧУК. Успех. Очерк. 66

К 250-летию БАРНАУЛА

А. ЧЕРНЫШЕВА. Коммунар 69

ИСКУССТВО

Владимир ЭДОКОВ. Краски родной земли 74

КОРОТКИЕ РЕЦЕНЗИИ

И. АНДРЕЙЧИКОВ. Верность теме. О новой книге Н. Яновского «На переломе» . 77

ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ

Загадки 79

Содержание альманаха «Алтай» за 1979 год 80

Электронная библиотека АКУНБ, elibaltlib.ru

б/070995

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Редактор И. П. КУДИНОВ

Редакционная коллегия:

В. М. БАШУНОВ, И. И. БЕРЕЗЮК, П. А. БОРОДКИН,
Е. Г. ГУЩИН (зам. редактора), В. В. ДУБРОВСКАЯ,
Л. И. КВИН, В. Н. ПОПОВ, Н. М. ЧЕРКАСОВ, О. Н. ШЕВЧУК

АЛЬМАНАХ «АЛТАЙ» 1979 № 4

Художественный редактор В. Еранкин. Технический редактор М. Сафонова.
Корректор Г. Ульченко

Рукописи не возвращаются

АГ 15073. Сдано в набор 3. 10. 1979 г. Подписано к печати 30. 10. 1979 г. Формат 84x108/16. Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 9,27. Тираж 7000 экз. Заказ № 2410. Цена 40 коп.

Алтайское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли — 656015, Барнаул, Ленина, 76. Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли крайисполкома — 656023, Барнаул, Г. Титова, 3.

Адрес редакции: 656056, Барнаул, Ленина, 8. Тел. 3-09-21

VR

ки», «как трактор!» — шутили механизаторы, дивясь проходимости мотоцикла. И впрямь: в любую грязь я добирался на нем до самых отдаленных бригад.

Но пусть не создается у читателя впечатление, что как парторг я только тем и занимался, что разъезжал по полям. Одному, будь ты и семи пядей во лбу, всех вопросов, с которыми приходилось сталкиваться, мне бы никогда не охватить. Большая их часть решалась с помощью актива.

Не забыть, как мы организовывали культурное обслуживание. В зоне МТС располагалось шесть колхозов и вновь созданный совхоз «Кулундинский». И это на территории, превышающей 40 тысяч гектаров, половину из которых предстояло еще освоить. С автотранспортом было туго. Но вот мы получили новенький «Зисок», и я тут же побежал к директору Калмыкову:

— Николай Сергеевич, отдайте мне его под «агитку».

Калмыков смерил меня вопросительным взглядом, насупился:

— Тут грузы возить не на чем, а ты со своей передвижкой! — Но в конце концов дал согласие. Оставалось дело за оборудованием. И, прямо скажем, нас здорово выручил ВЦСПС. Тогда профсоюзы направляли во все целинные хозяйства комплекты для «передвижек». Один из них вскоре заполучили и мы.

Агитмашину оборудовал шофер Вася Кривенко, который работает сейчас начальником управления сельского хозяйства в Табунах. Энтузиаст, каких поискать. Он участвовал в художественной самодеятельности, выступал за конферансье и баяниста. Любил сцену. И в самый разгар полевых работ агитмашина вышла в рейс. Была она оснащена по последнему слову техники. Магнитол тогда еще не было, но зато мы имели новенький патефон с солидным набором пластинок, библиотечку, переносный бильярд, киноаппарат, настольные игры, баян.

Первый рейс совпал с приездом известного репортера Евгения Рябчикова и фотокорреспондента Алексея Гостева. На гостей нам тогда везло. У нас побывали Галина Николаева, написавшая на материале целины «Повесть о директоре МТС и главном агрономе», Александр Яшин, Михаил Бубеннов и другие. Жизнь МТС, как говорится, находила отражение в литературе. Но в тот раз делами и заботами коллектива заинтересовался журнал «Огонек».

Как сейчас помню: входит ко мне в кабинет Е. Рябчиков. В кожаной тужурке нараспашку, на груди медаль лауреата Сталинской премии. Сел в кресло и вдруг спрашивает:

— А ты не горел в танке?

Должно быть, ему уже рассказали о Болдыреве. Вот тот, действительно, герой. Имел шесть боевых наград. Трижды горел в броневых машинах, трижды лежал в госпитале и трижды ходил на войну — дрался с белофинами, на Халхин-Голе, с гитлеровцами в Отечественную... С такими, как Болдырев, можно было поднимать целину. И я повез гостей в Большое село.

По пути Рябчиков не уставал удивляться степным просторам. А больше всего его поразили чайки, сопровождавшие нас. Места окрест и впрямь красивые. Дымчато-серая от ковыля степь, то алая, то синяя от цветов, то серебристая от зыбкого марева. Неоглядная равнина. И озера, изумрудно-синие, цвета морской волны. Круглые, будто очерченные циркулем, лежат они в сверкающих ожерельях соли.

Так он и описал степь. В нашей зоне озер не было. Но близость подземных вод погубила немало земель. Солончаки доставляли немало хлопот механизаторам. И когда мы прибыли на полевой стан, об этом как раз шел разговор. В «летучей беседе» Болдырев страстно доказывал, что нужно и можно поднять выработку, а как лучше сделать это, надо учиться у белгородской «троицы». Фамилии Кучукова, Шевелева и Фортова уже красовались в «молнии» — по две нормы выполняют.

Рябчиков отводит в сторонку Болдырева, а у меня завязывается беседа с механизаторами. Их интересует, как идут дела у партнеров по соревнованию. Уточняю: кто их больше всего интересует? Если речь идет о механизаторах Буденновской МТС, то они намного отстали.

— Знаем! — раздаются голоса. — Только что передавали по радио. А как там у Жилина?

Бригада Болдырева ведет трудовую перекличку сразу с четырьмя коллективами, возглавляемыми опытными бригадирами — Перепелицей, Пименовым, Федоровым и Жилиным. Иван Жилин, по сведениям, которые у меня были, выиграл несколько дней. Вчера он был еще впереди всех.

— А вот эту цыдульку побачьте, товарищ секретарь! — сказал подошедший Болдырев и протянул мне листок последней сводки. Оказывается, болдыревцы уже вырвались вперед. И меня это радовало. Значит, не зря послали сюда агитбригаду.

А. И. СЛАЩЕВ: „ПОКУДА ЖИВ, БУДУ ПОМНИТЬ...“

ИЗ ЗАПИСОК ПАРТИЙНОГО РАБОТНИКА

С Александром Ивановичем Слащевым мы знакомы не первый год. Он прошел большую жизненную школу. Начинал участковым агрономом в Кулунде. Был парторгом МТС, директором совхоза. Имеет двадцатипятилетний стаж партийной работы. Сейчас Александр Иванович — первый секретарь Алейского горкома КПСС, депутат Верховного Совета РСФСР.

Оговорюсь сразу: дневников Александр Иванович не вел. Но короткие пометки время от времени делал. Эти тезисы нередко ложились в газетные статьи, выступления с трибуны. Не раз делился он своими мыслями при встречах со мной. Постепенно сложились эти записки, которые я систематизировал и с согласия Александра Ивановича предлагаю читателям.

В. САПОВ

ОГНИ КОВЫЛЬНОЙ СТЕПИ

Весна пятьдесят четвертого вошла в мою жизнь особым звучанием. Масштабно. Началось освоение целины. На Алтай ехали новоселы со всех уголков страны. И на меня, тогда еще молодого секретаря парткома Кулундинской МТС, свалилась уйма забот. И главная — где расселить людей?

Первое пополнение мы приняли в марте. Я сам за ним ездил. Это были посланцы Москвы и Ленинграда. Правда, в нашу МТС их попало немного. Но составы с добровольцами все прибывали и прибывали. Взяли на учет все здания, которые можно было отвести под общежития, договорились заранее со старожилами: кто и сколько человек может приютить у себя.

Не знаю, что бы мы делали на первых порах, если бы не гостеприимство местных жителей. Личный пример в этом показывали коммунисты. Например, захожу к бригадиру тракторной бригады Илье Сергеевичу Болдыреву, а он уже принял трех хлопцев с Белгородщины. Шутит: «Во какие у меня сыновья!» Знакомимся: Николай Фортов, Иван Шевелев, Егор Кучуков — все трое из Тавровской МТС, дружки-трактористы.

Только разместили очередную партию новоселов, как поступило сообщение: «Прибыла новая техника. Надо быстрее получить!» За техникой не надо было далеко ехать. С первого апреля началось регулярное движение поездов по новой железнодорожной ветке Кулунда—Барнаул. Механизаторы радовались мощным машинам — тракторам С-80 и ДТ-54, пятикорпусным плугам, дисковым лущильникам.

В апреле мы уже приступили к пахоте. Вспарывая плотный, чем-то похожий на войлок дерн, плуги переворачивали плодородные пласты земли. И глядя на них, думалось о будущем урожае: каким он будет, целинный хлеб?

А основа его закладывалась нелегко. В первые же дни вдруг выяснилось, что даже таким мощным машинам, как С-80, порой не под силу тащить по крепи пятилемешный плуг. Нашлись «новаторы», которые легко решили эту проблему: стали пахать помельче. Пришлось разбирать их на рабочих собраниях. Вопрос этот стал предметом особого разговора на парткоме, а затем и на бюро райкома партии. Выход подсказали сами механизаторы. В бригаде Болдырева, например, сняли по одному лемеху с каждого плуга. Это несколько снизило выработку, зато поломок стало меньше. Был выдержан и лозунг дня: «Вспахивай целину на заданную глубину!»

Оглядываясь с вершины прожитого, я горжусь тем, что оказался в гуще тех событий. Большое дело затевалось. Все это хорошо понимали и работали с огоньком.

В моем распоряжении тогда был мотоцикл. Сколько я исколесил на нем по полям, уму непостижимо. Машина «с иголоч-

ки», «как трактор!» — шутили механизаторы, дивясь проходимости мотоцикла. И впрямь: в любую грязь я добирался на нем до самых отдаленных бригад.

Но пусть не создается у читателя впечатление, что как парторг я только тем и занимался, что разъезжал по полям. Одному, будь ты и семи пядей во лбу, всех вопросов, с которыми приходилось сталкиваться, мне бы никогда не охватить. Большая их часть решалась с помощью актива.

Не забыть, как мы организовывали культурное обслуживание. В зоне МТС располагалось шесть колхозов и вновь созданный совхоз «Кулундинский». И это на территории, превышающей 40 тысяч гектаров, половину из которых предстояло еще освоить. С автотранспортом было туго. Но вот мы получили новенький «Зисок», и я тут же побежал к директору Калмыкову:

— Николай Сергеевич, отдайте мне его под «агитку».

Калмыков смерил меня вопросительным взглядом, насупился:

— Тут грузы возить не на чем, а ты со своей передвижкой! — Но в конце концов дал согласие. Оставалось дело за оборудованием. И, прямо скажем, нас здорово выручил ВЦСПС. Тогда профсоюзы направляли во все целинные хозяйства комплекты для «передвижек». Один из них вскоре заполучили и мы.

Агитмашину оборудовал шофер Вася Кривенко, который работает сейчас начальником управления сельского хозяйства в Табунах. Энтузиаст, каких поискать. Он участвовал в художественной самодеятельности, выступал за конферансье и баяниста. Любил сцену. И в самый разгар полевых работ агитмашина вышла в рейс. Была она оснащена по последнему слову техники. Магнитол тогда еще не было, но зато мы имели новенький патефон с солидным набором пластинок, библиотечку, переносный бильярд, киноаппарат, настольные игры, баян.

Первый рейс совпал с приездом известного репортера Евгения Рябчикова и фотокорреспондента Алексея Гостева. На гостей нам тогда везло. У нас побывали Галина Николаева, написавшая на материале целины «Повесть о директоре МТС и главном агрономе», Александр Яшин, Михаил Бубеннов и другие. Жизнь МТС, как говорится, находила отражение в литературе. Но в тот раз делами и заботами коллектива заинтересовался журнал «Огонек».

Как сейчас помню: входит ко мне в кабинет Е. Рябчиков. В кожаной тужурке нараспашку, на груди медаль лауреата Сталинской премии. Сел в кресло и вдруг спрашивает:

— А ты не горел в танке?

Должно быть, ему уже рассказали о Болдыреве. Вот тот, действительно, герой. Имел шесть боевых наград. Трижды горел в броневых машинах, трижды лежал в госпитале и трижды ходил на войну — дрался с белофинами, на Халхин-Голе, с гитлеровцами в Отечественную... С такими, как Болдырев, можно было поднимать целину. И я повез гостей в Большое село.

По пути Рябчиков не уставал удивляться степным просторам. А больше всего его поразили чайки, сопровождавшие нас. Места окрест и впрямь красивые. Дымчато-серая от ковыля степь, то алая, то синяя от цветов, то серебристая от зыбкого марева. Неоглядная равнина. И озера, изумрудно-синие, цвета морской волны. Круглые, будто очерченные циркулем, лежат они в сверкающих ожерельях соли.

Так он и описал степь. В нашей зоне озер не было. Но близость подземных вод погубила немало земель. Солончаки доставляли немало хлопот механизаторам. И когда мы прибыли на полевой стан, об этом как раз шел разговор. В «летучей беседе» Болдырев страстно доказывал, что нужно и можно поднять выработку, а как лучше сделать это, надо учиться у белгородской «троицы». Фамилии Кучукова, Шевелева и Фортова уже красовались в «молнии» — по две нормы выполняют.

Рябчиков отводит в сторонку Болдырева, а у меня завязывается беседа с механизаторами. Их интересует, как идут дела у партнеров по соревнованию. Уточняю: кто их больше всего интересует? Если речь идет о механизаторах Буденновской МТС, то они намного отстали.

— Знаем! — раздаются голоса. — Только что передавали по радио. А как там у Жилина?

Бригада Болдырева ведет трудовую перекличку сразу с четырьмя коллективами, возглавляемыми опытными бригадирами — Перепелицей, Пименовым, Федоровым и Жилиным. Иван Жилин, по сведениям, которые у меня были, выиграл несколько дней. Вчера он был еще впереди всех.

— А вот эту цыдульку побачьте, товарищ секретарь! — сказал подошедший Болдырев и протянул мне листок последней сводки. Оказывается, болдыревцы уже вырвались вперед. И меня это радовало. Значит, не зря послали сюда агитбригаду.

Слова бригадира заглушили звуки вальса. Это Вася Кривенко подал знак: артисты готовы к выходу. Механизаторы усаживаются прямо на землю. Начинается концерт.

...Потом мне много раз доводилось самому бывать с агитбригадой на полевых станах, и всякий раз я убеждался, какая сила заложена в искусстве. Порой самая простая задушевная песня способна вызвать огромный прилив чувств, найти отзвук в душе и в корне изменить настроение. Песня окрыляет человека. Во всяком случае тогда, у Болдырева, я сам получил огромный заряд бодрости и оптимизма.

Мы покидали полевой стан поздно вечером. Небо было густо усеяно звездами. И такие же звезды, но большей величины, двигались по степи. Это горели огоньки тракторных фар. Я не журналист, чтобы красочно описать все это. Но зато хорошо запомнил заключительные строки репортажа Е. Рябчикова, опубликованного в майском номере «Огонька»: «И куда ни посмотришь, в ковыльной ночной степи волшебными светлячками мигают, движутся и вот уже разгораются электрическим созвездием большой весны Алтая».

Да, это была поистине большая весна Алтая. Мы вспахали тогда десять тысяч гектаров новых земель, посеяли зерновые в оптимальные сроки. И получили невиданный для Кулунды урожай — по 15 центнеров с гектара. А весь край сдал в 1954 году тоже рекордное по тому времени количество зерна — 230 миллионов пудов. Хлеб был чистым, ибо почва еще не знала сорняков. И никто не мог предположить, что главные испытания еще впереди.

ШКОЛА КУЛУНДЫ

Судьба распорядилась мною так, что вскоре я вынужден был перейти на другую работу. А точнее — пошел на повышение. Секретарем райкома по зоне Златополинской МТС. Дело прошлое. И честно скажу, до конца так и не понял тогдашнего своего положения. Непосредственно в моем подчинении находилось два инструктора. Но ни они, ни я толком не знали свои обязанности. Сдается мне, что это была надуманная форма партийного руководства. И не случайно поэтому по решению ЦК КПСС должность эта вскоре была упразднена. А я второй раз попал под сокращение штатов.

Впервые это было в 1953 году, когда я заведовал сельскохозяйственным отделом Кулундинского райкома КПСС. Тогда эти отделы тоже упразднили. Хотя до сих пор я убежден, что шаг этот был не совсем верен. Задачи сельскохозяйственного производства намного усложнились, тем более в настоящее время. И такие отделы сельским райкомам партии просто необходимы. Мнение это разделяют многие мои коллеги.

Однако вернемся в Кулунду, ставшую для меня важной жизненной вехой. Я прибыл сюда сразу же после окончания Мичуринского техникума и был назначен участковым агрономом. Проработал там недолго. Однажды приглашает меня первый секретарь Кулундинского райкома партии Семен Калистратович Хоменко и говорит:

— Мы тут посоветовались с товарищами: берем тебя инструктором.

Выдвижение, конечно, лестно. Но, признаться честно, оно несколько обескуражило меня. Я все-таки специалист. Плохо ли, хорошо, но дело свое знаю, а партийная работа была для меня в новинку. Высказал свои сомнения, но «первый» улыбнулся и заметил шутливо:

— Армейский принцип знаешь? Не можешь — научим, не хочешь — заставим.

На том и порешили. Тем более слова эти в общем-то увязывались с обликом самого секретаря райкома. Подтянутый, в габардиновом кителе, с белоснежным воротничком, он был из той когорты людей, которых партия посылала на самые горячие участки. Хоменко проводил коллективизацию, работал в политотделе МТС. И потому во главу угла ставил дисциплину и порядок. Он так и сказал мне: «Согласен не согласен, все равно работать на совесть!»

Инструкторский состав был молодой. Немного раньше меня пришел в райком Иван Ефимович Бережняк, нынешний секретарь Алтайского крайкома КПСС. Опыта у нас было маловато. Вместе подолгу корпели над составлением тех или иных документов. Прежде чем появиться решению, наши «черновики» попадали к «первому» и подвергались весьма существенной редакторской правке.

— Вот так, академики! — дружески говорил нам Семен Калистратович, возвращая испещренные вкривь и вкось «манускрипты».

Грамота у Хоменко небольшая. Сразу же после войны он окончил двухгодичную краевую партийную школу. Вот и все его университеты.

Но недаром говорят: никакое образование не может заменить практического знания дела. И мы, не стеснялись, постигали

азбуку партийной работы. Мотались по колхозам, приобщались к жизни первичных парторганизаций. А через некоторое время снова состоялся разговор с Хоменко.

— Принимай сельхозотдел! — ошарашил он меня.

— Опыта маловато! — попытался я отговориться.

— Молодо — не зелено! — сказал Семен Калистратович, давая понять, что разговор окончен.

Будучи инструктором, я хорошо познакомился со многими председателями колхозов. Это были в большинстве своем практики, они несколько свысока посматривали на нашего брата — дипломированного специалиста. И я не очень надеялся на свой авторитет. Но помог опять-таки Хоменко. Требовательность он сочетал с доверием к кадрам. И приучил даже особо ретивых председателей к тому, что, прежде чем идти к нему на прием, они должны были побывать в отделе сельского хозяйства, проработать как следует вопрос, а уж потом обращаться выше.

В общем, я считаю Хоменко своим «крестным отцом». Это был чуткий и отзывчивый товарищ. И очень тактичный. Помню: я был тогда еще неженатым. И вот однажды останавливает меня Семен Калистратович в коридоре и спрашивает с усмешкой:

— Сдается мне, что ты решил податься в родные места?

Сам я тамбовский. Начинал работать в войну мальчонкой на заводе. Но о возвращении домой и не помышлял. Наоборот, было намерение вызвать к себе мать, да вот с жильем затянулось дело.

— Семен Калистратович, — сказал я, — у меня и мысли такой нет.

— А пошто тогда семьей не обзаводишься? Али девок у нас мало?

— Некогда все! — отшутился я.

— Отговорки все это! — гмыкнул Хоменко. — А с кем это ты вчера под ручку шел?

Видел он нас с Аннушкой. Она работала учительницей в школе. Мы и знакомы-то были всего три дня. Но я уже успел сделать ей предложение. И поспешил уведомить Хоменко:

— Все, Семен Калистратович, женюсь!

— Це по-нашему!

Через некоторое время упразднили отдел, и Хоменко предложил мне пойти парторгом МТС. Я охотно согласился. Признаться, об этом сам мечтал, да стеснялся заводить речь. И сейчас глубоко убежден: выдвижение партийных кадров — это прерогатива сугубо служебная, целиком и полностью забота комитетов, вышестоящих инстанций. Поручили тебе ответственное дело — постарайся оправдать это доверие. Ну а если ты не справился, лучше прояви мужество и откажись от занимаемой должности. Надо критически подходить к самому себе. Так, в частности, получилось у меня после упразднения должности секретаря райкома по зоне МТС.

В райкоме партии старательно подыскивали для меня новый пост, но я уже решил для себя: раз я связал себя с партийной работой, надо учиться. И попросил, чтобы меня направили в высшую партийную школу. По окончании ее два с половиной года работал первым секретарем Табунского райкома партии, оттуда меня перебросили в Поспелиху. А спустя некоторое время началась реорганизация: из 60 районов образовали 12. Один из них, в Усть-Калманке, предложили возглавить мне. Я невольно вспомнил Кулунду, где нередко «зашивался» без глубокого знания экономики. Без этого на должности первого секретаря трудно разговаривать с хозяйственниками.

Тем более в такой обширной зоне, какая мне была уготована. «Наделаю ошибок, — думаю, — кто их исправлять будет?»

И явился в крайком с твердым решением:

— Пошлите директором в любой совхоз. Мне это просто необходимо.

Надо сказать, к просьбе моей отнеслись с пониманием и направили в совхоз «Целинный» Волчихинского района. Хозяйство большое: 47 тысяч гектаров земли — столько же, сколько во всем Кулундинском районе. И зона та же — зона рискованного земледелия. Это уже впоследствие на базе «Целинного» создадут три хозяйства, а тогда буквально приходилось разрываться на части. Но мне повезло. Тем, что там были опытные кадры: Владимир Григорьевич Полухин, Николай Николаевич Назаров, Василий Григорьевич Захаров. Они помогли мне пройти школу хозяйственника.

Особенно я благодарен главному бухгалтеру Василию Григорьевичу Захарову. Добрейшей души человек. Как сейчас помню: заходит он ко мне и говорит:

— Александр Иванович, прочитайте балансы!

Я делаю вид, что читаю, а сам, извините, смотрю в книгу, а вижу фигу. Ничегошеньки не понимаю. Ни в техникуме, ни в ВПШ нас тому не учили.

— Василий Григорьевич, — говорю, — поучи меня потихоньку. Дай несколько уроков.

Было это в 1963 году — самом трудном для целины. Уже во всю начала проявляться ветровая эрозия, поля позарастали сорняками.

В самый разгар жатвы разразилась буря. Она застала нас с начальником крайсельхозуправления Юрием Александровичем Романенко, работающим ныне в Министерстве сельского хозяйства РСФСР, в поле. Это было страшное зрелище. Ураганный ветер катил по полю комбайны, переворачивал машины, поднимал валки в воздух и уносил их неизвестно куда. Целые сутки бушевала стихия. Землей засыпало лесопосадки, отдельные участки полей. Был нанесен огромный урон. Мы брали обязательства сдать государству три миллиона пудов хлеба, а сдали чуть больше двух миллионов.

Черные бури преподнесли наглядный урок всем земледельцам. Ведь плодородие почвы развивается по своим, биологическим законам и не учитывать этого нельзя. А мы вторглись в святая святых земли нашей, не больно задумываясь о последствиях. И природа отомстила нам за это.

К чести сибирских и казахстанских хлеборобов, они быстро поняли это и уже в 1966 году повели мощное наступление на стихию. Меня к этому времени избрали первым секретарем Волчихинского райкома КПСС, поэтому вопросами внедрения новой почвозащитной технологии в земледелии, разработанной ВНИИЗХ в Шортанды Целиноградской области, пришлось заниматься вплотную. На смену традиционному плугу пришли плоскорезы, другая противоэрозийная техника. И что же — остановили стихию.

К сожалению, в последние годы кое-кто стал забывать уроки прошлого, местами допускают отступление от сложившейся агротехники. Между тем мы и сейчас нередко наблюдаем ветровую эрозию почвы. Конечно, не в таких масштабах, как раньше, но она есть. Особенно зимой, когда промерзает земля, а снегу мало.

Краевая партийная организация настойчиво проводит в жизнь ту линию, которая была выработана после мартовского (1965 года) Пленума ЦК КПСС. Недавно, например, крайком КПСС организовал поездку первых секретарей сельских райкомов в Шортанды к академику А. Бараеву. Поездка была полезной и во многом поучительной. Целиноградцы когда-то первыми приняли на себя удар стихии, а сейчас более успешно идут по пути совершенствования почвозащитной технологии в земледелии. Мы раньше учились у них. И сейчас перенимаем передовой опыт. Так что школа целины продолжается.

ВТОРАЯ ЦЕЛИНА

Поистине второй целиной стало для тружеников Алтая развитие животноводства. Вот уже на протяжении пятнадцати лет мне, как партийному работнику, много приходится заниматься этой отраслью. И тут дело не только в общем увеличении поголовья. Бич животноводства — слабая механизация.

Механизация животноводческих помещений. Тема эта многим уже набила оскомину. Из года в год она дебатируется на краевых и районных партконференциях, на совещаниях партактива. Принимаются решения. А дело движется медленно. Так примерно было и в Волчихе, когда я был директором. Дружно проголосовали и столь же дружно провалили постановление. Поэтому, когда я пришел в райком, то первым делом поставил вопрос проверки исполнения, как говорится, ребром.

Речь шла не только о хозяйственной необходимости механизации животноводства, но и об авторитете районной парторганизации, райкома партии. Отчасти мною двигало здоровое честолюбие. Другие районы уже кое-что сумели организовать. А мы чем хуже? Это, вероятно, и было то, что мы называем состязательным началом.

В конце 1967 года в колхозе «Победа» появился первый в районе коровник на 200 голов с полной механизацией поения, доения, раздачи кормов и уборки навоза. Мы организовали там семинар животноводов. Доярки, скотники были главными агитаторами за механизацию животноводства. И это достижение «Победы» можно было поставить в один ряд с первой целинной бороздой.

Однако все еще было впереди. В начале 1968 года мы провели трехдневное бюро райкома. Иной скептик скажет: мол, прозаседавшиеся. Но не надо спешить с выводами. В конце концов это был исключительный случай. А главное во имя чего заседали и какой результат. С руководителями буквально каждого хозяйства в отдельности было выяснено, что нужно и можно сделать по механизации животноводческих помещений. Так родился районный план — четкий, конкретный, нелегкий,

но вполне реальный. План, под который, кстати, никто не выделял необходимые фонды. Особенно на строительные материалы.

Иными словами, надо было эту программу подкрепить не только организационно, но и материально. И это нам удалось. За каждым хозяйством закрепили шефов из числа местных предприятий и организаций, они поделились своими фондами на лес. Механизация ферм, таким образом, стала делом всей районной парторганизации.

Вскоре практически все дойное стадо было расположено в механизированных коровниках, комплексно механизирована часть скотных дворов, телятников и свинарников. Фермы перестали испытывать дефицит в кадрах. Ряды животноводов пополнились молодежью. Возросла производительность труда. Немало способствовало тому и решение непроизводственных, так сказать, побочных проблем, возникших параллельно. Вот одна из них, характерная и для сегодняшнего дня.

Известно, что Сельхозтехника может предложить хозяйствам запчасти только к доильным установкам. А как же быть с набором других механизмов? Список запчастей к ним содержит сотни наименований. Потребность в них огромная: чем выше насыщенность механизмами, тем чаще встречаются поломки. И вот вышел из строя, допустим, редуктор транспортера, совхоз или колхоз вынужден покупать весь механизм. Дефицитная деталь идет в дело, а остальное в лучшем случае на склад, где ему уготовлена судьба бездельника, а то и в утиль, как это часто случается по недосмотру. Короче, бесхозяйственность самоочевидная.

Но и это еще не все. Машина любит и ласку, и смазку, или, строго говоря, ей требуется техническое обслуживание, а оно пока на уровне плохоньких универсалов. Каков же выход?

В Волчихе мы вынесли этот вопрос на заседание очередного бюро райкома. Надо было помочь создать новую службу. И она была создана. Тут мы оказались первопроходцами в крае. Организовали при линейно-монтажном участке районного объединения Сельхозтехника три бригады технического обслуживания животноводства. Каждый из работников тут знал свой профиль, что позволило быстро и заметно поднять профессиональный уровень мастеров.

А работали они так. Бригада строго по графику посещала хозяйства, имела обменный фонд запчастей. В их распоряжении были специальные машины. Не все, конечно, у них ладилось. Однако в целом новая служба оправдала себя, доказала свою целесообразность. И остается только сожалеть, что опыт этот, примененный по примеру одного из подмосковных районов, до сих пор медленно приживается в крае. И в этом, думается, немало повинны предприятия Госкомсельхозтехники, как равно и руководство районов, которым подчас не хватает должной организации дела.

Между тем, в Волчихе это получилось. Переняв опыт тружеников Подмосковья, мы вскоре начали внедрять опыт Павловского района. Я связался с Иваном Ефимовичем Бережняком, который был там первым секретарем райкома, и он охотно поделился своими секретами. У них в совхозе «Комсомольский» животноводы перешли на двухцикличный режим работы. То есть, если раньше доярки от зари и до зари находились на ферме, то теперь — с полдевятого утра до двенадцати и с полшестого до девяти вечера. Попробовали сделать также в своем совхозе «За власть Советов» — приемлемо! Доярка Мария Егоровна Олейник при встрече говорила:

— Не верится даже, товарищ секретарь! Сплю, а бабка, мать моя, места не находит. «Маня, — тормошит, — смотри, что на улице делается, светает. Да вставай ты!» А мне уж и самой боязно: ох, опоздаю! Ну, то сейчас привыкла. И коровы привыкли, молока прибавили. Хорошее дело».

Слушал я ее, а сам думал о том, как много еще предстоит сделать в животноводстве. Ведь далеко не все хозяйства района поняли тогда преимущество «цикличного метода». Да и сейчас он с трудом приживается. Отдельных руководителей заедает текучка. А надо бы уже идти дальше — переходить на «двухсменку». Но этому во многом опять же мешает низкий уровень механизации ферм. Что и говорить, мы немало сделали в этом плане внутри производственных помещений, а за стены так и не вышли. И смотришь, на современный конвейер вынуждены ставить человека с вилами.

Другой вопрос, которым мне довелось заниматься в Волчихе, — это специализация и концентрация животноводства. И, прямо скажу, тут мы допустили уйму ошибок, хотя на бумаге было все гладко. Не удалось нам избежать этого и в Алейске.

АЗБУКА СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

Алейский район — один из крупнейших в крае. 19 его колхозов и совхозов располагают 209 тысячами гектарами пашни,

72 процента которой отводится под зерновые культуры. У нас 44 тысячи голов крупного рогатого скота, 45 тысяч овец, 10 тысяч свиней. Имея такую базу, мы намерены довести ежегодную сдачу зерна государству до 135 тысяч тонн, а производство молока увеличить на 40, мяса — на 20 процентов.

Так выглядит район в цифрах. В перспективе поголовья крупного рогатого скота составит 55 тысяч голов. Добиться этого можно только путем перевода животноводства на промышленную основу, дальнейшего углубления специализации и концентрации на основе межхозяйственной кооперации и промышленной интеграции. Примером для нас является говяжий конвейер, действующий ныне на базе Бийского откормсовхоза № 1. Масштабность его впечатляет. 36 колхозов и совхозов Горного Алтая поставляют ежегодно 15 тысяч бычков на доращивание в хозяйства Советского района, а те передают их на заключительный откорм бийчанам.

Показатели Бийского совхоза лучшие в крае. Мы изучили опыт этого хозяйства. Кроме того, наши специалисты побывали в Молдавской ССР, Тамбовской, Оренбургской, Пензенской, Новосибирской, Омской областях. Все, что видели там полезного, как говорится, «засекли», обсудили на бюро горкома партии, исполкоме райсовета, на совещании специалистов. После того, как выработалось единое мнение, приняли на пленуме конкретный рабочий план, который был одобрен краевым комитетом партии. Его основное организационное содержание заключается в том, что, сохранив в подавляющем большинстве хозяйств молочное стадо, потребовалось выделить в самостоятельную отрасль промышленное производство говядины, свинины, шерсти, нетелей.

Многое удалось осуществить. В совхозах «Дружба» и «Красный партизан» введены в строй молочные комплексы. Совхоз «Колпаковский» занимается свиноводством. Здесь заканчивается строительство откормочника на 6 тысяч голов. В спецхозах «Приалейский» и «Слава» производят говядину. В первом, например, на средства хозяйств-пайщиков заканчивается сооружение комплекса на 3,5 тысячи голов, во втором намечено увеличить мощности животноводческих помещений в 1980 году до 8—9 тысяч скотомест. Два эти хозяйства уже сейчас дают 40 процентов говядины от общей ее реализации в районе. А в перспективе они будут давать вдвое больше.

Все это хорошо. Однако темпы производства животноводческой продукции в районе намного отстают от заданных. В частности, алейцы не выполняют план по мясу. И в то же время каждый год колхозы и совхозы хоронят здесь 3000 телят. Если бы удалось хотя бы наполовину сократить падеж, то получили бы дополнительно 700—800 тонн говядины — столько, сколько сейчас не хватает до выполнения плана.

Потери, как видим, огромные. Почему? Отчасти из-за бесхозяйственности. Но главное все-таки в отсталой технологии выращивания скота. Мы, например, увлеклись строительством комплексов, но возводим их без профилакториев, изоляторов, других помещений, необходимых для проведения ветеринарной работы. Сейчас начинаем поправлять положение. Внедряем раздельное содержание скота с тем, чтобы выделить так называемых сухостойных, то есть недойных коров в отдельные помещения. Но и тут нужна ломка психологии, подобно тому, как это было при внедрении степной системы земледелия. И мы усиленно работаем в этом плане, не снижая внимания, конечно, к проблемам концентрации и специализации.

Должен признаться: район в этом деле несколько забежал вперед. Нельзя так решать: взялись за все, не имея опыта, и за свинину, и за говядину, и за молоко. Вывели три спецхоза, забрали у всех остальных хозяйств телят, а у этих «выбили» планы. Я убежден теперь: надо начинать с самой легкой, доступной, что ли, отрасли, то есть с того, к чему больше всего подготовлены хозяйства. Отработал одно звено, переходи к другому.

Для нас, например, такой отраслью является говядина. Практически заключительный откорм в районе отработан на базе совхозов «Приалейский» и «Слава». И через пару лет мы свой говяжий конвейер пустим на полную мощность. Несколько сложнее обстоит дело с маленькими телятами. Анализ показал: основной их падеж от первотелок. Сам собой напрашивается вывод: мы плохо готовим коров к отелу. В итоге рождается неполноценное потомство. Учли и это. Теперь вместо двух хозяйств телочек будет выращивать один колхоз имени Энгельса.

Пришлось пересмотреть позиции и по другим отраслям. Главный критерий — избежать гигантомании, шарахания. Сельское хозяйство — сложная область экономики, это такое дело, которое при неразумном

подходе в решении крупных вопросов может сильно отомстить, что практически и получилось в районе, да и в целом по Алтаю, за что край справедливо был подвергнут острой критике с трибуны июльского (1978 года) Пленума ЦК. Вроде бы хорошее дело задумали, и винить некого, а видите, как вышло: посчитали — прослезились. Опять уроки? Несомненно! Но важно, чтобы они не обходились дорого государству. А то подчас наши эксперименты влетают в копеечку.

Хочется подчеркнуть еще один очень важный момент. На наш взгляд, нельзя начинать концентрацию животных, не решив комплекса всех вопросов. Проще простого построить помещения, даже самые крупные комплексы. Главное здесь — это продуманное решение экономических отношений хозяйств-пайщиков, вопросы производства кормов, а это влечет за собой некоторое изменение структуры посевных площадей, планов заготовок по хозяйствам, улучшение обучения и подготовки кадров и, если хотите, изменение их психологии. Тут есть своя целина, которую еще предстоит освоить.

Решение данного круга вопросов выходит подчас за рамки компетенции районного и краевого звена управления. И об этом мне хотелось бы сказать особо.

Вопросы специализации и концентрации сельскохозяйственного производства находятся в центре внимания всей партийной организации края. Работа по созданию межхозяйственных объединений идет планомерно, в соответствии с разработанной программой. Конечно, не все получается гладко. Например, еще многие хозяйства «Алтайскотопрома» получают убытки. И это несмотря на то, что в той же системе есть подлинные образцы эффективного ведения хозяйства, как, например, Бийский откормсовхоз № 1.

Почему же порой достижения передовых хозяйств остаются недосягаемыми для других? Одна из причин, на мой взгляд, недостаток опыта, слабая помощь труженикам села со стороны ученых, в частности, Алтайского научно-исследовательского и проектно-технологического института животноводства, Сибирского отделения ВАСХНИЛ. Они еще не стали тем координирующим центром в данной отрасли, каким, скажем, является в земледелии ВНИИЗХ в Шортандах.

Сейчас ведется поиск оптимального варианта кооперирования. Каким путем идти? На чем сосредоточить внимание? Эти и многие другие вопросы приобретают особую актуальность. Мы, например, отказались от молдавского варианта, на что сделали упор в Каменском районе. Не тот масштаб. И поэтому мы придерживаемся «своих» принципов в специализации. Тоже самое делают наши соседи — в Мамонтовском и Шипуновском районах. Иными словами, каждый творит по своему образу и подобно. Апробированных методов с учетом сибирской специфики в крае пока нет. Отсюда многие трудности и промахи.

Не избежали их и алейцы. Особенно при выборе ведущих отраслей. Так, под маркой специализации взяли да вырезали свиней, а теперь наращиваем их поголовье. Между тем, как справедливо отмечал на июльском (1978 года) Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев, «межхозяйственная кооперация — большой и сложный объективный процесс. Его нельзя сдерживать, как нельзя и тормозить. Работа должна производиться планомерно, обдуманно, в комплексе с другими мерами по интенсификации сельскохозяйственного производства. Дело это, конечно, добровольное, и мы строго будем придерживаться такого принципа. Но добровольность и самотек — не родные братья, а антиподы».

Эти слова будто к нам относятся. Мы создавали свои объединения по весьма упрощенной схеме — к более сильным хозяйствам прикрепили одного-двух пайщиков, и вот, глядишь, появилась новая вывеска. Только проку от подобной «фирмы» мало. Механическое соединение не отвечает требованиям кооперации. Так вышло с теми же совхозами «Приалейский» и «Слава». Они у нас выполняют планы, но зато сняли их с партнеров и в итоге не добрали за пятилетку сотни тонн мяса.

Столкнулись мы в горкоме и с такой проблемой: руководители колхозов и совхозов не торопятся вступать в кооператив. Стали интересоваться: почему? И выяснилось: одно дело, говорят они, быть пайщиком «Алтайсвинопрома» — поставил ему концентраты и в конце года получай на свой лицевой счет определенное количество мяса. У «Алтайскотопрома» несколько иные требования — надо его обеспечить и бычками, и кормами, а уж потом рассчитывай на отчисление продукции. Объединения же по направленному выращиванию первотелок строят свои отношения с партнерами вообще на принципе «купли-продажи».

Я это говорю к тому, что необходимо совершенствовать экономические и иные взаимоотношения. Ведь общая их беда —

отсутствие четкости в распределении прибыли. К сказанному добавим: для них не утверждено штатное расписание. Материально-техническое снабжение таких предприятий по-прежнему идет по многим каналам, что также осложняет положение. Словом, тут непочатый край работы для Министерства сельского хозяйства СССР, ученых, экономистов.

Врасплох застала специализация и ведущие организации «Алтайсельстрой» и «Межколхозстрой». Они выполняют у нас всего четверть строительно-монтажных работ, а остальное хозспособом. Я вот посмотрю на директора совхоза «Приалейский» Александра Прокопьевича Каратаева и проникаюсь к нему сочувствием. Он своими силами отгрохал комплекс из железобетона. Это какие же нужно иметь организаторские способности! А мы его еще нередко дергаем, снимаем «стружку» на бюро. Но это уж из области стиля.

УРОКИ СТИЛЯ

Я уже говорил о внимании к целине писателей. Однажды три месяца в нашей Кулундинской МТС прожила Галина Николаева. Энергии ее можно было только позавидовать. Дотошная, во все глубоко вникавшая гостья особенно интересовалась техникой, в частности, новыми кукурузными сеялками. Интересовался этими сеялками и директор МТС Николай Сергеевич Калмыков. Кукурузу и подсолнечник на Алтае тогда только еще начали внедрять и сажалки плохо шли.

Так получилось, что увлекшись технологией возделывания новых культур, мы выпустили из поля зрения многие текущие вопросы. Естественно, то тут, то там в нашем эмтээсовском конвейере начались сбои. И о них напомнила газета «Известия», куда Галина Николаева писала довольно часто. В большой и острой статье на этот раз она разделала нас «под орех».

— Читал? — спросил меня на следующее утро Калмыков.

— Читал.

— Ну и как?

— Будем делать выводы!

А выводы сами собой напрашивались. Калмыков инженер по образованию, я — агроном. Но по долгу службы нам надо было больше заниматься не технологией, а практической организацией дела, воспитанием людей. Николай Сергеевич, правда, посерчал немного на гостью, но вскоре отошел. Человек он был глубоко партийный, требовательный, знающий. Он не делил работу на «мое» и «твое». И был так далек от того, чтобы любой ценой «подмять под себя» молодого парторга, как это нередко случается в жизни.

Было в нем что-то от Хоменко. Такой же требовательный, но без нажима. Хотя после публикации статьи Г. Николаевой нам с Калмыковым досталось от Семена Калистратовича изрядно. Впрочем, вскоре и самому Хоменко «влетело» на пленуме крайкома партии. Первый секретарь Николай Ильич Беляев «прошелся» в своей речи по ряду районов, где плохо внедрялся новый метод обработки семян химикатами перед их высевом, что способствовало повышению урожайности. Досталось и кулундинским «ретроградам». Возвращались мы с Хоменко озабоченные.

— Ты тоже член крайкома, — сказал Семен Калистратович, — вот и помогай проводить линию.

— Так мы же приняли решение! — отвечаю.

— Решение решением, а ты поезжай по бригадам да посмотри хорошенько, что там делается с этим стимулятором. Будь он неладен...

Прямо скажу, на местах обработка семян была организована из рук вон плохо. Хозяйственники недоверчиво смотрели на бутылки с жидкостью. Агрономы тоже пустили это дело на самотек, взвалив всю ответственность на прицепщиков да сеяльщиков. А тем лишь бы с плеч долой: побрызгают химикатами сверху и ладно.

Собрал специалистов, растолковал, что к чему, а своих бригадиров попросил проконтролировать. И что же... Там, где к этому отнеслись не формально, прибавка к урожаю составила на каждом гектаре по 2—3 центнера.

Оба эти случая убедили меня в том, что как бы ни широк был круг обязанностей партийного секретаря, уж коли взялся за гуж, не говори, что не дюж: всякое начатое дело надо доводить до конца. Ну а кукурузные сеялки... Довели и их до полной кондиции, но совсем другим путем: подобрали опытных специалистов, организовали учебу кадров, и «королева полей» поныне здравствует в Кулунде, на всех алтайских полях. Початки, конечно, не вызревают в Сибири, но зато закладываем кукурузный силос, занимающий весомую долю в кормовом балансе края.

А разве просто было внедрять, скажем, почвозащитную технологию в земледелии? Новое всегда рождается в муках. Так и

это. Крестьянин, веками привыкший к пашне цвета «вороново крыло», буквально терялся при виде «ежика» стерни, что оставалась на поле после «пахоты» плоскорезами. Надо было на конкретных примерах убедить их в целесообразности новшества. И для меня, партийного работника, во многом поучителен в этом плане стиль и методы краевого комитета партии, который так сумел поставить дело, что борьба с эрозией почвы стала заботой каждого труженика деревни, начиная от рядового рабочего и кончая секретарем райкома.

На базе совхоза «Кулундинский» была организована краевая школа прогрессивной технологии. Через нее прошло большинство руководителей и специалистов сельского хозяйства, парторги и секретари райкомов. Я сам не раз был слушателем этих «университетов». А строительство элеваторных емкостей и складских помещений!

В первую же целинную жатву в Кулунде, например, сказалось отставание «тылов». На токах скапливались бурты хлеба. С большим трудом, но нам удалось организовать его вывозку — все-таки рядом была железная дорога. А вот в глубинных хозяйствах пришлось часть зерна складировать в силосные ямы. Нужно было срочно принимать меры.

Большую помощь в решении данной проблемы оказали Алтаю партия и правительство. В 1956 году был организован трест «Алтайэлеваторстрой». Крайком партии и крайисполком держали его объекты под неослабным контролем. Один за одним поднимались «степные небоскребы». В колхозах и совхозах сооружались механизированные тока, зерноочистительные линии. И сейчас Алтай может взять под крышу весь урожай.

И еще: о земле. Помню поездку в Шортанды. Именно там я понял, как мало мы еще работаем с землей. Собрал по приезде секретарей парткомов, руководителей хозяйств, специалистов и прямо сказал им об этом. Хотя на то есть и некоторые объективные причины. Паров-то у нас всего шесть-девять процентов, а у Бараева — все двадцать пять. Во всей Целиноградской области этот показатель ниже пятнадцати процентов не бывает. Стало быть, и нам на Алтае надо совершенствовать структуру посевных площадей. Решил поговорить об этом с Николаем Федоровичем Аксеновым. «Приезжай!» — сказал он. По голосу почувствовал: ему тоже хочется знать мое мнение.

Признаюсь, ехал я не с пустыми руками. Одно предложение было такого порядка: насытить, скажем, паровыми участками совхоз «Коммунар» и отработать на нем агротехнику, привести в соответствие севообороты и т. д., и т. п. Цель одна — поучить другие хозяйства.

— Значит, мини-Шортанды хотите устроить? — усмехнулся Николай Федорович. — Не надо шарахаться. Давайте подумаем, как лучше.

И он был прав. Насытить «Коммунар» парами — значит, как минимум сократить посевы зерновых на одну четверть. Это не ново. Таких «революционеров» в крае хоть отбавляй. Только не каждый сможет эти пары обработать. А вот директор нашего совхоза «Боровской» Николай Инокентьевич Скоков рассуждает иначе. Я, говорит, на сокращение посевов не пойду, а пары все равно увеличивать буду за счет вовлечения в оборот дополнительных земель, то есть за счет рекультивации отдельных участков, распашки старых поселков, отдельных дорог. Это был наш второй вариант. И о нем я сказал Аксенову, на что он заметил:

— Это совсем другая диалектика.

На том и сошлись: надо подходить творчески, думать и искать. В этом и заключена диалектика — движение от простого к сложному. Нашли же мы, к примеру, неплохой вариант повышения качества кормов. Хотя и он не нов. Надо только было взяться за его осуществление. А суть вот в чем. Общеизвестно, что в земляных ямах треть силосной массы ежегодно пропадает. Подсчитали мы и решили, что куда выгоднее построить облицованные траншеи. Причем сооружение их очень быстро окупится. Разработали программу, утвердили ее на бюро горкома и сейчас в каждом хозяйстве сооружаются такие объекты.

Конечно, не обязательно по каждому хозяйственному вопросу принимать партийное решение, вмешиваться горкому или райкому. Так ведь недолго и отучить специалистов творчески мыслить.

Как раньше было. Перед началом той или иной полевой кампании: будь то сев или сенокос, либо жатва — бюро горкома обязательно принимало соответствующее решение. Сейчас мы ушли от этого. Штабы по проведению зимовки, других сезонных работ возглавляет райсельхозуправление. Кампании проводятся на высоком организационном уровне.

Естественно, и горком стал более предметно заниматься наиболее актуальными вопросами хозяйственного строительства,

организационно-партийной работы, воспитания людей. Традиционной формой стали комплексные отчеты парткомов. Проводятся они с приглашением всех членов комитета. На бюро идет откровенный разговор о путях повышения эффективности производства, боевитости первичных организаций.

Комплексные отчеты наиболее полно показывают все сильные и слабые стороны наших партийных секретарей, хозяйственников. Хотя к чести Алейска, а теперь это уже общепризнанно, кадры у нас отменные. Нам бы никогда не поднять такой объем работ, какой мы сейчас выполняем по строительству животноводческих комплексов, если б не было таких отличных директоров, как А. Каратаев, А. Зарешнюк, Л. Гордиенко, В. Яковлев, Ю. Розов, секретари парткомов — В. Беляйцев, В. Подкопаев, специалисты В. Кириловский, В. Пирожков, В. Плотников и многие другие. Недаром при нашем учебно-курсовом комбинате действует краевая школа молодых директоров совхозов и председателей колхозов.

Да, кадры надо растить, настойчиво и постоянно. Программным документом для нас является известное постановление ЦК КПСС по работе со специалистами сельского хозяйства в Алтайском крае. Директора совхозов и председатели колхозов в районе имеют высшее образование, дипломированные специалисты заняли ключевые позиции, свыше ста человек обучается в вузах и техникумах, половина из которых стипендиаты хозяйств.

Разумеется, далеко не все гладко и в кадровом вопросе.

К сожалению, есть у нас такой тип руководящих работников районного да и краевого масштаба, которые уж слишком быстро делают выводы о людях. Что-то не получилось у человека — раз-два, моментально заключают о нем, как о негодном специалисте, либо начинают дотошно копаться в анкетах. Я считаю, что в человеке прежде всего нужно видеть положительные качества, которые можно развить.

С другой стороны, надо понимать, когда трудно руководителю: что он может сделать, а что нет. Вот когда он не может сделать, наверное, надо подойти к нему как-то иначе. Не просто снять трубку и сказать: «Вот принято решение — делай». Может, посоветовать, как лучше реализовать намеченное. Ну а если вместе не пришли ни к какому выводу, не исключено, что придется отменить свое решение. Ведь иногда посмотришь на отдельных руководителей, это не люди, а «катюши» — ударная сила.

И еще я в одном убежден: никогда не надо кричать на подчиненных. Это самое настоящее хамство. Накричи на человека, особенно когда трудно, будет еще хуже. Да и у самого потом останется горький осадок в душе.

Предвижу возражение, дескать, нельзя быть таким добрым ко всем. Что на это ответить: добрым надо быть, а вот добреньким ни в коем случае нельзя. Недавно мы вынуждены были строго наказать и освободить от работы одного из руководителей. Развел в хозяйстве «кумовство», перепутал свой карман с государственным. Так что требовательности у нас хватает. Принципиальности — тоже.

Но в целом, повторяю, мы гордимся своими кадрами и потому не стыдимся выносить сор из избы. Тем более, что есть хороший резерв на выдвижение. Кстати, о резерве. На аппаратных совещаниях мы прямо говорим, что если отдел не имеет такого резерва, плохо с ним работает и на сегодня не знает, кем заменить секретаря парткома, то это большой минус в его работе. Я никогда не забуду уроков, которые преподносил мне Хоменко. Он говорил: «Допустим, у тебя красиво оформлены папки с решениями и любой инструктор не подкопается. Это еще не работа отдела». И он был прав: главное — работа с людьми. Ведь все, что мы делаем, в конечном итоге зависит от кадров, то есть — от людей.

ХЛЕБ И ТЕХНИКА

Я люблю машины. Наверное, потому, что, как и все, живу в век техники и скоростей. Как добрую память храню фотографию, сделанную весной 1954 года в бригаде Ильи Болдырева. На ней запечатлен парад тракторов: от «колесника» до С-80. Сейчас на смену им пришли машины нового поколения, более мощные. Только за последние годы их парк в районе обновился наполовину. Все больше поступает «степных кораблей» экстра-класса, таких как «Нива» и «Колос», К-700 и Т-150.

Алтай ныне по насыщенности техникой занимает одно из первых мест в Российской Федерации. И это радует. Хотя техники все равно не хватает. Особенно в «часы пик». Страда в Сибири длится всего 40—45 дней, а нагрузка на комбайн и трактор вдвое выше, чем в европейской части.

Ведь природа не оставляет здесь «окошек», нет и очередности в полевом конвейере: сначала уборка трав, затем зерновых, потом силосных и овощных культур. Все эти работы идут одновременно.

Каков же выход? На наш взгляд, их два. Во-первых (об этом уже не раз говорилось с трибуны пленума крайкома, на страницах газет), планирующим органам, наверное, пришло время пересмотреть техническую оснащенность сибирской житницы, учесть, что она включает в себя две жатвы — зерновую и кормовую. Ибо при существующей ситуации успешный исход борьбы за хлеб и за корма нам явно бывает не под силу. Отсюда — большие потери. Во-вторых, надо эффективнее использовать имеющийся машинно-тракторный парк.

Как-то заходит ко мне начальник райсельхозуправления Валентин Петрович Чернов и прямо говорит: а не много ли мы техники держим на полях? Свои сомнения он подкрепил любопытной статистикой. Вот, скажем, в колхозе имени Димитрова земли ни чуть не больше, чем в колхозе имени Фрунзе. И машин у них почти одинаково. Но если димитровцы из года в год планомерно сокращают количество тракторов и комбайнов за счет увеличения сменной выработки, то фрунзенцы наоборот — засыпают управление заявками на технику, хотя на эталонный трактор вырабатывают за смену у них всего шесть гектаров, тогда как в среднем по району — 7,8.

Резерв? Да еще какой! Отчасти мы его реализуем, делаем ставку на групповой метод использования машин. Звенья у нас давно получили прописку.

Сейчас мы пошли дальше во внедрении группового метода и объединили звенья в комплексы, по примеру тружеников Ипатовского района, что в Ставрополье. Отдача очевидна. Уплотнили время сева и уборки зерновых, повысилась производительность труда, в полтора раза увеличилась выработка на трактор К-700. Специалисты подсчитали: если бы мы внедрили опыт ипатовцев должным образом, то можно было бы управиться с уборкой колосовых за 15—16 дней. К тому же и механизаторов для этого потребовалось бы в два-два с половиной раза меньше, чем сейчас. Тогда и «двухсменку» можно применить в более широких масштабах.

Однако пока это для нас остается мечтой. Зачастую приходится встречаться с фактами обратного порядка. Сезонная выработка на трактор остается на прежнем уровне, а кое-где снижается. Зато увеличиваются расходы на ремонт и техобслуживание, сдерживается применение машин в комплексе. Это одна из причин того, что медленно внедряется опыт ипатовцев.

Что же мешает этому? Прежде всего, нехватка квалифицированных кадров. Трактористов и комбайнеров в крае едва набирается для использования машин в одну смену, хотя готовят их достаточно. Дело в том, что не во всех хозяйствах механизаторам создают надлежащие условия для труда и отдыха. Алейский район в этом плане не исключение. Мало у нас еще машинных дворов, пунктов технического обслуживания, теплых гаражей, ангаров для комбайнов, не везде есть полевые станы, из-за чего водители испытывают неудобства, теряют много времен на переезды. Тут есть над чем поработать районной парторганизации.

Создание земледельцам надлежащих условий для труда и отдыха — неотложная задача руководителей и парткомов хозяйств. Мы строго спрашиваем с тех, кто забывает об этом. Как равно и за подготовку и переподготовку кадров массовых профессий. Ведь, по мнению специалистов, только за счет внедрения прогрессивных методов труда, повышение профессионального мастерства водителей в целом по краю можно было бы сократить потребность в механизаторах на 3—4 тысячи человек.

Нельзя забывать и о том, что все эти расчеты, проекты могут превратиться в «прожекты», если их не подкрепить организационными мерами. Скажем, организовать механизаторский всеобуч — это в руках партийных организаций, инженерных служб колхозов и совхозов. Но вот строительство полевого стана требует определенных затрат. Обратишься в крайсельхозуправление, а там, смотришь, уже распределили отпущенные на эти цели деньги на другие нужды.

То же самое касается и оснащения пунктов технического обслуживания. Лишь единицы из них располагают необходимыми средствами. В таких условиях многие колхозы и совхозы вынуждены сами приобретать дорогостоящие приборы, хотя не могут их загрузить даже на треть. Проблема? Несомненно! Необходимо четко отработать все элементы полевого конвейера, и в первую очередь наиболее узкое место — техническое обслуживание.

Групповой метод эксплуатации техники требует четкой организации инженерной службы села. Рекомендации же на этот

счет, как справедливо отмечала «Правда» в одной из статей, еще не дошли до колхозов и совхозов, хотя Всероссийский научно-исследовательский и проектно-технологический институт механизации и электрификации сельского хозяйства определил его функции, штаты и материально-техническую базу, необходимую для выполнения запланированного объема работ. Министерство сельского хозяйства РСФСР, одобрив эти расчеты, не организовало однако должного контроля за их воплощением.

В этой связи особо хотелось бы сказать о роли Госкомсельхозтехники. Было бы целесообразно сосредоточить в его руках техническое обслуживание всего машинно-тракторного парка. Пока же его предприятия не везде стали надежными партнерами земледельцев в ремонте машин и механизмов, обеспечении хозяйств запасными частями. То, что нам, скажем, удалось сделать в Волчихе по механизации животноводства, в Алейске вообще нельзя осуществить: здесь очень слабое подразделение Госкомсельхозтехники.

Отсутствие образцового техобслуживания отчетливо дает о себе знать в поле. Стоит из уборочно-тракторного или посевного комплекса выпасть какому-то звену, и сразу конвейер сбивается с ритма. Например, из-за нехватки автопогрузчиков в совхозе «Приалейский» часто приходится засыпать семена в сеялки вручную. А это значит — вместо семи-восьми минут по норме посевной агрегат простаивает по полчаса. В итоге вся организаторская работа, направленная на внедрение прогрессивной технологии, не дает желаемых результатов.

В жатву таким «узким местом» является транспорт. Крыша для зерна у нас надежная. В каждом хозяйстве по два-три механизированных тока. Зерно уже не «загорится», как случалось раньше, ибо многие колхозы и совхозы имеют свои мини-элеваторы, где есть все, начиная от сушилок и кончая резервными складами. И все-таки нередко бурты хлеба залеживаются на токах, так как не хватает машин.

Нет слов, тот, кто имеет добротную крышу для зерна, во многом выигрывает. Тут и качество послекомбайновой обработки товарного зерна лучше, и транспортировка хлеба не проблема, и своевременно засыпают семена и зернофураж, ведется строгий учет и контроль за их хранением, не говоря уже об экономике. Хорошо подработанное зерно, как правило, идет с бонификацией, то есть с сортонадбавками за качество.

Сам собой напрашивается вывод: надо и впредь развивать это технологическое звено уборочного конвейера. Ведь сейчас даже там, где существуют тока, практически редко встретишь машины для очистки и сушки зерна в полном комплекте. Я, например, не могу смотреть равнодушно на одиночные силуэты механизированных зерноочистительных установок типа «ЗАВ-30». Лишь к немногим из них «привязаны» небольшие склады. Работают такие объекты от силы месяц в году с низкой производительностью.

Невольно возникает вопрос: почему бы тогда не сконцентрировать их в одном месте, не сделать своеобразными филиалами элеваторов? Наконец, стоит ли колхозам и совхозам тратить огромные средства на создание собственных очистительных линий и сушильных хозяйств, когда в 40 километрах находится крупнейший в крае Алейский хлебоприемный комбинат?

В частности, на эту мысль меня натолкнул опыт соседнего Усть-Калманского района. Там, имея хорошую сеть дорог и образцовые тока и подъездные пути, даже возили на элеватор неочищенное зерно, сушили его, а отходы возвращали хозяйствам. И это оказалось куда выгоднее, чем иметь механизированные тока.

Некоторые говорят, что, мол, неочищенное зерно на большие расстояния возить накладно. Но это еще надо посмотреть.

Там, где не принимаются новые методы перевозок, далеко элеваторы и действуют существующие экономические формы взаимоотношений хозяйств с заготовителями, колхозам и совхозам выгоднее иметь свои сушильные установки и складские емкости. Но можно пойти и по пути углубленной специализации. При этом функции между производителями зерна и заготовителями будут разграничены. Подобная практика уже существует, в том числе в нашем районе.

Как мы делаем? Выделяем колонну грузовиков в непосредственное подчинение элеватора. Оперативный штаб разрабатывает часовой график доставки зерна по каждому хозяйству и каждой культуре в отдельности. Свыше ста автопоездов доставляют с токов колхозов и совхозов в сутки до трех-четырех тысяч тонн зерна. В сочетании с комбитрейлерными перевозками такая организация труда позволяет высвободить 50—70 автомашин на другие цели. Долг тружеников села — дать пол-

ки», «как трактор!» — шутили механизаторы, дивясь проходимости мотоцикла. И впрямь: в любую грязь я добирался на нем до самых отдаленных бригад.

Но пусть не создается у читателя впечатление, что как парторг я только тем и занимался, что разъезжал по полям. Одному, будь ты и семи пядей во лбу, всех вопросов, с которыми приходилось сталкиваться, мне бы никогда не охватить. Большая их часть решалась с помощью актива.

Не забыть, как мы организовывали культурное обслуживание. В зоне МТС располагалось шесть колхозов и вновь созданный совхоз «Кулундинский». И это на территории, превышающей 40 тысяч гектаров, половину из которых предстояло еще освоить. С автотранспортом было туго. Но вот мы получили новенький «Зисок», и я тут же побежал к директору Калмыкову:

— Николай Сергеевич, отдайте мне его под «агитку».

Калмыков смерил меня вопросительным взглядом, насупился:

— Тут грузы возить не на чем, а ты со своей передвижкой! — Но в конце концов дал согласие. Оставалось дело за оборудованием. И, прямо скажем, нас здорово выручил ВЦСПС. Тогда профсоюзы направляли во все целинные хозяйства комплекты для «передвижек». Один из них вскоре заполучили и мы.

Агитмашину оборудовал шофер Вася Кривенко, который работает сейчас начальником управления сельского хозяйства в Табунах. Энтузиаст, каких поискать. Он участвовал в художественной самодеятельности, выступал за конферансье и баяниста. Любил сцену. И в самый разгар полевых работ агитмашина вышла в рейс. Была она оснащена по последнему слову техники. Магнитол тогда еще не было, но зато мы имели новенький патефон с солидным набором пластинок, библиотечку, переносный бильярд, киноаппарат, настольные игры, баян.

Первый рейс совпал с приездом известного репортера Евгения Рябчикова и фотокорреспондента Алексея Гостева. На гостей нам тогда везло. У нас побывали Галина Николаева, написавшая на материале целины «Повесть о директоре МТС и главном агрономе», Александр Яшин, Михаил Бубеннов и другие. Жизнь МТС, как говорится, находила отражение в литературе. Но в тот раз делами и заботами коллектива заинтересовался журнал «Огонек».

Как сейчас помню: входит ко мне в кабинет Е. Рябчиков. В кожаной тужурке нараспашку, на груди медаль лауреата Сталинской премии. Сел в кресло и вдруг спрашивает:

— А ты не горел в танке?

Должно быть, ему уже рассказали о Болдыреве. Вот тот, действительно, герой. Имел шесть боевых наград. Трижды горел в броневых машинах, трижды лежал в госпитале и трижды ходил на войну — дрался с белофиннами, на Халхин-Голе, с гитлеровцами в Отечественную... С такими, как Болдырев, можно было поднимать целину. И я повез гостей в Большое село.

По пути Рябчиков не уставал удивляться степным просторам. А больше всего его поразили чайки, сопровождавшие нас. Места окрест и впрямь красивые. Дымчато-серая от ковыля степь, то алая, то синяя от цветов, то серебристая от зыбкого марева. Неоглядная равнина. И озера, изумрудно-синие, цвета морской волны. Круглые, будто очерченные циркулем, лежат они в сверкающих ожерельях соли.

Так он и описал степь. В нашей зоне озер не было. Но близость подземных вод погубила немало земель. Солончаки доставляли немало хлопот механизаторам. И когда мы прибыли на полевой стан, об этом как раз шел разговор. В «летучей беседе» Болдырев страстно доказывал, что нужно и можно поднять выработку, а как лучше сделать это, надо учиться у белгородской «троицы». Фамилии Кучукова, Шевелева и Фортова уже красовались в «молнии» — по две нормы выполняют.

Рябчиков отводит в сторонку Болдырева, а у меня завязывается беседа с механизаторами. Их интересует, как идут дела у партнеров по соревнованию. Уточняю: кто их больше всего интересует? Если речь идет о механизаторах Буденновской МТС, то они намного отстали.

— Знаем! — раздаются голоса. — Только что передавали по радио. А как там у Жилина?

Бригада Болдырева ведет трудовую перекличку сразу с четырьмя коллективами, возглавляемыми опытными бригадирами — Перепелицей, Пименовым, Федоровым и Жилиным. Иван Жилин, по сведениям, которые у меня были, выиграл несколько дней. Вчера он был еще впереди всех.

— А вот эту цыдульку побачьте, товарищ секретарь! — сказал подошедший Болдырев и протянул мне листок последней сводки. Оказывается, болдыревцы уже вырвались вперед. И меня это радовало. Значит, не зря послали сюда агитбригаду.

ноценное зерно, а вывозить хлеб — это уже наша забота.

Несколько иначе это видится в более широком масштабе. Предполагается, например, вменить в обязанность заготовительных организаций не только хранение, но и переработку всего фуража в концентраты, последующее распределение его. То же самое касается и семян. Для этого необходимо развивать сеть элеваторов, комбикормовых заводов и комбинатов хлебопродуктов, совершенствовать систему взаиморасчетов. Дело стоящее и отвечает интересам дальнейшей специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на основе кооперации.

Такого мнения придерживаются многие специалисты. Начальник Алтайского краевого управления хлебопродуктов Степан Родионович Стреляев твердо сказал:

— Такая перестройка не за горами. Мощность элеваторов края около шести тысяч тонн, комбикормовых заводов — 900 тысяч тонн. Мы вполне готовы взять на себя дополнительные обязанности. Для начала, скажем, в порядке эксперимента по одной группе районов.

Вопрос актуальный. И решающее слово тут, прежде всего, за республиканскими министерствами сельского хозяйства и заготовок. Но в любом случае в крае надо ускоренными темпами развивать сеть хранилищ, комбикормовых заводов, элеваторов. Ведь складские хозяйства, созданные еще в первые целинные годы, устарели, трудно поддаются механизации, а новые емкости не строятся вот уже в течение десяти лет.

И опять вопрос упирается в строителей. «Алтайсельстрой» и «Межколхозстрой» не берут на подряд сооружение комплексов по очистке и хранению зерна. Да и дороговаты они для одного хозяйства — каждый стоит 1,2 миллиона рублей. Недостаточно прислушиваются к нуждам сельских тружеников и руководители «Алтайэлеваторстроя». Чтобы не быть голословным, приведу один пример. Трест должен был в 1978 году ввести на Алейском комбинате хлебопродуктов цех карбамина, но освоена только четверть средств. Реконструкция им невыгодна. Что же касается межхозяйственных комбикормовых заводов, то на них строители вообще не ориентируются.

Между тем, дело-то государственной важности. Если бы мы сумели обеспечить колхозы и совхозы премиксами и другими витаминными добавками, то потребность в зернофураже можно было сократить как минимум на одну треть. А пока его сплошь и рядом в хозяйствах скармливают целиком, либо в дробленом виде. Опять же не хватает механизмов, оборудования, которые надо подвести под крышу.

От того, как налажен зерновой конвейер, как работают машины и механизмы, зависят конечные результаты производства, качество продукции. Поэтому горком партии постоянно держит в поле зрения вопросы эксплуатации машинно-тракторного парка, хранения продукции полей и ферм, механизации животноводческих помещений. Регулярно проводим конференции и семинары инженеров и агрономов. Анализируя накопленный опыт, стараемся заглянуть в завтрашний день. А когда видишь перспективу — и работается лучше, целеустремленнее.

ПО ТРУДУ И ЧЕСТЬ

В одном из колхозов шло торжественное заседание, посвященное окончанию посевной страды. В заключение, как водится, награждали передовиков соревнования. Первым на сцену поднялся лучший механизатор артели. Подал я ему Почетную грамоту, пожал руку и от имени всего района поблагодарил за ударный труд. Он неловко улыбнулся и, словно ожидая продолжения, пробежал взглядом по разложенным на столе президиума сверткам. Потом с явным разочарованием стал спускаться в зал. Вот тут-то я и услышал, как он невольно буркнул: «Из спасиба шубы не сошьешь».

Торжество продолжалось. Один за другим подходили колхозники, под бурные аплодисменты зала получали грамоты, подарки. А у меня никак не шла из головы реплика тракториста. Ведь мы (лично я и члены бюро горкома) искренне считали, что оказываем механизатору высокую честь, выделяем его из числа других. Он был единственным передовиком артели, получившим грамоту горкома партии и райисполкома. А человек обиделся.

Легче всего, конечно, было привычно отмахнуться: рвач, хапуга, что с такого спрашивать! Но я хорошо знал механизатора. Это был действительно добросовестный работник. Имея за плечами богатый опыт, он бескорыстно помогал молодым, всегда готов был прийти на помощь товарищу. Вот почему случай с ним накрепко засел мне в память и долго не давал покоя.

А нынешним летом я встретился со

Электронная библиотека АлтГУНБ altargunb.ru

своим коллегой — соседом, первым секретарем Шипуновского райкома КПСС Василием Тимофеевичем Христенко. Разговорились. И он привел пример совершенно иного порядка.

Одно время у них в районе широко практиковалось так называемое «поощрение комбайнеров». Отправляясь в поле, директор совхоза набивал карманы деньгами и затем прямо возле агрегатов вручал отличившимся механизаторам пятерки, трешки, десятки — в зависимости от выработки. Так предусматривалось условиями социалистического соревнования.

За осень у особо старательных комбайнеров и трактористов набегала приличная сумма: не одну шубу можно было справить. Казалось бы, работай и радуйся. А механизаторы стали возмущаться. Оскорбительно, говорили они, получать эти подачки. Словно «чаевые» тебе в руку суют, а не премию. Или уж плюсовать эти пятерки к зарплате, или лучше того — вовсе отменить.

— Так и отменили, — закончил свой рассказ Василий Тимофеевич. — Вот уже который год прекрасно обходимся без этого «поощрения».

Случаи прямо противоположные, однако говорят они об одном и том же: моральное и материальное поощрение должно применяться взаимосвязанно, в тесном единении. Тогда только поощрение даст нужный эффект.

Было время, когда у нас ни о какой дополнительной оплате в колхозах и речи не могло идти, поскольку заготовительные цены зачастую не покрывали даже издержек производства. В ту пору «ценные подарки» являлись главной и едва ли не единственной формой материального поощрения передовиков. И когда мы попытались заменить подарок Почетной грамотой, мы тем самым вольно или невольно противопоставили моральный стимул материальному. И человек справедливо обижался. Ведь при тогдашних заработках рубашка или часы были, скажем, для механизатора совсем не лишними. Не то, что теперь, когда почти в каждой семье телевизор. «Жигули», мотоциклы — только подавай. Средний заработок механизатора в большинстве хозяйств нашего района превышает 200 рублей в месяц. Из года в год растут суммы дополнительной оплаты в колхозах и премий за сверхплановую продукцию в совхозах, причем более высокую прибавку к заработку получают работники именно тех бригад и ферм, в которых лучше организован труд. В передовых артелях с каждым годом увеличиваются фонды потребления. Характерно, что награждение работника все в большей мере зависит от результатов коллективного труда. И не случайно, шипуновские механизаторы выступили против пятерок и трешек. Стать передовиком на одну пятидневку может и случайный человек — рвач, пьяница, потенциальный бракодел. Кстати, бывали случаи, когда, получив вознаграждение, подобный «передовик» тотчас спешил в магазин за водкой. К тому же в погоне за длинным рублем рвач, нажимая на выработку, может за один сезон так изуродовать машину, что затраты на ее неплановый ремонт ударят по карману всю бригаду. И ударят довольно ощутимо. А когда премирование проводится по результатам хозяйственной деятельности, да к тому же на общем собрании всех членов хозрасчетного звена, — тут уж ошибки быть не может. В таком случае заложенный в премии моральный заряд бьет точно в цель.

Короче говоря, на селе сейчас действуют очень эффективные формы материального стимулирования. Кое-где даже перехлестывают в этом. А вот таких же действенных, полностью соответствующих им способов морального поощрения пока что нет. Горком партии может достать сколько угодно средств на приобретение ценных подарков. А чтобы приобрести переходящее Красное знамя горкома партии и райисполкома, надо идти в обход инструкций, допускать финансовое нарушение. Когда мы поднимаем этот вопрос перед вышестоящими инстанциями, нам говорят: «Неужели вы там ничего не можете придумать?» Можем, конечно, и придумываем. Но, честное слово, как-то неудобно ловчить.

Не так давно на прием ко мне пришел пожилой человек. Вопрос был связан с пенсией, и разговор касался его трудового пути. Я спросил собеседника, есть ли у него правительственные награды. «Есть!» — гордо ответил он. И вынул из нагрудного кармана аккуратно сложенную Почетную грамоту. «Ударнику второго года пятилетки», — было написано на ней. Судя по подклеенным уголкам, по той бережной осторожности, с которой обращался с ней хозяин, грамота эта очень дорога ему. Вспомнилось, как незадолго до этой встречи после одного торжественного совещания увидел я на стуле кем-то забытую грамоту. И хотя это исключительный случай, тут есть над чем задуматься.

Б/070395

Ударник первой пятилетки имел всего одну грамоту, хотя работал он, судя по записям в трудовой книжке, все годы честно, добросовестно. Сейчас же привыкли выдавать грамоты по любому поводу: к праздникам, к окончанию хозяйственного года, по случаю рекордной выработки, к юбилеям и так далее. У отдельных передовиков за год набирается по нескольку всевозможных грамот. Происходит моральное обесценение поощрения.

Или другой вопрос. Грамоты вручают и профсоюзная, и комсомольская, и партийная организации, и спортивные общества, и администрация. Разве не снижает это ценность документа? Более того, бланк Почетной грамоты иногда можно приобрести в любом магазине культтоваров. Покупай и награждай дома детей, если угодно. Отчасти порядок этот изменен, но не до конца. Не пора ли подумать о «Положении по награждению Почетной грамотой», в котором четко указать, кто имеет право награждать ею, за какие заслуги и в каких обстоятельствах. Необходимо подумать и о внешнем оформлении грамот. Сейчас они выглядят порой так аляповато, что не хочется брать в руки.

У себя в районе мы все больше отказываемся от наград сверху. Тут и ошибиться легче, и действует такое поощрение гораздо слабее. Куда лучше, когда сам коллектив обсуждает и решает, кого отметить и как.

В совхозе «Целинный» на одном из домов висит табличка с надписью: «Лучший механизатор — первоцелинник. П. Чечевица». Никаких материальных льгот это хозяину не дает. Но надо было видеть, какой гордостью светилось лицо механизатора, когда в присутствии всего села торжественно крепилась эта табличка. Причем такой почет оказывается человеку не за получение рекордов, достигнутых за какой-то короткий промежуток времени — это нередко случается у нас при распределении наград сверху. Человека награждали за его сознательное отношение к труду, к общественной собственности в течение многих лет. Уж если висит на доме такая табличка, можно не сомневаться: живет в нем действительно достойный труженик.

Трудно сказать, какой символ больше всего подходит для морального поощрения человека. Переходящий вымпел или книга Почета, грамота или портретная галерея? Наверное, все способы хороши, если ими правильно пользоваться. Мы для себя твердо усвоили одну истину: в любом случае награда или премия должны вручаться на людях, в торжественной обстановке. Сам факт поощрения должен запомниться человеку на всю жизнь.

ОТ ПАЛАТОК ДО ДВОРЦОВ

В дни празднования 25-летия освоения целины в одной из газет я увидел знакомый снимок: группа новоселов устанавливает столб на месте будущей центральной усадьбы совхоза «Кулундинский». На переднем плане его первый и почти в течение двух десятилетий бессменный директор Емельян Иванович Емельяненко. А мне вспомнилось, как мы организовывали с ним палаточные городки.

Весна была холодная. И, прямо скажем, жить в палатках было неуютно. Кое-кто из новоселов не выдержал испытаний, подался восвояси. Емельяненко не тужил о беглецах и нытиков не терпел. Сам он участник боев на Халхин-Голе, привык к трудностям, отдавал себя порученному делу всего без остатка. О таких, как он, говорят: «Горит на работе».

Так вот у Емельяненко было чему поучиться. Палаточный городок вновь организованного совхоза вышел на славу. Но мы в МТС решили перещеголять соседей.

И между нашими полевыми станами, большей частью размещавшимися в палатках, разгорелось настоящее соревнование за высокую культуру. Победителем была признана бригада Ивана Перепелицы. Сюда не раз приезжал Емельян Иванович. И не только он.

Звонит как-то Семен Калистратович Хоменко, голос взволнованный:

— Комиссия ЦК едет! Будь начеку. Предупреди хлопцев, чтоб навели марафет.

— К чему заниматься показухой? — говорю ему. — Пусть увидят, что есть.

Так и решили: не будем высылать вперед «гонцов», а нагрянем внезапно к тому же Перепелице. И вот приезжаем: в городке идеальная чистота. В палатках мощеные деревянные полы, коечки заправлены.

Конечно, всему свое время.

Вскоре стали поступать вагончики, строительные материалы, щитовые дома. В Кулунде, Славгороде, других районах Алтая начали развивать кирпичное производство. Все понимали: палатки — не больше чем романтика, вынужденная мера.

Прошли годы, и на месте вагончиков и палаток возникли новые поселки. Как застраивали «Кулундинский», я уже не видел, но зато хорошо помню совхоз «Поспелихинский» и его бессменного директора

Павла Васильевича Барило. Этот человек, горячо влюбленный в землю, обладает удивительным даром зодчего. Сама жизнь заставила его заниматься строительством.

Когда я приехал в Поспелиху, Павел Васильевич уже был в фаворе у новоселов. Основную массу людей он уже переселил в новые дома, но вагончики не пустовали: в них жили строители треста «Иртышгэсстрой».

Годы освоения стали доброй школой для многих рабочих этого совхоза. Один из них мне особенно запомнился — Иван Годенко. Он вернулся со службы в армии в самый разгар целинной эпопеи. Прибыл в совхоз с молодой хозяйкой. Квартиры, естественно, им не могли предоставить. Степь кругом. Две кошары да несколько землянок чабанов — вот и все хозяйство. Иван Васильевич, взяв ссуду, начал возводить свой дом. По существу с него и началась застройка поселка. И когда над хатой взвился дымок, сбежались и млад и стар, чтобы поздравить новоселов, пожелать им добра и счастья.

Годенко и другим помог поставить бревенчатые срубы. Ко всему он оказался не только отменным плотником, но и прекрасным печником. Последовали заявки от соседей. Иван Васильевич, не зная усталости, клал новоселам русские печки, «голландки», «духовки». Я его уже застал в должности заместителя директора по хозяйственной части. Он мастерски добывал лес и кирпич, цемент и другие материалы. И рос, благоустраивался поселок, прикипали душой к земле его жители.

Четверых детей вырастили супруги Годенко. Настоящая целинная династия. И таких династий в «Поспелихинском» сейчас не один десяток.

Теперь иные времена, иной размах. И архитектура наших поселков соответствует возросшему уровню жизни целинников. В том же «Поспелихинском» введены в строй Дворец культуры, средняя школа со спортзалом, стадион, магазины, столовая, профилакторий, детские ясли. Совхоз имеет 18 тысяч квадратных метров жилья. На слом пошли два последних щитовых двухэтажных домика, когда-то казавшихся поистине дворцами.

Я часто встречаюсь с Павлом Васильевичем Барило на краевых совещаниях. Он по-прежнему неутомим в своих заботах. Подходит как-то и говорит:

— Помните, мы с вами генплан рассматривали? Устарел. Пришлось перелицовывать.

Как не помнить. Мы уже тогда были недовольны проектировщиками, ибо они совершенно не предусмотрели водопровод. А он сейчас почти в каждом доме на центральной усадьбе совхоза.

— Ну, а как с творением рук Годенко? — спрашиваю.

— Печи, что ли? Повыкидывали их! — смеется Барило.

И я нисколько не удивился, услышав это. «Духовки», «голландки»... Ни к чему они теперь, когда квартиры снабжены теплом централизованно, из общей котельной, обед хозяйки готовят на газовых плитах, а хлеб к столу поставляет совхозная пекарня.

— Заканчиваем асфальтировать улицы! — сообщил Павел Васильевич.

— А сад?

— Жив!

Сад — это гордость Барило. С трудом его закладывали. Но деревца, согретые заботой человека, прижились в суровом климате. Теперь они разрослись, занимают 50 гектаров. Редкая семья обходится без своего палисадника. Где были пустыри, теперь тополевые аллеи, газоны и клумбы. Когда зацветут яблони и сирень, душа радуется.

«Поспелихинский» — лишь один из 78 крупных совхозов, рожденных целиной на Алтае. В них сооружено 135 сельских клубов и Домов культуры, около 300 библиотек, почти сто школ, десятки больниц и поликлиник, спортивных сооружений. Только в нынешней пятилетке труженики села получили тут дополнительно 25 тысяч квартир.

А вот еще одно подтверждение качественно нового этапа развития целины. По решению XXV съезда КПСС на бывших залежных землях сейчас идет строительство таких крупных объектов, как Кулундинский канал, вторая очередь Алейской оросительной системы. Чарышского группового водовода. Уже к концу десятой пятилетки намечено ввести еще 100 тысяч гектаров орошаемых полей.

Я не случайно так подробно остановился на строительной программе. Ведь от того, как мы будем строить, во многом зависит решение социально-экономических вопросов.

Сибирь — есть Сибирь. Рабочих рук у нас не хватает. К примеру, в Алейском районе, в сфере сельского хозяйства трудится всего 10 тысяч человек, на каждого приходится по 20,9 гектаров земли. Надеяться на приезжих не приходится. Больших усилий стоило заполучить переселенцев из европейской части страны совхозу

«Коммунар». Приняли тут 25 семей, обеспечили их жильем, помогли обзавестись хозяйством, обучили многих механизаторским профессиям. На них возлагали надежды, а они подались вскоре в иные места.

Если б это был единственный факт. Приезжающие со стороны, за редким исключением, подолгу не задерживаются. И потому проблему кадров только оргнабором и переселением не решить. Алтайская земля сильна кадрами собственной, сибирской закалки.

Дефицит сельских тружеников в крае — следствие многолетней миграции населения, в том числе и той, что была вызвана стихией. В начале шестидесятых годов десятки тысяч рабочих выехали из целинных поселков. И хотя в последнее время отток здесь уменьшился почти вдвое, «охота к перемене мест» даже среди коренных жителей еще весьма велика. Прежде всего, это касается молодежи и особенно механизаторов. Так, за девятую пятилетку в системе профтехобразования на Алтае было подготовлено свыше 70 тысяч комбайнеров и трактористов. За это же время обеспеченность ими сократилась с 85 до 73 процентов, а численность водителей на сто машин уменьшилась со 116 до 95 человек. И сейчас не хватает 10 тысяч механизаторов. Не лучше положение и с другими профессиями.

Люди и хлеб, кадры и вопросы социально-экономического развития — взаимосвязанные понятия. Нет, скажем, жилья и уходит человек на сторону. На отшибе поселок — людей тоже не удержишь. И эта проблема сейчас на первом плане всех хозяйственников. Весьма оригинально подошли к ее решению в колхозе «Красный партизан», где председателем Алексей Афанасьевич Зарешнюк. Тут не стали дожидаться, когда разбегутся люди с хуторов, а перевозили дома с маленьких поселков на центральную усадьбу. Одновременно строили новые дома.

Да, строим мы много. Но в основном хозспособом. По примеру совхоза «Красный Октябрь» Ребрихинского района, чей опыт был одобрен бюро крайкома КПСС. Беда только в том, что все материалы — цемент, кирпич, лес — приходится добывать окольными путями. Об этом писалось не раз и не хочу повторяться. Замечу только: такими темпами, какими мы развиваем на Алтае сельскую индустрию, очень трудно преобразовать поселки. Нужны кардинальные меры. Нужна помощь Госплана СССР. К сожалению, он не очень прислушивается к нуждам алтайских земледельцев. Я помню, еще десять лет назад шел разговор о сооружении в крае цементного завода, а воз и ныне там. Не финансируют этот объект.

Далее. Подразделениям «Алтайсельстроя» и «Межколхозстроя» следует быстрее переходить на унифицированное строительство с зональной привязкой объектов. Пока же за обыкновенной железобетонной «клюшкой» ездим в Казахстан или соседние области Сибири. А «клюшка» эта очень удобна при сооружении животноводческих помещений. Что же касается жилых помещений, то хотелось бы, наконец, увидеть оптимальный вариант сельского дома, со всеми коммунальными удобствами. И тут есть над чем поработать архитекторам, строителям, проектировщикам.

Целинные поселки воочию становятся такими прекрасными, какими их представляли в далекие годы. Надо и впредь заботиться об улучшении их облика.

ИНСТИТУТ ИСКРЕННОСТИ

...Почти двадцать пять лет мне приходится работать с людьми. Считаю, что доверие — главный метод воспитания. Особенно руководящих кадров. Но нужен и контроль, и спрос. Понимаю, что тут я не открываю Америки. И все же, когда поговоришь с человеком по душам, войдешь в его положение, и он видит, что ты не просто приехал по службе, а искренне заинтересован в его деле, стараешься ему помочь, он черта сделает. Приведу такой пример.

Юрий Александрович Розов принял совхоз «Осколковский» в полуразваленном состоянии. Примени к нему обычную мерку, по трафарету — «решение-требование» и все прочее, ну что бы он мог сделать? Ему было поначалу тяжело. Он даже подавал заявление об уходе из хозяйства, мол, я — инженер, какой из меня руководитель. Можно было на него напуститься и сказать: «Раскис, разнюнился». Но есть ведь и другой метод. Приедешь к человеку, побеседуешь, расскажешь, что сейчас всем тяжело, усложнились задачи, повысились требования к руководителю. Может, устал и надо немного отдохнуть? Вот так поговоришь, и человек, глядишь, воспрянул духом, работает: делает то же самое, но с другим настроением. В конце концов наладилось дело и у Розова. Совхоз получает прибыли, держит переходящее знамя по сахарной свекле. Тут лучший в округе овцеводческий комплекс.

Я своим парторгам часто говорю: ну если ты разукрасил свой вагончик всевозможными лозунгами и плакатами, думаешь, что ты уже партийный работник? А я приехал к трактористу, а он не накормлен сегодня, или холодный обед ему привезли, или не знает, за что работает, сколько зарабатывает... Вот ты замазал глаза, понапестрил — все у тебя хорошо по форме: лозунги висят и доска показателей заполняется, а механизатор недоволен, у него нет настроения и работает плохо. Тем более, если он один в поле по целой неделе. Никто им не интересуется. Он считает, что его труд только ему нужен и больше никому.

Да, в вопросах воспитания нельзя вырывать какую-то одну из сторон. Можно образцово наладить, скажем, партийное просвещение и экономический всеобуч, школы коммунистического труда и передового опыта. Но если при всем этом директор, партийный комитет допускают вопиющую бесхозяйственность на любом из производственных участков, все пойдет насмарку. Нужна еще и личная ответственность.

Сами посудите: можно хорошо преподавать марксизм-ленинизм, иметь образцовую наглядную агитацию, но если сегодня директор предприятия сказал одно, а сделал другое, никто ему верить не будет. Вопросы воспитания — это вся наша жизнь. Поднимаем ли целину или внедряем новую почвозащитную систему земледелия, механизируем ли фермы или проводим специализацию — все это проходит через призму нашего сердца. По этому поводу очень метко сказал Л. И. Брежнев в своей книге «Целина»: «Люди поднимали целину — целина поднимала людей». Весь наш социалистический уклад дает простор для творчества, полной отдачи сил на благо любимой Родины.

Нам необходимо постоянно повышать эффективность и качество воспитания. Как быстрее устранить слабости и недостатки в этом деле? Ответ на это во многом дает постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». В районе большой идеологический актив. И тех, кто возглавляет данный участок, мы нацеливаем на то, чтобы они умело строили свою работу, без фальши. Искренность — прежде всего. Эти качества надо ставить во главу вопроса воспитания. Легче всего издать приказ, продублировать постановление, скомандовать, выдать отличное техническое решение. У нас есть знания, опыт. А вот искренности нам подчас не хватает. Мы иногда делаем через силу, а люди чувствуют фальшь.

Возьмем самый актуальный вопрос — лекционная пропаганда. Во что мы ее подчас превращаем. Даже такую хорошую форму, как политдни, которые регулярно проводятся в крае. Прошу меня понять правильно, но я против навязывания определенной тематики. Ну, например, завкрайздравотделом едет читать на политдень лекции о капитальном строительстве, в чем он, мягко говоря, смутно разбирается. Это уже формализм.

Или вот лектор. Я всегда был противник того, чтобы он читал по бумажке. Уткнется иной в свои «манускрипты» и шпарит, не отходя от текста. Ну какой это лектор. Это можно сделать любому грамотному, умеющему читать человеку. Размножь, отпечатай и читай. Ведь мы таким подходом практически перестали собирать аудиторию. Иное дело задушевный разговор. Я, например, часто делаю так. Приеду в бригаду, соберу механизаторов, расскажу им о задачах, которые стоят перед районной парторганизацией, порасспрошу, как живут, что их волнует.

...Постановление ЦК по идеологической работе во многом заставляет нас задуматься. Мы будем смелее поворачивать хозяйственников к вопросам воспитания. И тут есть ряд проблем, которые горкомы и райкомы должны четко себе представить. В общем-то комплексные планы у нас составлялись и раньше. Иное дело, как они выполнялись. И в этом, прямо скажем, алейцам нечем похвастаться. Горком партии, например, принимал решение о строительстве агитплощадки. И что же вы думаете, постановление с треском провалили. Пришлось снова к нему возвращаться на заседании бюро и ставить точки над «і». Сейчас налаживаем воспитательную работу по месту жительства.

Тут ясно, горком допустил просчет. Не проконтролировали вовремя — и вот вам результат. В вопросах контроля нам еще надо работать и работать. Да и сам контроль, коли об этом зашла речь, должен проводиться не формально. Бывает, что человек не выполнил того или иного решения. Вот и следует разобраться поглубже, узнать в чем дело: или он безответственный товарищ, или не мог сделать по каким-то другим причинам. Ведь, чего греха таить, бывает иногда: формально вроде бы горком прав, а посмотришь — возникает много

нюансов: и не так вопрос был поставлен на бюро, и с принятием решения поторопились. Разберешься: решение-то надуманное.

В таких случаях надо находить мужество признавать свои ошибки. Разве мало мы принимали решений по созданию идеологических звеньев, специализации и концентрации? Теперь видим — не так надо. На ошибках — тоже учатся. Главное вовремя перестроиться.

...Пока я недоволен своей работой. Да и если человек довольствуется достигнутым — значит, утратил чувство контроля и самокритичности. Деятельность любого из нас, как и жизнь, не бесконечна. Подумаешь об этом и почувствуешь огромную ответственность. А бывают моменты отчаяния. Особенно тогда, когда что-то не получается. Но успокоишься, проанализируешь положение дел и обязательно находишь выход. Главное надо постоянно анализировать себя и не успокаиваться. Ибо руководитель, который считает, что всего уже достиг, не просто остановился, но и мешает двигаться вперед другим. Такого руководителя надо немедленно заменять.

К счастью, мне везет на инициативных людей. Может, потому, что их становится все больше. Директора совхозов, председатели колхозов, партийные секретари ныне выгодно отличаются от своих коллег, скажем, целинной поры. Тогда наши руководители были вездесущими, брали на себя решение большинства вопросов. Стиль такой был. Сейчас это не больше чем анахронизм. Кадры сегодня хорошо информированы, пытливы. Они много читают, много знают и подчас задают такие вопросы, на которые сразу и не ответишь. И этот уровень постоянно заставляет меня быть в форме. Ведь я — первый секретарь горкома и должен знать нисколько не меньше, если не больше, любого директора или председателя, районного специалиста.

И нужно это не только ради личного престижа. Секретарь райкома, как говорится, на виду у всех. И с особым пристрастием к нему присматриваются аппаратные работники. Как он строит свои отношения с подчиненными, как ведет бюро, решает вопросы — все они подмечают и учатся. И мне радостно сознавать, что уроки эти не проходят бесследно. Вот уже и у меня появились воспитанники.

Как ни жаль было расставаться с Анатолием Яковлевичем Приминым, возглавлявшим горисполком, а пришлось. Он живет сейчас по соседству, первый секретарь Калманского райкома КПСС. Часто наведывается в гости, советуется. Петр Иванович Костин работает «первым» в Ключах. Тоже не забывает «родные пенаты». И сам я долгие годы поддерживал связь со своими учителями. Одни из них на пенсии, других уже нет в живых. Не стало Хоменко и Калмыкова. Но живут они в делах моих и помыслах. И покуда я жив, буду их помнить. Могу ли я забыть ту первую целинную весну, заботы о нелегком сибирском хлебе, которыми и сегодня я полон, ибо стали они, эти заботы, делом всей моей жизни.

Электронная библиотека

Поэзия

Александр Михайлович Родионов родился в 1945 году в селе Ивановка Егорьевского района на Алтае. После школы поступил в Алтайскую геофизическую партию, позже окончил геологический факультет Томского политехнического института. Первая книга стихов («Начало поля») вышла в 1975 г. в Кемеровском книжном издательстве, вторая («Краснотал») — два года назад в Барнауле.
Участник VII Всесоюзного совещания молодых писателей.
Живет в Барнауле.

Александр РОДИОНОВ

КУЛУНДИНСКИЕ ПИСЬМА

И всюду звук, и всюду свет.
И всем мирам одно начало.
И ничего в природе нет,
Что бы любовью не дышало.

А. К. Толстой

1.

Под белым снегом поле дремлет.
Благословен зимы покой.
Иду, расспрашиваю землю:
Зачем я есть? И кто такой?
Она мне вдруг не отвечает,
Хранит молчанье снега щит.
Январь ярится и крепчает.
Земля под ним по швам трещит.
Но, может быть, молчанья хватит.
Ответ найдется, может быть,
Когда в намеченном квадрате
Я мерзлоту начну долбить
И позабуду я вопросы...
Я день-деньской врезаюсь в грунт,
А в перерывах папиросы,
Погашенные о подошвы ун.
Земля большая-пребольшая
Дробится под моей рукой
И подается, вопрошая:
— Зачем стучишься? Кто такой?

2.

Стану я ждать, а снега будут виться,
Биться, стучать в городское жилье.
Выглянешь только
и степь удивится:
— Как же я раньше не знала ее!
И возвратится ко мне и притихнет.
Словно бураны, пробелы в судьбе...
И тишина, и простор меня стиснет.
Стану расспрашивать степь о тебе.
Заиндевелый ковыль изогнется,
Прядью искрящейся чуть шевеля,
Тихо шагаю. Да не стряхнется
Иней молчания с уст ковыля.
Выведет степь переметною зыбью
К озеру в тонком кольце камыша.
Только шагну я в кольцо
и рассыплю
Золото шепота.
Вздрогнет душа.
И, не сдержавшись, в открытую хлынет
Чуткое небо и белый простор.
Нет, я такого не ведал доныне —
Все это перед тобою восторг.
Так вот ты какая!
Лишь издали ведаю.
В день, что не снегом меня ослепил.
День мне сиянье твое проповедует.
Мне, одинокому, тесно в степи.

3.

Когда я весенними сборами занят,
Когда я надолго в поля ухожу,

Электронная библиотека АГУНБ, elibrary.ru

Смотришь ты в город моими глазами,
В степь я твоими глазами гляжу.
Степь отбуранила и отдымилась.
Вспыхнув, исчез ее мартовский блеск.
Белая в серую преобразилась.
Слышишь снегов исчезающих плеск!
Слышишь, свершается преображенье.
Птицы нагрянули, небо сверля,
Песенно празднуют солнца вторжение
В хмурые рощи, ручьи и поля.
Преображенье! Из дремного плена
С птицами солнечно вместе вставать
И для тебя о степных переменах
Счастлив я издали повествовать.

4.

Весь май такая молодая —
Иною быть и не могла —
Степь, от солончака седая,
В июле предо мной легла.
Околка остров белоствольный,
Где в мае ликовал прострел,
На степь седую смотрит больно
И тоже будто постарел.
Иссушен ветром воспаленным,
Край этот будто не знавал,
Как разнотравием зеленым
В ночь дышит летом сеновал.
В каком-то несогласье диком
Земли простор, простор небес...
Был год. С кочевническим гиком
Отсюда почвы слой исчез.
По-над тайгой, к иным пределам,
Устав бездельницей лежать,
По небу почва прочь летела
В места, где лучше ей рожать.
Ей здесь рожалось хорошо бы —
Среди привольной Кулунды.
Но вот поди, роди попробуй,
Когда зерно во тьме утробы
Лежит без капельки воды.

5.

Прилетай. Ты, как полдень, светла.
Полдень светел сегодня, как ты.
Он горит, не сгорая, дотла
Над пожухлой травой Кулунды.
Белизною солнечной слепя,
День прошизан тоскою сквозной.
И горит во мне жажда тебя.
Теплый свет переходит в зной.
Издалека не жги, не пали.
Степь и я не такой тебя ждем.
Если слева горит и болит —
Упади к нам в объятья дождем.
Прилетай, чтобы мир засверкал
Нежной, влажною голубизной.
Солнце низенько. Ни ветерка.
В теплый свет переходит зной.

6.

Дороги серые лылят.
Степь стелется однообразно.
Но так бывает, если взгляд
По ней скользит приезже-праздно.
От шумных трактов в стороне,
Свободный и простоволосый,
Узнал я с ней наедине,
Что травы так разноголосы.
Разбросанные там и тут,
Округлы и неоднолики
Озера птицами ведут
Переговоры-переклики.
Я те минуты улучал,
Когда никто не мог нарушить
Урока.
Так я приучал
Себя степные песни слушать.
Я знаю — посвист чабана
В вечерних сумерках густеет...
Но слушать лучше, чем она,
Никто на свете не умеет.

7.

Степь под колеса мне ложилась.
Горела белым зноем высь.
Был день. Лога насторожились.
И стебли тонко напряглись.
Единой повинуясь воле,
И ближний луг, и дальний луг,
И самый горизонт над полем —
Все разом превратилось в слух.
По всей взволнованной равнине,
Не исчезающий в логу,
Не затухая в плотной глине,
Далекий прокатился гул.
Степь затаилась.
Вся — вниманье.
Готова звуки принимать.
Так жар и трепет ожиданья
Охватит будущую мать,
Когда вдруг, вспыхнув каждым нервом
Неповторимо горячо,
Она услышит самый первый
Под сердцем легонький толчок!
Летела степью весть крылато.
И каждый малый стебель знал,
Что врезался в степное плато,
Идет на Кулунду канал.

Нет. Степь не изменилась внешне.
Преображенье — впереди.
Но степь от вешней и до вешней
Вся с ожиданием в груди.

Электронная библиотека АлтГУ elib.altlib.ru

8.

Три битых часа ждал попутку.
И под дождем промок, продрог.
А рядом школа. На минутку
Зайду. Погреюсь... Шел урок...
В просторном, гулком коридоре
В один волнующийся звук
Сливались, точно реки в море,
По крайней мере пять наук.
За дверью, приоткрытой малость,
Земля над партами плыла,
Вниз опускалась, поднималась,
Как бы воздушною была.
Учитель, увлечен уроком,
Он глобус голубой вращал,
И к ребятне сибирским боком
Родную землю обращал.
Я не следил за складной речью,
А за указкой, не дыша,
Следил.
Она по междуречью
Шла от Оби до Иртыша.
Я этот маленький отрезок
Знал наизусть, на память знал.
Прошла указка там, где резал
Степь Кулундинскую канал.
Мне так чертовски захотелось
К учителю в притихший класс.
Я знаю, что нашлась бы смелость
Там, в классе продолжать рассказ,
Что движется канал сквозь степи,
Идет не просто напрямик.
Топограф даль ему наметил,
А глубь разведал буровик.
Что так похож канал, идущий
Через курган и суходол,
На голый, без ветвей растущий,
Настойчиво растущий ствол...
Но, к счастью, со своим рассказом
Не смог вмешаться я в урок.
Учитель все обрезал разом —
Оставил глобус. Взял мелок
И наизусть. На память. Смело
Канал, отростки и ростки
Нарисовал он мелом белым
На влажной черноте доски.
Наверно, знал он все на свете.
Был взгляд и жест его толков.
К учителю тянулись дети,
Как тридцать малых стебельков.
...Шел на меня в осенем поле.
Разгул дождя и ветра вал.
Урок в степной, далекой школе
Меня в дороге согревал.

9.

Ночью и днем ощущаю я внятно
На пятачке преогромной земли —
Небо, ковыль, горизонт необъятный
Вместе с тобой в мою душу вошли.
Глядя на диво небес голубое,
Может, не то я восторженно пел.
Полон тобою, я вместе с тобою
К неповторимой степи прикипел.
Глину, песок ли, породу покрепче
Я поднимаю в просторной горсти,
Степь мне свое сокровенное шепчет.
Любо мне с нею беседу вести.
И заглядеться в эпохи, как в своды
Храма времен, и грунты вороша,
Жить зарождением русла, где воды,
В степи войдут, как явленье природы,
И возликует степная душа.

10.

Земля большая-пребольшая.
Тревожу я ее рукой.
Но Кулунда не вопрошает:
— Зачем тревожишь? Кто такой?
Я здесь, в степи, узнал, не где-то,
О чем и светлом, и большом
Всю зиму — лето, зиму — лето
Шептались небо с камышом.
И смысла не переинача,
Я с ними повторял свое:
— А что же без любви я значу?
А что я значу без нее?

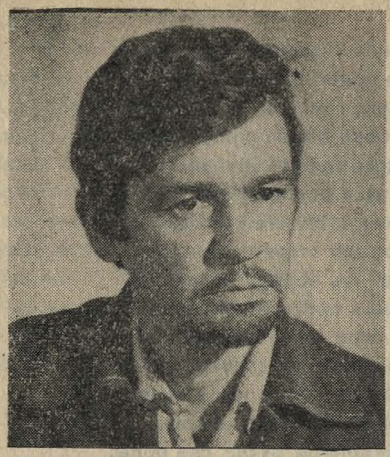
11.

Ты моя и тайная, и явная,
И неповторимая всегда.
Нынче ты, как ветка ивы, плавная,
Завтра ты — колючая звезда.
Знаю, что минует отдаление,
Знаю, как настойчив твой прилив.
Это все, как жажды утоление,
Это грусти в радость перелив.

*

Как бы ты во мне не возникала —
Морем, птицей, ветром и травой,
Кромкой горизонта чисто-алой,
На реке косою островной,
Яблоней кипящей белопенно,
Степью, заметенной добела —
Ты всегда, всегда и неизменно
Женщиной любимою была.

Электронная библиотека АГУНБ, elib.altlib.ru



Павел Степанович Бесчетнов родился в 1940 году в селе Курья Алтайского края. После окончания школы работал автослесарем, вулканизаторщиком, преподавателем русского языка в национальной школе на Памире, сотрудником районной газеты. Окончил факультет журналистики Иркутского университета.
Живет в с. Петропавловское Алтайского края.

Павел БЕСЧЕТНОВ

СКАЖИ, ЕСЛИ УСПЕЕШЬ

РОМАН

События (кроме, разумеется, исторических) в романе вымышлены и действующие лица прототипов в реальной действительности не имеют.

Автор

Видели ли вы хоть раз, как умирает хариус? Блиставший еще за полминуты до этого всеми цветами радуги, он гаснет, как свеча; тускнеют все его пунктиры. Он еще бьется среди торжествующих солнечных сполохов, бьется на гальках, рядом с перекатом, где шумит и веселится равнодушная вода, полминуты назад бывшая его пристанищем, его воздухом, его домом.

Он все бьется до той секунды, когда его пунктиры, чешуя и плавники вспыхнут напоследок неярким и безнадежным прощальным светом.

Серая рыбица с темной спинкой да несколькими пунктирными строчками вдоль боков — вот и все, вот и весь хариус, еще недавно стремительный и грациозный, еще недавно царь сибирских быстрых вод.

* * *

Обманка делается очень просто. Сначала наматываешь обыкновенную черную нитку на петельку рыболовного крючка. Сделав несколько витков, втыкаешь перышки и завязываешь узелок.

Перышки должны быть в меру жесткими и очень яркими — особенно хороши для этой цели перышки с грудки и шейки петуха. Гулевого петуха, не инкубаторского.

Затем берешь две нитки яркой расцветки. Например, оранжевую и зеленую. Скручиваешь их в одну и этой новой ниткой немножечко приматываешь перышки. Потом перышки разводишь в стороны и мотаешь нитку дальше, до того места, где начинается закругление.

Вот и все. Обманка готова. Черная точка — это головка мушки, а яркие крылышки и не менее яркое брюшко быстро привлекают внимание рыбы. Обманка всегда идет по воде жалом крючка вверх. Не надо больше никаких ухищрений — привязывай ее к леске, только удилище держи так, чтобы леска была в воздухе и только одна обманка плясала на волнах шиверы.

Электронная библиотека АКУНБ, elibaltlib.ru

Хариус — рыба стремительная. Увидев бороздки по воде от крылышек обманки, он какое-то время следует за ней и, заметив яркую мушку, резко всплескивает, выходя на воздух. В этот момент, в момент всплеска, его надо подсечь, иначе он круто уходит в сторону, распознав сблизи, что это вовсе не аппетитная мушка, что это просто яркий муляж.

И ловится хариус на обманку только за верхнюю губу.

Кстати, на обманку в Чигоринске ловят хариусов и зимой. Громотуха замерзает лишь кое-где, а вода зимой светлее спирта, так что ловят здесь с коней. Рыбак ездит по берегу на лошади, удилище у него длинное, леска тоже. Иначе нельзя — на снегу человек, подойдя к полынье, становится видимым рыбе.

А распознав обманку, да еще видя человека, хариус никогда не клюнет.

Так вот в иных обстоятельствах иная рыба бывает умнее иного человека.

Да и проще ей, рыбе-то. Она ведь из породы холоднокровных...

* * *

Быстра и светла Громотуха. Но и коварна. Смотришь в ее зеленоватые, студеные даже в жару воды, видишь на дне колыхающиеся из-за ряби камни теплого оттенка, до них рукой подать, кажется. Наступай, не поскользнешься. Не беда, коль чуть замочишься.

Обманчивое впечатление! Как наступишь, так по шейку или вовсе с головой уйдешь, — настолько коварна прозрачная вода Громотухи.

Так и человек иногда: кажется светлым да кристальным, а потревожь его душу, и поднимется со дна ее сивая муть, и ухнешь в эту муть с головой.

И не сразу разберешь — почему это?

Сначала он ничего не мог понять, потому что не знал того, что долгое, очень долгое время был без сознания. Почему, например, он лежит на животе и почему так низко расположено окно, в которое он смотрит через прутья какой-то решетки?

Но первое же движение причинило ему такую боль, что он понял — он в больнице и сразу же к нему вернулось обоняние: открылся целый мир, в котором, наслаиваясь друг на друга, жило великое множество запахов. И все они были лекарственными.

Так. В больнице.

Он осторожно повернул голову и обследовал взглядом решетку. Она оказалась спинкой кровати. Увидел он и какие-то склянки. Внизу. Что это — тумбочка низкая или кровать высокая? Скорее всего последнее, потому что подоконник тоже расположен слишком низко.

Высокая койка. Высокая койка... Послеоперационная?

Ну, вот, теперь хоть что-то стало проясняться.

А сквозь прутья кровати, окно и верхушки редких замерзших деревьев на противоположной стороне улицы он увидел окна верхнего этажа и красную крышу, такую знакомую вычурную крышу со всякими там архитектурными штуками, названия которых он не знал или не мог вспомнить. Сколько себя помнил, он этот дом всегда обходил стороной.

Дом этот, а может, и не этот, не очень и очень похожий, принадлежал когда-то купчику, застрелившемуся незадолго до знаменитого дореволюционного пожара, который очистил весь центр этого города.

В нем, этом сравнительно веселом на вид доме, последние годы жило несчастье. Причем не просто несчастье, а несчастье, помноженное на многие сотни. Оно касалось обитателей дома и тех, кто безуспешно ожидал этих обитателей в своих квартирах, верил в их выздоровление.

Ученые всего мира, гигантская армия ученых всего мира, несомненно, отдала бы все за то, чтобы узнать — с чего это начинается. Почему вдруг клетка сходит с ума и вгрызается в следующую клетку, делая ее в свою очередь безумной. И эта цепная реакция лавиной захватывает, вовлекает все новые и новые клеточные территории, клеточные объемы, создавая колонии, вспухание которых неудержимо. Орды безумных завоевателей крушили все вокруг, многие отряды из этих орд отрывались, течением крови их прибивало к новым берегам, и неудержимая, отвратительная оргия начиналась на новом месте, где тоже вырастали колонии кровожадных захватчиков и разрушителей.

Миллиарды микротрагедий происходили здесь ежесекундно, готовя почву для трагедий покрупнее. В этом доме находился онкологический диспансер.

Снова приподняв голову, он, мгновенно похолодевший от ужаса (операция, боль, диспансер!), решил, что он не там, не в этом страшном доме, где горстка храбрецов в белых халатах, хотя и воору-

жена всеми современными средствами, но постоянно терпит поражение, а каждый победный случай уже сам по себе великое исключение, потому что в этот дом попадали, как правило, те, чья дорога отсюда уходила в никуда.

«Черт знает что! Какие мысли лезут в голову! Дорога в никуда... Да, но еще Омар Хайям, человек, зачастую неудобный для сильных мира того, еще более зачастую нетрезвый и непокорный с непричесанными мыслями, еще он тысячу лет назад говорил:

Я в этот мир пришел —
богаче стал ли он?
Умру — великий ли
потерпит он урон?

И суть, конечно, не в том, что «все там будем», а в том — **что** именно успел ты сделать и **что** именно успел ты сказать к тому моменту, когда твоя дороженька упрется в мрачный нуль.

Успевай, человече! Сделай, если сможешь. Скажи, если успеешь.

Что же делать? Говорить? Писать? Если успею...

И тут в голове у него вдруг стали одно за другим всплывать слова, складываясь в какую-то цитату. Они всплывали, выстраивались в предложения, но существовали как бы сами по себе, в то время как он мучительно пытался вспомнить — где же он вычитал эти великолепные мысли.

«Никогда не описывать зло ради самого зла. Описывать зло можно лишь для того, чтобы высказать какую-то истину, которую вы считаете важной. Бывают времена, когда человеку необходимо напомнить о зле, чтобы исправить и изменить положение. Нельзя постоянно говорить ему о добре и красоте».

Он отлично знал особенность своей памяти — никогда в нужный кому-то момент он не мог вспомнить то, что заучивал по чьему-то требованию. В школе по «наизустным» произведениям он вечно хватал «колы», а вот теперь, через столько лет и забот, с его языка «просто так» срывались монологи и диалоги. Скотинины и Простаковы, Онегин под ручку с Татьяной, весь дедушка Крылов и даже «не лепо ли ны бяшеть, братия...».

«Романист не может быть просто хроникером человеческих поступков — он должен дать человеку какое-то понятие о том, что человек может быть лучшим, чем он есть. Если писатель вообще к чему-нибудь призван — так это сделать хоть немного лучшим тот мир, который застал, сделать все, что он может, всеми известными ему средствами, чтобы освободиться от зла. Это его задача».

Слова все нанизывались и нанизывались на некую сверкающую спираль, и этой спиралью стал его страх перед диспансером, обострivший его сознание, которое услужливо подбросило мысль — к этой мысли он неосознанно шел давно: с к а з а т ь. Сказать то, что он **запрещал** себе говорить. Сказать, рассказать...

Он смотрел на этот страшный дом и внушал себе, что если он видит его на той стороне улицы, то, естественно, не может в нем находиться. Следовательно, он не в диспансере. А слова все нанизывались на дрожащую от напряжения спираль.

«И не только описанием приятных вещей, он должен открыть истоки — указать на зло, которое способен совершить человек, и ненавидеть себя за это, и потом все-таки восторжествовать, выдержать и всегда верить, что он может быть лучшим, чем он есть, и лучшим, чем он, возможно, будет на самом деле».

Он все всматривался в этот дом и вдруг установил что кирпичные вертикальные, горизонтальные и дугообразные выступы на кирпичном же теле дома, контрастно выделяющиеся на белом фоне, выкрашены светло-зеленой краской, в то время как **тот дом** нес на себе те же выступы (или как они там еще называются), но темно-коричневого цвета. Да, это окончательно. Дом не тот. Не диспансер.

«Уф-ф-ф! Да это ж Фолкнер! Ну, батюшка мой, тебя уже отстреливать пора, раз ты не помнишь таких гигантов. А эта башенка на доме называется бельведер...»

И окончательно успокоенный, довольный этой своей маленькой победой над самим собой, над своей памятью (есть еще порох в этих самых штучках!), он снова осторожно повернул голову, только на этот раз в другую сторону, и увидел какую-то кнопку на стене. Была она белая, в черной окантовке. Включатель-пускатель? Непохоже, здесь он не нужен. Сигнализация?

Теперь уже и слух к нему вернулся, потому что он услышал какие-то неясные, но знакомые звуки.

Ших-ших-тук. Ших-ших-тук.

Ясно. Кто-то водит мокрой шваброй по полу. Кто же, кроме санитарки?

Он набрал побольше воздуха — это сразу же отозвалось тупой и все возрастающей болью в спине — и сказал:

— Магнитофон мой где?..

Санитарка тихо охнула и запела:

— Очнулся, касатик? Вот и хорошо, вот и хорошо...

«Ну, надо же. Как в дрянном романе: касатик! Прямо бездна нежности. Например, — напился, касатик? Ну и хорошо, ну и хорошо...»

— Мне нужен...

— Ты молчи, молчи. Ты молчи, — заторопилась санитарка, которую он попрежнему не видел. — Тебе нельзя разговаривать.

— Я говорю, где...

— Нельзя тебе разговаривать. Думаешь, зря, что ли, тебя в отдельную палату положили? Тебе надо молчать, лежать и набираться сил. Скоро встанешь, тогда и танцуй, хоть под гармошку, хоть под радиолу.

Правая рука его лежала вдоль туловища, он потянул ее — подалась, больно, но терпеть можно. Потянул еще. И — впился указательным пальцем в белую кнопку. Санитарка что-то говорила еще, а он все давил, протыкал эту кнопку, всверливался в эту кнопку, и боль все возрастала и возрастала.

Окно вдруг плавно стало удаляться, палец соскользнул с кнопки, потому что она тоже поехала, и рука упала. Потом в поле его зрения появилась низенькая, прямо-таки детская скамеечка, на которую и сел врач, вбежавший по этому тревожному и продолжительному звонку чуть ли не со всем составом хирургического отделения.

— Ну, и чего же мы буяним? — Врач говорил сочным басом, доверительно, как-то по-домашнему, словно спрашивал благодушно и раскованно за праздничным столом своего лучшего приятеля — ну-с, и чего же мы не едим грибков? И в глазах у него подпрыгивает целый выводок бесенят.

— Посмотри-ка сюда. Теперь сюда. И еще сюда. Так. Великолепно! Чудовищно!

Искорки прыгали, но взгляд был внимательным.

— Открой-ка рот. Так. Язык. Угу. Хороший язык. Великолепная пасть. А зубы-то прокурил, дружочек, а?

— Доктор...

— Та-та-та-та-та! Погоди-ка. Помолчи. Мы тебя сейчас на бочок повернем, раз уж ты такой шустрый. Потом говорить будем.

Осторожно повернули его на бок. Он терпел. Пока поворачивали, врач что-то басил, скрипнула дверь — не то кто-то вышел, не то зашел.

— Укольчик мы тебе сейчас сделаем. Ты не трепыхайся. Это чтоб не очень больно было.

Теперь он мог видеть всю палату. Подложили еще подушку под голову, и, хотя не совсем удобно голове, но он видел лицо врача.

Тот по-прежнему искрил глазами, но взгляд был настолько внимателен, что пришлось подтянуть на сей раз левую руку и ладонью медленно провести по лицу — да нет, вроде бы весь комплекс на месте: и брови, и нос, и все прочее, чему положено быть на лице.

Он уже совсем было собрался заикнуться про магнитофон, но тут потянуло чем-то таким, от чего в клубок сжалось внутри. Божественный запах, мясной бульон...

Доктор кормил его с ложки, и после первых глотков, которые вызвали ощущение аппетита, он заикнулся-таки о магнитофоне. Транзисторном. И несколько кассет бы. С пленкой. А доктор подавал и подавал. И говорил.

Вот, мол, принесу, но только после обеда. И при условии, что ты его только опробуешь, а записывать будешь денька через два-три. Тебе ведь обдумать надо то, что ты собираешься наговорить на пленку. А к тому времени надо хорошенько отъесться. Тут, кстати, друг доктора приехал. Из края. Такой «востряк» — не приведи господь. Завтра же вы и познакомитесь. А друг привез целую серию анекдотов. Таких, что под тебя придется «утку» подставлять.

А он слушал доктора и думал, насколько тонкий тот психолог. Не сюсюкал, не строжился, не важничал, а выбрал ёрнический тон. Как бы приглашал с ним попикироваться, как бы уравновешивал интеллекты, как бы ставил их обоих на одну доску и приглашал слегка подтрунивать над кем-то третьим, который пока что беспомощен, но который завтра, ого-го, что сделает...

Проснулся он оттого, что мама положила ему на лоб свою теплую и шершавую руку. Он открыл глаза. Нет, это не мама. Это солнце, бившее в окно, пригревало ему лицо.

На стуле у стены сидела женщина в белом халате и вязала. Склянки с тумбочки переместились куда-то в другое место, а здесь поселился маленький транзисторный магнитофон. Блок питания был подключен, микрофон тоже, стояла заправленной

катушка пленки с ярко-синим раккордом.

Женщина, увидев, что он открыл глаза, привстала, убирая вязание, и он, растопырив два пальца, показал, что надо воткнуть вилку в розетку. Та взяла вилку и протянула ее куда-то за него. Засветился индикатор.

Одной рукой он пощелкал клавишами и покрутил ручки, настраиваясь. Сказал в микрофон, следя за бегающей стрелкой:

— Запись рассказа журналиста такого-то, сделанная в больнице...

Перематывая, подумал, что фамилию-то свою он, слава богу, еще знает, а вот что касается больницы и города, то тут полная тьма.

Прослушал и остался доволен. Затем стер записанное, вернул пленку к самому раккорду, снова взял в руки микрофон и, насколько мог, четко выговорил в него:

— Запись первая.

Итак, первый шаг был сделан. Дальше пошло легче.

ТРИДЦАТЫЕ

Порою горе наше поистине глубоко и мучительно, и мы безмолвно стоим перед лицом ночи, ибо у нашего горя нет слов, а есть только стон.

Джером К. Джером

1

Иван Рогов в этот первый день весны тридцатого года чувствовал себя как будто вновь рожденным. Сегодня Настюха сказала ему, что давно беременна. Долго, наверное, она думала и не решалась...

Он стоял на крыльце под навесом и курил, просыпая крупные махорочные искры. Махорку он курил редко, только тогда, когда волновался. Сегодня он курил чаще обычного. И только махорку.

С двумя полными ведрами прошла в сени жена, коротко взглянув на него:

— Опять пойдешь?

— Пойду, — буркнул Рогов, внутренне рассмеявшись. Он выпустил целое облако сизого дыма и смотрел, как оно заслоняет от него жену.

Сегодня ночью он вновь, как уже много дней подряд, равнодушно мял Марье рукой живот, отчего она дышала все чаще и чаще, прижимаясь к нему костлявой грудью, давно высохшей. А он потом обычно поворачивался к ней спиной и, будто уснув, мстительно улыбался и слушал, как она дышит реже и реже, постепенно остывая от страсти, которая и сегодня не нашла выхода. Дождавшись ее последнего, длинного, с придыханием, с приглушенным стоном вздоха, он закрывал глаза и удовлетворенно засыпал.

А утром она обычно хлопотала вокруг него, пытаясь угодить. Он был нарочито груб или вовсе не замечал ее: теперь они поменялись местами.

...Когда-то его выбрали мужем этой купеческой дочке — нужен был хороший мужик, чтобы влить свежую кровь в хилеющее племя. Ее отец должен был иметь внука от единственной дочки — надо было в чьи-то руки передавать лавки по округе, извозное дело, чтобы быть уверенным, что после него дело будет двигаться, расширяться, обрастать новыми деньгами.

К себе Марья его подпускала редко, а когда мать узнала, что дочь понесла, Ванька Рогов превратился в обыкновенного батрака, каковым и являлся до женитьбы, хотя по праздникам, разодевшись, он и ходил с женой в церковь, всячески демонстрируя, как он богат и доволен жизнью.

И многие верили. Удивлялись — надо же, сирота и батрак у купца Барышева сам стал купцом и богачом.

Родилась дочка. Плод холодной любви, любви по принуждению, она росла чахленькой, много и долго болела и умерла в четыре годика. В Ваньке опять возникла надобность...

Редко приглашали Ивана за общий стол даже тогда, когда приезжали гости. Тогда заводили граммофон и танцевали какие-то диковинные танцы, о которых он, проживший всю свою жизнь в деревне, и слыхом не слыхивал. В такие дни и вечера он обычно помогал подавать на стол, играл на гармошке да пособлял господам — гостям разуваться. Он давно уже смирился со своим положением и только ждал своего часа, терпеливо выжидал своего часа.

Жена частенько уезжала в город, гостила там по два-три месяца, возвращалась чужая, незнакомая, благоухающая дорогими духами, в невиданных нарядах и шляпках. Ванька в ее присутствии терялся.

Работал он много. И в центральной лавке, и по хозяйству. Он знал, что тесть долго не протянет, и тогда он, Иван, станет единоличным владельцем лавки в Марково и по округе. Он все перестроит, обновит, переделает по-своему. А для этого стоило поунижаться еще несколько лет.

Электронная библиотека Алтайского края

Ничего, зато потом у него будет все: и деньги, и уважение всех, и целая толпа городских любовниц, тогда расквитается он с этой купеческой семейкой за свое долголетнее унижение.

Через два года после смерти дочери родился сын. Приболевший было тесть поправился, стал мягче, добрее. Иван теперь черновой работой не занимался. Мальчишка рос бойким и смышленым на радость всем. Иван почувствовал себя человеком. Жена оттаяла, к мужу стала относиться как к мужу, в город теперь ездила редко.

Когда началась германская война, тестю удалось откупить Ивана от армии — он получил справку, что страдает эпилепсией. Раза два Иван публично падал на площади перед церковью и сучил в пыли ногами. Это было стыдно, но он был благодарен старику-тестю за избавление от германского фронта.

Все шло хорошо, но перед самой революцией мальчишка, а ему уже шел тринадцатый год, утонул, купаясь в водоворотах под Иструбами.

Дед слег и больше не встал, окончательно его доконало известие о большевистском восстании в Петрограде. Перед самой смертью он позвал к себе жену, дочь и Ивана. Сказал, указывая на Рогова:

— Теперь для вас я — он. Слушать, как меня. Целуйте икону!

Не успели похоронить тестя, как вслед за ним отправилась теща. Так неожиданно для себя Иван Рогов стал деревенским купцом.

В гражданскую Ивана не трогали ни белые, ни красные, — все в селе знали, что он припадочный, а такие солдаты никому не нужны. Иван посмеивался себе под нос. Он был теперь доволен, ни от кого не зависел, но и ни во что не вмешивался.

Но жизнь изменчива. Лавку пришлось закрыть, приказчиков и батраков рассчитать. И стал Иван пахать землю. А делать это он отвык, зато привык считать себя богатеем, поплевывать свысока на мужичков. Землю же отобрали почти всю, оставили только «диколичный надел». Лавку разорили, во всех селах позакрывали его филиалы. Зато открыли государственный магазин, где были те же товары, его же товары, но дешевле.

И потекла идиотская жизнь. В свое время он почти все деньги потратил на расширение дела, купив на всякий случай лишь малую толику золотых вещичек. И теперь, когда ему было невмоготу, когда выть хотелось, он ехал в Торгсин, привозил оттуда кучу всяких вещей — муку, чужую водку с непонятными наклейками, сигары. Тогда надевал он свой лучший костюм, запаливал в зале все шесть десятилинейных ламп и люстру о шестьдесят свечей, готовил сам себе батрацкую затируху и тяжело, невесело напивался в одиночестве.

Жене из Торгсина никогда ничего не привозил.

Она тоже сильно изменилась. После смерти мальчика вдруг стала покладистей — то подойдет среди дня и обнимет, то грудь больно прикусит. И он охотно откликался сначала. Это были золотые дни его жизни — он был богат, и у него была пусть и не любовь, но здоровая и ладная жена.

Но годы тянулись, а толку от этого не было. Пошла Марья однажды к бабке. К этой повитухе она частенько обращалась после того памятного разговора с отцом. Отец строго-настрого запретил ей рожать— есть один наследник, хватит, не надо лавку дробить при разделе. Потом Марья клялась себя за то, что ходила к бабке убивать своих детей. Теперь она часто и долго молилась, испрашивая прощения у бога, надеясь, что бог пошлет ей ребенка взамен утонувшему сынишке.

Бабка безжалостно разрушила все ее надежды — детей у нее больше никогда не будет. С той поры, как Марья это узнала, у нее появилась первая седая прядь, а ласки ее стали судорожными, заполошными.

Рогов сначала был рад такому повороту в жене, потом стал удивляться, потом, наконец, догадался. Однажды он случайно подслушал, как Марья горячо молилась, стоя на коленях перед иконой, и перечисляла все свои грехи и всех своих любовников. С этого момента она ему окончательно опротивела. К тому же, она стала быстро худеть.

Теперь он остался один. У него не было лавки и не было жены. На его полях работали другие люди, в его домах жили чужие люди, рядом с ним по вечерам ложилась в постель чужая женщина, которая противно и часто дышала, мешая спать. А он, чтобы поиздеваться над ней и отомстить за идиотскую жизнь, равнодушно мял ей рукой живот.

Жизнь его круто изменилась в самом начале зимы прошлого года, когда к нему домой пришла просить хлеба Настюха. Домишко ее стоял на бугре над рекой, жила она одна. В тот день она рыбачила на шивере, проверяла свои сурпы, а кто-то сломал щеколду и утащил последние пол-

мешка муки — год был голодным. Она смекнула, что муки ей в селе может дать только Рогов. А за зиму она наловит рыбы, наморозит, напродает и рассчитается.

Он смотрел на нее с удивлением. В этом заскорузлом, опустившемся мужчине вдруг проснулся трепетный юноша. Он увидел ее талию под расстегнутой фуфайчонкой и неожиданно маленькую для ее возраста грудь, крепкие ноги и почувствовал, как у него тихонько начинают дрожать колени. От его долгого и пристального разглядывания лицо Настюхи запылало — она никогда не знала мужчин.

Отца ее убили еще в японскую, мать умерла в двадцатом. Настюху никто замуж не брал — была дика и бедна до лохмотьев.

Замуж ее не брали, однако местные ловеласы пытались подступиться к ней — не выходило. Однажды ночью четверо парней влезли к ней в окно. Но она ко всему была готова, под подушкой всегда держала пестик от ступки. Удар по голове одному образумил остальных. Обиженные ловеласы распустили слухи, что она больна сифилисом. В это никто не верил, но ее оставили в покое. Со временем она стала местной достопримечательностью и получила несправедливое и обидное прозвище «Полыхало» — так в здешних краях называют гулящих незамужних женщин.

Муки он ей дал, даже сам вынес на улицу и долго, волнуясь невесть от чего, смотрел на ее крепкие ноги, когда она тащила салазки с мешком.

Целую неделю его преследовал ее беспомощный взгляд, и как-то вечером он не выдержал.

Она не спросила — кто. Видно, ждала. Молча открыла. Молча прошла в комнату из сеней. Молча зажгла семилинейную лампу. Он потерянно топтался возле двери, она молчала. Потом рука ее скользнула к вырезу кофточки. Тоненько стуча по полу, покатилась пуговичка. Медленно она вздохнула, и он, подняв голову, увидел матовую кожу ее груди...

Перед утром он вышел на ее крыльцо, и ему захотелось плакать — жизнь его никчемная шла к закату, а такого у него еще не было.

...И вот теперь, стоя под навесом своего крыльца, он курил и чувствовал, как у него заранее отнимаются ноги. Прошло уже более чем полгода, а он все как мальчишка дважды в неделю бегает в эту завалюху над рекой и уходит оттуда, едва не плача от счастья.

Еще немного. Сейчас жена будет ложиться, а он пойдет.

Он размечтался и не заметил, как выронил окурок. Тот вылетел с крыльца, ветер подхватил его, разметав на сотню искр, и Рогов бросился втаптывать его в снег — в такой ветер, чего не хватало, еще и загорится дом, последнее, что у него осталось. Вот если Настя родит ему сына, тогда он сам посмотрит, как горит этот лиственный дом, где он служил шавочкой много лет подряд.

Немного выше дома Рогова по косогору стоял дом Еремы Перепела, и сейчас Иван увидел, как кто-то, согнувшись, распрягает в ограде лошадей. Побежала одна лошадь, потом вторая, вместе с оглоблями. Человек вдруг развернул сани и толкнул их вниз по обледенелому косогору как раз в направлении дома Рогова. Темная фигура пометалась в ограде Еремы и шмыгнула за дом.

«В баню, — догадался Рогов. — От кого он прячется? И кто это может быть?»

Через пару минут в ограде Еремы стало тесно, группа вооруженных всадников заполнила ее всю. Рогов отступил в темноту своего крытого крыльца.

Загрохали удары в дверь. Несколько человек вошли в дом Еремы. А тут порыв бурана заслонил все сметанным цветом перед глазами Рогова, и тот подумал, что надо бы глянуть — что в санях, уж не мертвец ли? Сани приткнулись к старой корявой березе на углу его ограды.

Никогда бы не подумал — там лежал мешок с мукой.

«Разве что своровал? Ну так прямо он и станет драть, а целый отряд с ружьями — за ним из-за какого-то мешка. Нет, что-то тут неладно!»

Он взвалил мешок на спину, толкнул сани вниз. Они легко пошли кованными подрезами по обледенелому косогору вниз, к речке, и, прокатившись по темному, прозрачному льду, выскочили к шивере под Камнем, легко скользнули в незамерзающую стремнинку. Через минуту они были далеко — посреди Чагыра тянулась длинная полоса незамерзающей бурливой воды.

С крыльца Еремы вывалилась группа, чего-то посовещались, непонятно, потом один из них пошел к плетню. Несколько человек зашли за дом, к бане, оттуда раздался чей-то истошный крик, грохнул выстрел.

Группа всадников по тропочке стала спускаться к его дому. Рогов затащил мешок в клеть, опустил в полый металли-

ческий цилиндр от старой медогонки, бросил сверху тулуп и шмыгнул домой.

Быстрехонько сбросил борчатку, пиджак, валенки, стащил через голову рубаху и юркнул под одеяло к жене.

— Что, сегодня и обо мне вспомнил? — злорадно спросила жена.

В дверь застучали.

2

Жизнь у Никиты Перепела не сложилась. В тридцать с лишним лет он все еще не мог поймать свою жар-птицу за хвост. Отца убили белые, мать выпороли. Умерла она не столько от боли, сколько от стыда, в горячке. А он скрывался, оставив их и жену с двумя маленькими ребятишками, на заимке у старого и нудного пасечника.

А вернулся — лучше б самого убили: жена сбежала с белым, и с тех пор о ней ни слуху ни духу. Этот беляк был родом из Озерок, откуда Никита брал свою жену.

В его доме беляки и квартировали. Мужики, как подопьют теперь, так тычут в нос Никите — у тебя белые стояли, жена твоя с ними сбежала, бросив ребятишек. Ненадежный, дескать, ты элемент, раз бабу не смог одарить, чтоб она тебе как мужику верность хранила.

Теперь дети уже большие — Миньке тринадцать полных, а Дашке под двенадцать. А все эти годы Никита сторонился людей с тех пор, как узнал, что в его доме шуровали беляки и все девки гулящие там на шалман собирались.

И в большом и старинном, помнящие еще времена Петра Великого, сибирском селе Марково не было у него друзей, жил он бобылем, курил да кашлял. Иногда к бабке Ларичихе ходил, самогонку выменивал на какие-нибудь тряпки. Пел он тогда хриплым голосом: «Товарищ, товарищ, болят мои раны!» У Миньки загорались глаза, а Дашка, как мать, зажмуривалась, подперев синей ручонкой голову.

В товарищество он не вступал. Тут вот коммуна организовалась, так когда из Красного Воина приехал Иван Рогов, бывший богатей, черт его дернул за язык сказать именно ему, что собирается он вступить в эту коммуну, уж больно надоело ему бирючить одному в родном селе.

Кто про это еще прослышал, неизвестно, только к утру сгорел его амбар, где хранил он весь свой единоличный хлеб, обмолоченный раньше всех. И картошка там была, тоже угольки остались. Хорошо, что он все это ссыпал в дальний амбар, подвеременный, а то бы и от дома ничего не осталось.

Посудили в селе, посудачили. Выпили изрядно Никита и Иван, вспоминаючи, как батрачил отец Никиты вместе с Иваном на Барышевых. Пьян был Никита в этот вечер. Может, окурок бросил, да и занялось.

А вчера ездил Никита Перепел к Гришке Черных, коммунарскому мельнику, явился к нему в тулупе и мохнашках.

— Садись. За сеном, что ль, собрался?

— За мукой... К тебе, Гриша.

Мельник усмехнулся. Что с него взять? Голь и гордыня. Табачище да легочный хрип.

— Дети пухнут, Гриша. Сгорело все дочиста.

— Вот и шел бы в коммуну, дурак единоличный. А в коммуне много таких дураков, вместе-то и умны.

— Пойду, — угрюмо сказал Перепел. — Продам барахло, рассчитаюсь за все долги, что к весне на шее повиснут. А корову и коней сдам в коммуну. Примут?

— Примут. Ну, а я при чем? Чо приехал-то?

— Мешок муки бы...

— Дурак. В голодный год?

Долго ломался Гриша, но все же сговорились. Для начала Никита привезет три «четверти» самогонки, а за муку рассчитается, когда барахлишко продаст.

Мешок будет лежать в пристройке. Бери, Никита, не стесняйся. Дверь не заперта. Но если поймают — украл, значит. Сам и расплачивайся.

На том и порешили.

Снес Никита материну юбку тонкого и теплого сукна — отец еще с японской привозил, молоды они тогда были, старый Перепел еще гоголем ходил. Снес Ларичихе и сережки дутого золота с ясными камушками. Получил три «четверти». Привез.

В самом деле, открыто. Мешок прислонен к стене. Поставил Никита трясущимися руками «четверти», подтащил мешок к саням, завалил его, чмокнул губами на лошадей, те привычно тронули.

Сварю затирухи пока, а завтра квашню на опаре заведу. А сейчас к затирухе — лепешек пресных. Минька с Дашкой теперь заждались, поди. Сам бы лучше сдох, чем смотреть, как дети голодают. В одну «четверть» водички малость долил, на остаток и отпраздновать можно. А там достану и картошки. Брат из Красного Воина даст, хоть и двоюродный, даст, не зверь ведь.

Рассуждая так сам с собой, он достал

из-под соломы бутылку с сэкономленным самогоном, хватил через край несколько глотков, поперхнулся — первач у Ларичихи ядреный. Стало тепло.

Да и бабу брать надо, хватит маяться. Тот раз в Никольские праздники Клашку вроде склонил, да только стыд один, а не любовь — торопливо и горько. Четвертый десяток доходит. Лет через пять-семь можно и внуков ждать. Ребятишек поднял, теперь они уже почти на ногах, работники, уже помощники. Пора и для себя пожить.

Он чмокнул губами, взмахнул вожжой, да и застыл — порыв бурана ослаб, и он увидел километрах в четырех внизу по другой дороге на мельницу отряд на вершне — люди ехали строем.

Это за мной! Это за мной! Кто же пронюхал? Это меня ловить едут за коммунарский хлеб! Хоть додумался, слава богу, не поехал по тракту на Марково, поехал по-за стогами. Куда теперь?

В Красный Воин, только в Красный Воин! Ерема спрячет. Брат все же, хоть и двоюродный.

Он встал во весь рост, заорал на лошадей, те всхрапнули и понеслись. Буран повалил гуще.

3

Вот и пригорок, сразу за ним — Ерема, а ниже его уступами идут дома. Вот Рогов, дальше обледенелый скат к реке. Может, туда? Нет, там стремнинка под Камнем не замерзает, а выше Камня ледок ненадежный — быстр Чагыр, сибирская горная река. Замерзает прочно лишь у закраин. А так хорошо бы скрыться за обрывчиком, и в чащу...

Перепел въехал в ограду, свалив плетень, быстро выдернул из саней оглобли, гикнул на лошадей — они понеслись. Развернул сани и пихнул их вниз, к дому Рогова. Повернулся к крыльцу и увидел, что со стороны тракта к нему, прямо к нему направляются всадники. Вот они, рядышком, и достучаться до Еремы не успеешь...

Дверь в Еремин предбанник подалась туго. Он с треском захлопнул ее, заскочил в теплую и душную баню, присел перед маленьким оконцем. Всадники въезжали в ворота. Ах, чтоб тебя, забыл плетень поднять!

Из затемья своего крыльца осторожно вышел Рогов...

Трое забарабанили в дверь, потом долго чертыхались, пока им не открыли. Их не было довольно долго, остальные так и не слезали с коней. Перепел рассмотрел их, многих узнал — алексеевские. У тех своя коммуна. Может, не его ищут? Правда, зачем он им?

Ноги его затекли, он привстал, краем шубы свалил какую-то жестянку. Замер — попался! Лошади за оконцем прядали ушами. Зазвучали голоса, вышли трое и Ерема. Трое вспрыгнули в седла. Ерема стоял среди всадников в одной рубахе, покачиваясь.

Перепел осторожно протиснулся в предбанник, посмотрел в дырку над дверью, теперь ему было слышно, как пьяно разорялся Ерема:

— Ну, распротуды вашу мать! Плетень-то свалили, чалдоны! Распротак вас и перевотэдак! Если коммуния, то и единоличные плетни валять, власть вашу в душу мать!

Один из всадников спешился и пошел в глубь двора, к плетню. Перепел сжался — сейчас тот увидит свежий санный след.

4

— Я думал, банда. Говорят, Савка снова появился, — Перепел напряженно улыбался. — Я и трапнул от вас. На мельнице был. Мешочек там смолол. Миньку и Дашку моих совсем подтянуло. Покормить... — Перепел понял, что говорит слишком заискивающе, подхалимски. Докончил твердо: — А в баню, так я со страха. Банда же!

Алексеевский мужик, единственный, кто сидел за столом, предварительно сдвинув рукавом полушубка в сторону огрызки и кости, следы недавнего застолья, встал, не выпуская из рук винтовку. Лицо его состояло из одних желваков.

— Банду, говоришь? А ну, поехали, мы тебе сейчас покажем твою работу. Мы тебе все покажем. Ты ребеночка двухдневного видел с ножом в горле?

«Сумасшедший, — подумал Перепел. — Ночь уже скоро, да и воскресенье, вот и нализался. А я при чем?»

— Погоди, Воробьев. Пойдем-ка на его мешочек глянем. Можа, и правда его, — медленно сказал другой.

Они вышли, подтолкнув впереди себя Перепела. Гости Еремы ошалело переглядывались. Не то от самогонки, не то от «ребеночка с ножом в горле» кто-то громко икал.

Электронная библиотека АКУНБ

5

— Вот что, — хрипло прошипел Рогов. — Я никуда не выходил. С самого обеда. Поняла? Пикнешь — мне терять нечего. Жисть с тобой прожил — хуже не будет. Вся тюрьма у меня была, не жисть.

Стук повторился. Рогов снял штаны и в кальсонах пошел открывать.

— Не видал я тут саней. Да и ложимся мы рано. С одной-то коровой убраться, раз плюнуть. Детей нет, делать больше нечего. Прясть жена не может. Руки болят. Чуть затемнеет, мы и спать сразу. Чего керосинто зря палить? — скороговоркой рассыпался Рогов, ведя вошедших в спальню.

Поднятая шумом Марья испуганно глядела на десятилинейную лампу в руках незнакомого мужика, щурилась и прикрывала одеялом свою никому не нужную грудь, и морщинистую шею. Лицо ее пошло пятнами, и Рогов с ненавистью смотрел на нее из темноты за спиной мужика, державшего лампу.

— И правда, мы уже давно. И не заходил никто. И не выходил никто. И мы ни к кому. И к нам никто...

— Заладила! — зло бросил человек с лампой. — Ну что? — заорал он на Перепела.

— Как же так? Как же так? Я ведь их сюда пихнул, сани-то. Мука там была, я с мельником договаривался. Он мешок, а я самогон, — он буквально задыхался. Его в чем-то подозревают. Лучше все рассказать. Гришка подтвердит. Не посадят — детишек куда? Ну, оштрафуют его. Ну, отработает он. Но в чем его винят? В чем винят?

— С мельником? Поехали!

6

Рогов закрыл дверь на крючок и засов. Надел штаны, радуясь, что сможет отнести мешок Настюхе.

Вообще, у него скоро жизнь пойдет разлюли-малина. Перейдет он к лету в Настюхин дом, подлатает его, перестроит. Вступят они в коммуну — хватит волком в своем селе жить. Будет Настюха ходить по вечерам в ликбез, а он будет дома с сыном играться. А Марью — к черту, пусть живет как хочет. Сын вырастет, летчиком будет, аэропланщиком. А Рогов какую угодно работу в коммуне делать будет — не зря столько лет, с самого маличку работал на Барышевых, он все может по сельской части.

Утащить мешок-то Настюхе надо. Пусть ест теперь-ча вдоволь. Сын-то в ней мой. Единственный мой. Последний.

Стоп! А те? Могут и подстеречь! Нет, не сегодня. Дотерпеть как-нибудь, а завтра...

Он с сожалением разделся и лег. Какое-то подобие теплого чувства шевельнулось в нем к жене — не выдала ведь, нашли бы мешок — позору не оберешься.

Оно и Марье-то тоже не очень сладко было жить с нелюбимым. А подчинялась отцу, раз пригрозил ей, что нищей отправит по свету гулять. А потом и рожать запретил. Так и жила Марья не своей волей. И в город-то он ее все больше отправлял. С сыночками тамошних купчиков Марья погуливала, а дед с большой скидкой оптом товар получал.

Вот она, жизнь-то какая, грязная да постельная, и радости от нее не было ни Марье, ни Рогову. А тут и вовсе после гражданской все прахом пошло...

Марья — черт с ней. Единственная дочка, могла бы и на своем настоять. Покрутился бы, покрутился папаша да и отступился — нет ведь другого дитя, к которому прислониться. Да нет — нравилось ей в город ездить.

А Настюха скоро сына принесет...

Марья слегка приподнялась и недоуменно смотрела на отчетливо белевшее в начинающихся сумерках лицо мужа. Она впервые за долгие годы видела его улыбающимся, довольным.

Рогов положил левую руку на ее плечо, по-хозяйски пододвинул к себе. Она с готовностью прильнула. По-молодому скрипнули доски рассохшейся деревянной кровати.

7

— Какой первач? Какая мука? Рехнулся? Да я по нонешнему году самая главная фигура в коммуне. Мне доверено общее зерно! Ты что врешь, сволочь!

Мельник распалял себя, а сам радовался: он и сегодня, как всегда, оказался на коне. Мельник рассудил правильно: если поймают Перепела, то поймают сегодня и только сегодня. Значит, спешить не надо. Скрипя сердце, он погрузил «четверти» в тайничок.

Тайничком ему служит деревянный ящик, приколоченный к стойке с той стороны засыпного лаза, и вела к нему тоненькая плашка-жердочка. Пойти по ней над грохочущими жерновами никто бы не решился — боязно, да и незачем. Но для начала кружечку Гриша все же отлил.

На всякий случай он замел и другие следы. Мешок был без клейма коммуны, а в пристройке он выхлопал пару мучных кулей, пол там теперь чист и бел, как утренний снег.

— Гриша, постой, Гриша! Я же только что вот брал у тебя мешок, а самогонку оставил...

— Ах ты, гад! Честных людей обгадить хочешь? Морду сворочу! — закричал мельник, одним глазом следя за Воробьевым. Тот нюхал кружку. Сердце Гриши мягко упало вниз — неужели самогоном пахнет, мыл ведь...

Воробьев низко склонился к уху толстенького и низенького мельника и одними губами произнес фразу, от которой стал мельник еще ниже:

— Всю семью Клинцовых вырезали. Всю! Спалили загон. Шестьдесят коммунарских коров и двадцать лошадей — заживо. Так был он у тебя сегодня?

— Нет! — в ужасе закричал Гриша.

Мужик с винтовкой коротко ткнул Перепела кулаком в затылок.

— А ну, показывай, откуда брал мешок?

Перепел повел их к пристройке. Мельник услужливо отомкнул огромный замок, открыл дверь, высоко поднял лампу. Пол был припорошен мучной пылью. Мельник сделал пару шагов внутрь пристройки, отступил назад и опустил лампу пониже. На полу четко отпечатались следы его больших валенок...

Что же это? Перепел отчетливо помнил этот пол, затоптанный многими ногами, и широкую полосу от мешка, который он волоком тащил к двери. Он не смог его взять на плечо — отощал, и глядевший в щель мельник громко подхихикивал над голодным единоличником.

Он стоял и не слышал, как клацнул затвор винтовки и как Воробьев крикнул:

— Они его тут оставили нам голову морочить, а сами драпают! Я его собственной рукой!

Перепел смотрел в снежно-белый пол и не видел, как двое вырвали из рук Воробьева винтовку, не слышал его отчаянной, слезной, фальцетной матерщины. Он видел своих Миньку и Дашку у семилинейной лампы, голодных, ждущих, когда приедет отец и сварит им долгожданную обещанную затируху. Они уж раз по десять теперь выбегали его встречать, как только Пустобрех залает.

А он вот стоит и ничего не понимает. Куда-то делись сани с мешком, теперь вот Гришка отпирается. Откуда-то взялись эти с винтовками. Что они ищут? Что случилось?

А случилось вот что.

8

Большой, по-сибирски крепкий дом да сарай, теплый, бревенчатый, на шестьдесят коров и двадцать лошадей, окруженный оградой из толстенных плах или, как здесь говорят, заплотом, — вот и все, чем пока располагала коммуна.

Здесь, между двумя селами — Алексеевкой и Красным Воином — на нетронутой земле, и должны были рубить весной себе дома коммунары. Жили они пока в Красном Воине, а в этом дому на берегу Чагыра поселилась лишь семья Клинцовых, вполне справляясь по уходу за скотом, со всей работой. Молоко каждое утро отвозили в Красный Воин на коммунарский склад, а по воскресеньям перерабатывали сами сепаратором и сбивали маслобойкой.

Старый Федот со своей Евдокией были еще крепки и бодры и участвовали в общей работе. Основными же работниками были их тридцатишестилетняя дочь Лизавета с мужем да два сына — Никодим и Фрол.

У Лизаветы с мужем было четверо детей. Сергею сегодня стукнуло сорок, дома он не был уже полтора месяца, и утречком Лизавета запрягла в лучшую коммунарскую кошеву пару лучших коммунарских вороных, посадила ребятишек и, несмотря на буран и ворчню старой Евдокии, поехала в Алексеевку.

До Алексеевки было ближе, чем до Красного Воина, и Сергей договорился с местным коммунарским кузнецом подремонтировать бороны своей коммуны.

Сергей — мужик степенный, молчаливый, работящий, пока работу не сделает — не бросит. Лизавета это знала и всегда отмахивалась от матери, когда старая Евдокия заводила разговор о том, уж не присох ли к кому Серьга, раз не едет домой сорок ден.

Лизавета трижды ездила к нему, возила белье да продукты, но с ребятишками сегодня поехала впервые. То-то радости будет имениннику.

Евдокия проводила дочь, долго смотрела с крыльца, как буран размывает силуэты двух лошадей и кошевы, перекрестилась — пронеси, господи!

Ни Лизавета, ни она еще не знали, что виделись они в последний раз.

Фрола дома не было уже около двух

месяцев. Корма у коммунаров кончались, и было решено основной табун лошадей угнать дальше в горы, за Крутоярово. Там они и паслись на подножном корму. Вместе с пятью мужиками ушел и восемнадцатилетний Фрол, поэтому он только понаслышке знает о том, что произошло в этом большом доме на берегу Чагыра в первый день весны, в воскресенье, первого марта 1930 года.

9

У Никодима жена только позавчера родила. Намучилась она с этими родами. И что такое — третий раз рожает, и все трудно. Старшей-то Аринке уже восемь стукнуло. Петрухе было пять и вот теперь родился Гаврюха. Сегодня ему уже два дня...

Никодим стоял на чердаке, где у него висели выделанные заячьи шкурки, и его била крупная дрожь. Он только что сильно поколотил Петруху, еще и сейчас снизу доносился его обиженный рев.

Здесь, в предгорьях, часто бродили стадами волки, и у Клинцовых всегда висело заряженное ружье. Сегодня оголец схватил его. Никодим заносил последнюю флягу с молоком в кухню, как вдруг увидел, что сын целится в него из ружья. Ружье было тяжелое, оно качало Петруху из стороны в сторону и черная дырка ствола плясала на уровне головы Никодима. Не помня себя, он выбил из рук сына ружье и жестоко высек Петруху сыромятным ремнем.

И хотя он сразу же запер в бабкин сундук ружье и все до одного патрона, а ключ спрятал в шкаф, его до сих пор еще трясло. А Тоня разволновалась от этого случая, прямо запылала пожаром. Она еще и так не отошла от родов.

А все же шапчонку Петрухе надо новую сшить, у старой он ухо с мясом выдрал, теперь уж и не зашьешь. Никодим уже продрог в чирках и без фуфайки, но все еще перебирал шкурки.

Стекло чердачного слухового окна дребезжало, и Никодим подумал, что надо бы прибить планочку. Он потрогал рукой стекло и увидел сквозь него внизу, рядом с домом, две кошевы, запряженные парами, и сани с лошадью. Два мужика о чем-то разговаривали с отцом. Отец показывал в сторону Топольного, а мать стояла у загона ворот с ведром.

Никодим уже отвернулся от окна — кто-то, наверное, дорогу спрашивал, — когда раздался негромкий хлопок. Он мельком глянул в окно и увидел, что отец лежит на снегу, а мать бежит к нему, и пустое ведро болтается на ее согнутой руке. Раздался еще хлопок — мать ткнулась в снег, а ведро откатилось под ноги лошади. Один из трех в тулупах подхватил ее под уздцы.

Что-то остановилось в Никодиме, он застыл, словно никогда не умел двигаться. До самой последней минуты он потом не простит себе, что просрочил эти несколько мгновений, за которые можно было хоть что-то сделать.

Безучастно смотрел он, как двое скользнули сквозь двери загона к сараю, и только тогда, когда взметнулись языки огня и буран стал красным от отблесков пожаров, он понял, что убили его отца и мать, что подожгли сарай с коммунарским скотом и что теперь их очередь. Всех их, кто еще оставался живыми в этой большой и дружной семье.

Он скатился по лестнице в сени, закрыл на засов наружную дверь, которая трещала под ударами уже, когда он закрывал на большой кованый крючок дверь из сеней в кухню.

Потом он никак не мог припомнить, что он делал. Всплывали какие-то обрывки.

Вот он кричит: «Спасайтесь!» Вот он заталкивает Петруху в подпечек, где лежат рогачи и лопаты для подового хлеба, и кричит ему, чтоб тот не вылазил и сидел тихо, не пикнув. Вот любопытная Аринка, привлеченная багровыми отсветами на окнах стариковской спальни, подбежала к окну, и сейчас же дождем брызнули осколки стекла, и Аринку пулей отбросило метра на три.

Все это происходит в какие-то считанные секунды. И много позже Никодим вспомнит свою тогдашнюю единственную мысль — стреляют жаканами.

Вот он тащит в дальнюю комнату, к окну, выходящему на берег Чагыра, свою полубеспамятную жену, которая только позавчера родила, а роды были трудными, и каждый шаг дается ей через невероятную муку.

Вот он выбивает двойные рамы, подсаживает жену на подоконник и легонько толкает ее. И тут же видит, как череп ее словно взрывается — в голову попал жакан.

Тогда Никодим прыгает в окно головой вперед, как прыгал когда-то в детстве со скал в освежающую глубину Чагыра.

В него никто не стрелял. Выбравшись

из сугроба, он бежал к берегу, к лодкам, а в голове стучала мысль — детей не тронут, детей не тронут!

Он несколько раз выглядывал из-под перевернутой лодки — кошева и сани еще маячили перед домом. Горел сарай, жутко трещали его лиственные, сработанные на века стены, уши давил вой горевших коров и ржание запертых в сарае лошадей. Он сорвал с себя синюю рубаху, сбросил брюки — теперь он был в белом, в мутном месиве бурана его теперь не заметят. Только бы не тронули детей...

А как же Аринка? Ведь ее же не пощадили!

И вот только теперь к нему пришло спокойствие, и не столько спокойствие, сколько безразличие и решимость. Он понял, что надо делать. Он пойдет, и пусть убьют его. Пусть только оставят в живых Петруху и Гаврюху, пусть оставят в живых...

Он шел, весь в белом, почти невидимый в мелких подсечных струях бурана, не шел, а почти бежал, и ветер толкал его в спину — скорее, скорее, скорее!

Но — никого уже не было. Слепо глядел выбитыми глазницами окон дом, снежные струи запросто куролесили там, внутри, за окнами, где остались еще живые его Петруха и Гаврюха.

В это время со стоном рухнула крыша сарая, и сразу же вырвался разноголосый утробный хрип — придавило полусожженный скот. Что-то вдруг шибануло Никодима в сторону жаркой подушкой, и как он упал, этого он не помнит.

...Снег вокруг дома подтаял и стал серым, грязным, на нем обозначились многочисленные островки конского и скотского навоза. Никодим добрался, весь в гари, до крыльца, встал и прислонился к тесаному фигурному бревешку-колонне. Горячее дерево жгло через рубаху. Дверь в сени была разбита в щепки, за ручку двери в кухню нельзя было взяться. Дверь висела на массивном крючке, она была снята с крючьев, он отодвинул ее в сторону и вошел в кухню.

То, что он увидел в доме, стоило ему седины...

Из дома он вышел в фуфайке и валенках, надетых прямо на белье, а шапку нес в руке, и встречный ветер поднимал надо лбом его длинные белые пряди. Со стороны бы показалось, что идет человек, у которого волосы встали дыбом.

ЗАПИСЬ ПЕРВАЯ

...Всю жизнь прожить
в каком-то поезде...

Илья Эренбург

1

Ну вот, теперь можно и начать. То, что я скажу невпопад, вычеркнет или вырежет на этих пленках мой приятель, которому эти записи и адресованы. А невпопад я буду говорить много, потому что я должен сказать многое. Сказать так, как это было. Или, если хотите, так, как это мне представлялось.

Я хочу просто поделиться кое-какими соображениями, еще уцелевшими в моей плоской голове, а как он ими распорядится — это его дело. К тому же, многие из этих записей могут потребоваться прокуратуре, если она заинтересуется происхождением моей раны (это небольшое отступление я сделал для того, чтобы медицинский персонал, прослушав начало пленки, не стал бы мне препятствовать в продолжении моей работы). Дело в том, что я не знаю, сколько эти боги отпустили мне времени, я тороплюсь. Я должен успеть сказать. Почти как Бернес пел, правда? — я спешу, извините меня...

Что родился, что учился — не суть важно. Если будет время, я расскажу и об этом. Возможно, это будет вообще последнее из того, что мне предстоит сказать.

А может, мои страхи необоснованные. Но я вижу, как уж очень бодро говорит со мной мой врач, как прямо сочится оптимизмом главврач, как острило и изощрялось в анекдотах специально вызванное из края для консультации медицинское светило. А из этого нетрудно сделать нежелательный для себя вывод. Хотя, поверьте, я бы дорого дал, чтобы этот вывод оказался несостоятельным (впрочем, пообещал только что «дорого дать», а давать мне нечего, кроме двух с половиной тысяч личных книг, — на сберкнижке у меня ровно сто копеек.

Но я отвлекся. И, в общем-то, это не моя забота. А моя забота идет по другой линии. Моя первоначальная линия очень скоро оборвалась. Мне было сказано, что не надо описывать героев труда, надо их делать. Редактор мне достаточно популярно объяснил, что если какая-то Эн взяла вот такие вот обязательства, то я про ее ферму не могу писать ничего критического. Я должен себе крепко усвоить,

Электронная библиотека АКУНБ elib.nplu.ru

что там все хорошо, иначе и быть не может у инициаторов. И еще — что я своими критическими материалами могу подорвать веру районного читателя в благополучное выполнение взятых обязательств. Таким образом, критическими материалами я мешаю общему продвижению вперед.

Совершенно естественно, я возразил. Я сказал, что вот такие дутые передовики, которым помогают, замалчивая недостатки в организации труда, вредят больше, чем критический материал по организации соревнования. В самом деле, ведь от коллектива не скроешься. Если писать, что на ферме Эн все хорошо, а коллектив отлично знает, что это не совсем так, то велик ли будет авторитет газеты?

После того, как я это сказал, было решено, что я недостаточно тонко понимаю текущий момент в масштабах района.

С этого дня я перестал в редакции заведовать сельским хозяйством и сел на письма.

Вынесу за скобки события, предшествовавшие и последовавшие. Скажу только, что такой разворот событий вывел меня прямо на дело о коммуне.

Началось с немногого. Наш зам написал материал «Дорога через смерть». Там было несколько данных: кого убили, когда, как много крови было, заканчивался материал описанием торжественного приема в пионеры у памятника погибшим коммунарам.

Я прочитал эту вещь и у меня возникло очень много вопросов, на которые зам не смог дать ответа (он вообще не задавался этой проблемой. Ему нужно было связать факт гибели коммунаров с приемом в пионеры. Это вообще очень похвально, но в данном случае слишком мало).

Как вы сами понимаете, наводить справки я не стал, я не мог это делать — это было бы подсиживанием зама, а этим я не занимаюсь. Я могу очень резко высказать свое мнение, прямо в лицо собеседнику, невзирая на место, которое он занимает на районном небосклоне. Могу иногда с отчаяния крепко (по моим стандартам дилетантским) выпить, несмотря на сравнительно недавно зарубцевавшуюся язву или, как я ее зову, Мадам Язву. Но кем я не был — так это скотиной, лизоблюдом или подсиживателем.

Итак, справок я не наводил, помог мне случай.

Позвонили как-то из Марково и сказали, что сегодня будут чествовать первого колхозного пенсионера — колхоз принимает его в почетные колхозники и назначает ему за труд пенсию, которая довольно значительно превышает пенсию городского заслуженного рабочего.

Редактор был, как водится, на одном из бесчисленных совещаний (или накачек, как угодно). Зам уехал с кем-то из райкома в командировку, остальные тоже в разъездах, и в редакции только мой телефон был жизнеспособен: я вместо заболевшей машинистки печатал материалы для следующего номера.

Потом я много раз благодарил и клял судьбу за то, что она под этот звонок подсунула именно меня.

Я записал, кого чествуют, когда начало. Внял интонациям секретаря парткома, который чуть не нараспев внушал, вдалбливал мне, насколько это важно, что мероприятие надо должным образом осветить, что это впервые в районе, а стало быть — они запевалы добрых дел, что редактор обещал, что...

Буркнув «выезжаю», я положил трубку, оставил на столе редактора записку, после этого выкурил сигарету, позвонил домой и получил очередной втык — сегодня день рождения нашего сына, а я опять поехал куда-то к чертям на кулички. Дозвонился до гаража райисполкома, где стояла наша редакционная машина, и попросил шофера приготовиться к поездке в Марково.

Я твердо решил уволиться из этого заскорузлого места, на это были свои причины, о которых несколько позже, и этот материал у меня будет последним.

Никто не пострадает, даже кое-кто вздохнет с облегчением. Редакция отлично обойдется без меня, на что мне не раз уже намекал редактор, отягченный словесными и письменными выговорами, схваченными в качестве послесловий к рыбацким, охотничьим и прочим делам. Я тоже обойдусь без редакции. Без этой редакции. И без этого редактора.

Короче, я выехал в Марково.

2

А в Марково у меня был хороший друг. Не знаю, можно ли его так называть, другом, — он был много старше меня, воевал, горел в танке. Я писал о нем материал «Пламя на ветру». Материал был не ахти, это я сейчас вижу, но он сказал, что я схватил самое главное из его рассказа, — то, что он всегда верил, что его лицо к нему вернется, его обожженное лицо. И еще

ему понравилась моя фраза в конце материала, что они не отталкивают, эти шрамы-ожоги на его лице, а вызывают уважение, как следы долгой и страшной войны, следы не унижения, а геройства (может быть, в материале были другие слова, не помню, но за смысл ручаюсь).

После этого материала, приуроченного ко Дню Победы, я искал целых восемь месяцев его друга. Его, так сказать, однотанковика, который вместе с ним горел в этом танке на первых метрах чужой земли в Восточной Пруссии. И тоже выжил. И пока Николай Владимирович валялся по госпиталям, пока с его кожей экспериментировали в научно-исследовательских лабораториях по пересадке обожженных тканей, Василий Чернокрылов успел закончить войну на Западе и повоевать на Дальнем Востоке. Успел дойти до самой кромочки, до Порт-Артура. А потом растворился в гигантской стране, стал конюхом или кибернетиком, бригадиром или продавцом, отцом дюжины детей или бобылем.

А Николай Владимирович Болдырев, главный экономист колхоза в Марково, все хотел бы найти его мать, чтобы написать ей, как здорово бился ее сын Василий Чернокрылов в том последнем бою на первых метрах прусской земли, когда пластало пламя внутри и снаружи их «тридцатьчетверки», и после которого везли Николая Болдырева, тогда двадцатичетырехлетнего, стоя в «студебеккере», а он растопыривал руки навстречу спасительному ветру, который хоть немного гасил невыносимый зуд (пока зуд!) в обожженных местах.

Я искал Чернокрылова восемь месяцев. На станции Сеща в Белоруссии, в Стерлитамаке, в колхозе под Брестом, в Коми, черт знает где я его искал, а он жил под боком, в Канске. И когда я получил от Чернокрылова собственноручную весточку, я понял, что высоко оправданы все мои сотни писем, отблагодарены десятки замполитов частей, следопыты полусотни школ, отблагодарены все, к кому я обращался, чтобы два солдата, наконец, нашли друг друга в этом гигантском мире, больше половины из которого интересуется военным временем, но войну не нюхали, да и не надо бы.

Пришлось еще ждать почти месяц. Я должен был получить стопроцентную гарантию, что тот Василий — это тот Василий. Поэтому я ездил в Марково, выспрашивал у Болдырева тысячу всяких подробностей, сообщал их Чернокрылову, и тот их неустанно подтверждал. Я устал от этой игры: Болдырев не знал, что я ищу Василия Чернокрылова, а тот понятия не имел, зачем мне нужны подробности о Болдыреве, которого он в свою очередь считал погибшим. А я хотел им обоим сделать неожиданную радость, об их встрече я как-нибудь расскажу.

В конце концов, вроде бы все сошлось, и я поехал в Марково, к Болдыреву. Поехал, сопровождаемый дружными «востротами» моих сослуживцев, которые видели, как я складывал в портфель эту груду писем. Эту груду писем со всех концов Союза. Эту груду писем, которые вот уже почти год отравляли мне существование как объект насмешек со стороны преуспевающих сослуживцев. Тех (не всех) сослуживцев, которые благополучно выдавали свои тысячи газетных строк, сблокированных в стройные колонки отчетов с блистательных совещаний и не менее блистательных заседаний, и которые как черт ладана боятся любой статьи «с раздуминкой» или любого критического материала, если только там фигурирует кто-нибудь, по рангу превышающий скотника.

Бог с ними, с такими сослуживцами, — итак, я приехал в Марково. Если вспомнить Стефана Цвейга, то это был мой «звездный час».

Попробуйте представить себе фронтовика, которому «кто-то» нашел его обгорелого друга живым через почти тридцать лет. Попробуйте представить себе, как этот фронтовик прижимал этого «кого-то» к своей слегка ожиревшей груди, как колотил его в припадке радости своим крепким кулаком по худым журналистским ребрам. Попробуйте, наконец, представить себе, как один из них заплакал, перебирая письма, а второй смотрел из окна кабинета главного экономиста, повернувшись спиной к главному экономисту, смотрел на невзрачный пейзаж за окном, и как этот пейзаж расплывался и расплывался у него перед глазами. Разве это не звездный час?

Вот такой друг у меня был в Марково. И я ехал в Марково.

НЕМНОГО СО СТОРОНЫ

Торжество, как он и ожидал, было несколько непродуманным, поспешным, словно бы кому-то так уж не терпелось отрапортовать об очередном начинании. Все было как будто хорошо, и все-таки чувствовалось, что все держится на импровиза-

ции, а импровизация (уж сколько раз твердили миру!) только тогда хороша, когда основательно подготовлена.

Но где-то в середине торжества, когда уже кончились стихи и торжественные речи, когда несколько девиц в мини-юбках из местной самодеятельности пропели нечто невразумительное в честь юбиляра, прямо из зала на сцену прошла мимо недоумевающих ведущих старая учительница и сказала:

— Мало кто из молодых знает, что Сергей Иванович не воевал. Это был единственный кузнец в районе с бронью. Мало кто из молодых знает, что на фронт брали не только людей, на фронт брали трактора, моторы, мало-мальскую технику. Так к Сергею Ивановичу со всего района приезжали, его по всем эмтээсам возили. И если мы тогда давали хлеб, то Сергей Иванович не стоял в стороне, он ремонтировал и делал все, что по полям таскали наши коровы. И бороны, и...

Тут голос ее дрогнул, она смешалась и закончила совсем не так, как хотела:

— Надо, чтобы все наши молодые люди работали так же хорошо и так же долго, как Сергей Иванович!

Она не успела сойти по ступенькам сцены, а зал грохотал ей навстречу аплодисментами. Встал и подошел к микрофону Сергей Иванович. Руки его висели вдоль бедер, большие и беспомощные, а голос был глуховат и прерывист:

— Мне восемьдесят. Нервы у меня слабые. Меня слезы берут. Мне сейчас тепло, как в тридцать третьем. Тогда меня вызвали в край и вручили премию — велосипед. Это был первый велосипед в районе. А я ведь всего кузнец. Не летчик. И не инженер. Спасибо вам. Спасибо...

Он пошел назад, к своему почетному месту в глубине сцены между столиками двух ведущих, и по дороге выронил какую-то бумажку. Должно быть, это была его хорошо отпечатанная ответная речь.

В фойе директор клуба сверкал блицами, фотографируя Сергея Ивановича вместе с его военно-тыловыми коллегами. Парни настраивали концертные гитары. В буфете появилось пиво. Словом, все шло своим чередом.

Пантелея в это время нашел шофер и сказал, что путного больше ничего не будет, пора ехать, добро бы к двум-трем часам ночи добраться — неизвестно, куда завтра взбредет редактору ехать, завтра ведь пятница, да и выспаться надо, поехали...

И Пантелей было совсем уж направился к двери, как его остановили мягко, но уверенно. Он сразу же узнал руку Николая Владимировича Болдырева, обожженную, изрытую микроскопическим рельефом.

— Ладно, Степаныч, ты не куксись. Я тебе надоел, знаю. Посмотри-ка, вот мой тесть. Он тебя домой приглашает.

Пантелей уже устал от Болдырева, от его благодарности. Дело доходило до смешного. Приезжает как-то из командировки, а к двери его кабинета прислонена здоровенная и мерзлая свиная нога. Болдырев «подбросил мяска». Дождался Пантелей темноты и, как тать, крался домой с этой гнусной ногой. На следующий день телеграфом выслал Болдыреву стоимость этой ноги, а через день получил деньги обратно. По телефону же Болдырев накричал на него, что вычеркнет из своих друзей, если тот отвергнет вышеупомянутую ногу. И смех и грех...

Ко дню рождения Пантелею пришла посылка из краевого центра. Тот долго ломал голову — кто бы это вдруг расщедрился и по какому поводу. Оказалось, восемь килограммов прекрасной деликатесной краковской колбасы. И послал их Болдырев, бывший там на семинаре.

Никакие доводы на него не действовали. А ведь каждому не будешь объяснять, что Николай Владимирович действовал совершенно бескорыстно, не требуя ничего взамен. Вот ведь как бывает, иногда и человеческая благодарность оборачивается тягостью...

Вот и теперь Пантелей, чувствуя нечто подобное в перспективе, не спешил оборачиваться.

— Я говорю, это мой тесть. И он приглашает тебя к себе в дом.

Пантелей услышал в голосе Болдырева какие-то новые интонации. И пока он делал несколько шагов к урне, чтобы бросить приготовленную было сигарету, в голове у него промелькнули и будущие возмущения шофера, и нудное сидение в деревенской компании, где нельзя выпить (что скажут в редакции — публично пил в командировке), и нельзя отказаться (чванишься? выше нас, что ли?), и многое другое, включая многозначительное покашливание редактора — вернулся-то, братец, поздненько...

Он повернулся с твердой решимостью отказаться, сославшись на что угодно, и не поверил своим глазам — Болдырев держал под руку Сергея Ивановича.

Ну, а потом все стало стремительно рас-

ползаться, все планы затрещали по швам. Анатолий — шофер, успокоенный двумя стаканчиками привозного рома, мирно уехал к неизвестно откуда взявшейся родственнице, пообещав вернуться в час-два ночи. Против ожидания, компании как таковой не было — сидела только жена Болдырева, их дочь со странной фамилией Чубаха (ну и мужа выбрала!) да жена Сергея Ивановича, еще не старо выглядящая, несмотря на свои восемь десятков лет.

Сергей Иванович оттолкнул подставляемые бутылки, достал из шкафа и принес трехлитровую банку:

— Это не самогон. Это медовуха. Полезная для здоровья. Вот по чарочке...

По чарочке... От двух-трех таких «чарочек» в этой компании будут такие песни, что никакой «Роллинг-стоунз» со своей аппаратурой не перекроет.

Но медовуха оказалась на высоте. Чувствовалась терпкость и какой-то прямо тропический аромат. Потянулся было за сигаретой Пантелей, ища глазами — у кого спросить, можно ли, но Болдырев остановил его:

— Не порть табачищем воздух за столом. Послушай вот, что скажет теща Лизавета.

«Теща Лизавета» вдруг заплакала, беззвучно и безутешно, мотая головой и раскачиваясь всем телом.

С этого момента Пантелей Степанович с головой окунулся в далекую весну тридцатого года.

ТРИДЦАТЫЕ

...снесите печальную весть.
Из песни

1

Четвертые сутки метались по предгорьям поисковые группы — всадники, милиционеры, чекисты, добровольцы. Самым тщательным образом осмотрены все заимки, охотничьи избушки, лога и овраги. Все было тщетно. Буран замел все следы.

Активисты соседних волостей были подняты на ноги, прочесывали тайгу, ездили по горам. Поголовный осмотр ружей тоже ничего не дал, было изъято несколько обрезов, но все это было не то.

Почерневший за несколько дней председатель волисполкома метался вместе с летучими отрядами. Попутно были обнаружены и арестованы несколько членов банды Савки Кудлатого. Их и арестованного Перепела отправили в краевой центр.

В Марково поселились траур, страх и подозрительность. Село разбилось на две половины: одни доказывали, что Перепел — скрытый враг, другие — что арест ошибочен.

Миньку и Дашку, детей Перепела, увезли пока в детдом. Экстренное собрание коммунаров решило, что хоть это и дети единоличника, а после детского дома коммуна отправит их на учебу и будет им помогать. Решение собранию далось легко: дети не виноваты, да и большинство верило, что Перепел скоро вернется. Детей жалели, судьба у них выпала непутевая.

А над Перепелом сгущались тучи. Ни одно слово его не подтверждалось. На нескольких допросах и очных ставках мельник упорно отрицал их договоренность. Ревизия, проведенная на мельнице, показала точность слов Григория Черных: ни один мешок коммунарского хлеба не пропал.

Узнавший про убийство Клинцовых, Рогов запрятал мешок так далеко в сенник, что жена нашла его лишь через несколько месяцев, глубокой осенью, когда перекладывала сено. Она не обратила на мешок никакого внимания, а деловито перекладывала сено — она стала заговариваться, и теперь ей надо было постоянно ворошить сено, она искала там мальчика, которого ей пообещал бог. Тому были свои причины.

Когда Никиту Перепела ввели в дом коммунаров Клинцовых и провели по комнатам, где все еще было нетронуто, он замотал головой и закаменел. Больше от него не добились ни слова. Его увозили, и председатель волисполкома предложил ему проститься с детьми. Перепел непонимающе посмотрел на него и покачал головой.

2

В центре Маркова вырыли братскую могилу. Стоял наготове временный деревянный обелиск с красной пятиконечной звездочкой. Рядом расположили гробы: три взрослых, один поменьше, еще один поменьше и один совсем игрушечный.

Ветра не было, снег подтаял, солнце светило совсем по-весеннему. Притихшие люди, собравшиеся вокруг открытой ямы, не шелохнулись. Изредка тишину пронизывали сдавленные рыдания и всхлипы.

— Товарищи! — начал взобравшийся на слегка подтаявший холм промерзшей за ночь могильной земли председатель волисполкома, и все увидели, как катятся у него

Электронная библиотека

слезы и застревают в чапаевских усах. — Вот что делает классовый враг! Он не останавливается перед зверством, чтобы не дать людям жить сообща. Это зверство! Ударить ножом в горло новорожденного ребенка! Убить восьмилетнюю девочку! Раздробить голову женщине после родов! Убить стариков за то, что пошли в коммуну! Убить пятилетнего мальчишку! Они его кололи штыком в подпечке...

Голос его сорвался, он выкрикивал то хриплые, то лающие звуки:

— Он весь... Комочек... Мы его еле разогнули, чтоб в гроб класть... На нем было семнадцать штыковых ран...

Толпа сдавленно охнула.

Сюда съехалось все население Красного Воина и Топольного, половина Алексеевки. Многие не знали подробностей. И сейчас, когда весь страшный смысл дошел до них, когда каждый представил на своем пятилетнем сыне семнадцать штыковых ран, они всколыхнулись. Словно волны пошли по толпе от края и до края широкой площади перед сельсоветом.

Председатель уже не мог говорить. Тогда привезенный из волости духовой оркестр грянул «Вы жертвою пали». Сняли крышки гробов, и люди стали проходить мимо них.

Первым лежал старый Федор Клинцов, получивший свой первый георгиевский крест еще на Шипке. Лицо его так и хранило изумленное выражение, редкие седые волосы спускались на холодный лоб. Руки Евдокии были скрещены, как и у всех, но между запястьем и большим пальцем левой руки зияла большая круглая рана — она бежала к своему старику, прижав руку к больному сердцу, жакан пробил и руку, и сердце.

Лицо Тони, жены Никодима, было закрыто сверху до носа, выделялись только полные губы да высокая, переполненная мертвым молоком грудь. У Аринки входное отверстие находилось слева от носа, на щеке. Жакан измял неокрепшие кости, отчего лицо ее приобрело какое-то не по-детски угрожающее выражение, было бесформенным и плоским. У Петрухи была проколота щека, вытек глаз, а на лице навсегда застыло последнее выражение предсмертного ужаса и боли, от которой никуда не денешься. На новорожденного Гаврюху вообще нельзя было смотреть...

Люди шли мимо гробов и возвращались снова к ним. Казалось, толпа исполняет какой-то неведомый ритуальный танец.

Возле могилы рыдающие женщины совали под нос Лизавете склянку с нашатырным спиртом. Рядом стоял Сергей Воробьев с крупными буграми вместо щек. Фролтер мокрыми кулаками глаза под косматой шапкой. Он только что приехал с гор и еще не успел уяснить себе размеры происшедшего.

Никодима не было. Он как пришел в Алексеевку, его сил хватило, только чтобы рассказать. У него была горячка, он метался в бреду, а рядом с ним сидела сестра из волостной больницы, делала ему уколы и записывала все, что он говорил. Но говорил он невнятно и безо всякой связи. Все про лодки на берегу, про вылитое на пол изо всех фляг коммунарское молоко, да про взрывающийся черен жены.

Было много траурных флагов и слез, проклятий и обещаний найти убийц и судить их открытым судом здесь, рядом с этой могилой, которая отныне станет священной. Поставили ограду, отдали последние почести, отзвучал нестройный залп потрясенных красноармейцев, и все сгрудились у крыльца сельсовета.

— Товарищи! — это стал выступать Ряшенцев, председатель Марковского сельсовета. — Хватит слез, товарищи! Всех нас могут так же убить! Снова спустилась с гор банда Савки Кудлатого. Снова будут гореть дома и сараи, снова будет течь человеческая...

Но тут его прервал голос Ивана Рогова:

— Ты говори по делу, чего пужаешь?

Рогов и сам не ожидал от себя такого возгласа. Ему ли, бывшему богатею и мироеду, высовываться из общей среды? А когда Ряшенцев бросил в его сторону жесткий взгляд прищуренных глаз, его обуял страх. А Ряшенцева уже отодвинул председатель волисполкома:

— Банды бояться нечего. Она заблокирована в горах. Многие из нее дезертируют. У Савки осталось всего около сорока сабель. За эту неделю мы от него оставим только пшик. Мы никого не боимся. Мы живем на нашей общей земле. Мы закончим ликвидацию кулачества как класса! Кулачье бешено сопротивляется. И убийц коммунаров Клинцовых надо искать среди кулачья, родственников кулачья или их прихвостней. Со временем весь мир будет в коммуне! Память семьи Клинцовых призывает всех вас, кто еще не записался в коммуны, сделать это немедленно! Сейчас! Здесь, на этом месте, где много нашей простой, совсем не голубой крови...

На улицу вынесли длинный стол, началась запись в коммуны — марковцы от-

дельно, в свою коммуну, красновоинцы отдельно, алексеевцы тоже. Из красновоинцев и алексеевцев записались последние сорок человек, колебавшихся до этого случая.

Последним в списке красновоинской коммуны поставил свою и Настюхину подпись Рогов — Настюха на похороны не ходила, занемогла. Ставя фамилию, он глянул на крыльцо и увидел жесткие, с прищуром глаза Ряшенцева, его откровенную усмешку, которую тот сразу спрятал. Поэтому свою фамилию Рогов вывел криво.

3

Казалось, что этот дом живет своей собственной, обособленной жизнью. Снаружи разыгрывался буранчик, и все кости старого и обширного дома постанывали от напряжения. То с одного его конца, то с другого слышались тихие скрипы и шорохи, похожие на вздохи большого и грузного животного. Словно кому-то жаловался этот дом, что стал он стар и никому не нужен, что отжил он свою жизнь и пора бы ему давно отправиться на слом-покой.

На сердце у Марьи было тягостно. Страшно ей не было — она уже привыкла к одиночеству с тех пор, как Иван стал бегать к Настюхе. Просто сегодня брала какая-то оторопь, закрадывалась в сердце жуть, беспричинная и необъяснимая. Что-то мутило ее и тяготило, словно должно было произойти нечто непоправимое. Какое-то дурное предчувствие опутало ее, отняв силы.

А все это, наверное, от похорон. Клинцовых зарыли в центре площади, а многие после записи в коммуны потом пошли на могилки. Пошла и она. И там, у могилок своих детей, нарыдалась вдоволь. Нажаловалась сынку и дочечке — как плохо она жила, как плохо она живет и какая безысходная жизнь ее ожидает дальше.

Ее привела домой соседка, завела в кухню, открыла заслонку русской печи и заставила Марью смотреть в печное нутро, где на поду стоял одинокий чугун со щами и чайник, над которым нависал закопченный кирпичный свод.

Было здесь такое поверье, что после расставания с близкими или после похорон — неважно, родня или не родня — обязательно надо открыть заслонку и долго смотреть в закопченную внутренность русской печи.

Это и впрямь успокаивало, и Марья прилегла.

Общительная и говорливая соседка нашла под лавкой самогон, плеснула в стаканы, Марья сделала несколько глотков, потом прихлебнула чаю с вареньем. А та все подливала себе да Марье, но Марья больше не пила, на нее свалилось какое-то мягкое безразличие, и под журчащий говорок разбитной соседушки она забылась в опустошении и бессилии.

Проснулась в темноте и тревоге. Тишина стояла вокруг нее, только постанывал и поскрипывал дом, да ветер завывал по карнизам, по углам и в трубе. И хотя привыкла она к такой тишине, не по себе как-то стало.

Ивана все не было. Были тишина, темнота и одиночество. От семилинейной лампы темнота сжалась по углам, светлые квадраты окон потемнели, наклоненное настенное зеркало отбросило на пол косой четырехугольник неяркого света.

Она открыла переднюю резную дверцу черного дерева у старинных и высоких, в рост человека, напольных часов. Иван почему-то не заводил их с того дня, как стал бегать к Настюхе Полыхало. Взяла с полочки тяжелый резной ключ, вставила в прорезь и долго вращала его, пока не завела пружину. Потом подвела стрелки, натянулась, качнула маятник, выполненный в виде золотого сердца, на котором оттиснуты голенький мальчик с луком и стрелами и надпись: Paris.

Часы зазвучали неторопливо и деловито:

— Тэк! Ток. Тэк! Ток.

Хоть какой-то звук знакомый появился в доме...

На лавке заметила несколько крынок с молоком. Потрогала — теплые еще. Значит, соседка подоила корову. Пересчитала — одной крынки недоставало. Значит, Иван отнес Настюхе.

Ах, Иван, Иван... Ну что ты нашел в этой Насте? Что же ты в ней нашел, Иван?

Марья повернулась к темному окну и уперлась в него невидящим взглядом.

Сначала она сквозь пальцы смотрела на то, что Иван завел себе «кралю». Усмехалась даже, когда попервоначалу Иван воровато собирался вечерами, отговаривался — к мужикам, мол. Усмехалась — перебесится мужик, немолод уже, чтоб семью менять да новую заводить. Усмехалась — стал чище одеваться и тщательнее бриться. Усмехалась — побегает с недельку, на большее его не хватит, каждый раз с молодухой-то. Усмехалась — вернется, настанет и ее час захомутать Ивана, теперь уж до конца, до кладбищенской калиточки.

А повернулось-то все как! Как все повернулось! Тянется уже полгода, и конца-краю этому не видно. Видать, присох надолго. А если навсегда? А куда она, Марья? Как она век доживать будет, пень бесплодный без единой родной веточки?

Нет, завтра же надо идти к бабке, отсушить Ивана от Полыхалы. Отбить его, оторвать. Может, Насте денег дать, чтоб уехала? Нет, лучше уехать самим. В город.

Продать дом коммуне или Совету, а в Айске купить домик, устроиться работать. Он продавец, и она — продавец. В одном магазине. Так, друг другу помогая, и будут жить.

Не так уж много ей и тепла-то нынче нужно. Лишь бы кто поддерживал-подпирал ее крепким мужским плечом.

В окно ударило снежной россыпью, и Марья вскинулась — безотчетная мелкая дрожь прошлась по ее плечам и спине. Она взяла лампу, вышла в сени, закрыла входные двери на кованый крючок, а вторые — на металлический засов. Прошла в комнату, поставила лампу, пригасив фитиль чуть не до конца.

Размеренно роняли свои «тэк-ток» часы. Золоченый маятник то гас, то вспыхивал, посылая блики, как будто из темноты дружелюбно и настойчиво подмигивало какое-то неведомое ей, но доброе чудище.

Лампа едва теплилась, и прямоугольники окон проступили светло и четко. Она отодвинула занавески и стояла, опершись руками на перекрестье рамы, прислонив лоб к холодному стеклу окна, за которым ухал и свистел мартовский темный буран.

И вдруг в этом уханье и посвисте, шорохе и скрипе дома ей почудилось нечто закономерное, нечто размеренное, нечто человеческое, что ли. Кто-то вроде бы этими звуками с ней пытался заговорить.

Домовой!..

— Он появляется и ходит в доме, когда в судьбе человека ожидается поворот. Причем поворот крутой, все ломающий. Или трагический поворот, или безмерно счастливый. Надо только спросить — к худу или к добру...

Марья уже откровенно дрожала, никак не решаясь спросить, страшась и надеясь. Надо спросить негромко, но внятно. Надо, надо, надо... Ну, спрашивай же! Спрашивай, пока он говорит с тобой!

Собрав все силы, заранее глотая слезы, Марья сказала дрожащим голосом:

— У нас... С Иваном... К худу? Или к добру?

Буран за окном взвыл сильнее, и в его реве показалось Марье, что слышала она, как кто-то сказал дальним замогильным голосом, трижды сказал:

— Хфу-хфу. Хфу-хфу. Хфу-хфу...

Сказал, словно вздохнул в бессильном сожалении. А потом свистел ветер, беспорядочно и негромко потрескивал дом, стучала оторванная плашка обшивки — звуки были, звуки нагромождались друг на друга, но порядка в них не было, и Марья поняла, что домовой ушел.

Она бессильно опустилась на мягкий стул у окна, бессвязно и тупо повторяя:

— Господи боже мой. Господи боже мой.

Крошечный огонек фитиля задрожал, пыхнул раз-два и погас. Марья соскользнула со стула, подползла в темноте к переднему углу с образами, и здесь ее пронзила беспощадная, не оставляющая никаких надежд мысль, мгновенно переросшая в уверенность, — Настя Полыхало тяжела. И тяжела от Ивана.

И теперь для Марьи на этой земле места не было. Места рядом с Иваном не было. А без него ей не прожить, одна она ничего не сможет, ничего.

— Господи, господи! Сделай так, чтобы она умерла! Умертви ее, господи! Покарай меня, но потом. Пусть в аду гореть буду, но умертви ее, отдай мне Ивана!

Горячо и бессвязно шептала она, со всхлипами и кашлем, давясь слезами и стукаясь при поклоне лбом в покрытый половиками пол, а за окном по-прежнему раздавался торжествующий рев первого весеннего бурана.

— Господи! Господи! Пошли ей порчу. Ведь не жить мне без Ивана. Смилуйся! Ведь не жить мне. Ведь так, господи? Ведь так?

— Та-а-ак! — глухо и протяжно сказал кто-то из темноты за ее спиной.

Она как раз отбила поклон и, уткнувшись лбом в скрещенные на полу ладони, застыла в этой позе, завыла в голос, заголосила, зашлась в страшном русском бабьем реве.

— Та-а-ак! — снова раздался тот же глухой и протяжный голос, прорываясь в ее сознание сквозь ее собственный вой. И вместе с этим голосом в потрясенное этим же голосом сознание проникла мысль, не приносящая облегчения, — это проклятые старинные часы отбили два часа ночи.

* * *

Настя пила, а Иван смотрел, отложив в сторону работу.

Настя пила прямо из крынки теплое, парное молоко. Одна капелька скользнула у нее с уголка рта вниз, прокатилась и остановилась как раз там, где на шее у Насти билась голубоватая жилка. Так вместе с этой жилкой вздрагивала и капелька, потом скользнула еще ниже и растаяла, не достигнув выреза на полнеющей день ото дня Настюхиной груди.

— Ох! — Настя вытерла разгоряченное лицо полотенцем, поставила крынку и неловко присела на лавку.

Иван снова взялся за работу. Он мастерил из мягкой заячьей шкурки чоботы-тапочки для будущего сына. Большая, «цыганская» игла уверенно ходила в его грубых пальцах, и вот уже один чобот готов.

Тепленький, мехом внутрь, и промокать не будет. В таких по деревенскому полу не страшно бегать, когда за стеной сибирская зима и пол постоянно холоден от мороза, который, низко стелясь, врывается в дом седыми клубами и лохмами, едва только откроешь входную дверь.

Он сидел на положенной на бок табуретке и дошивал второй чобот, изредка бросая взгляд на Настю, которая сидела рядом, на лавке, почти касаясь его колена своими коленями. Было тихо, только потрескивали в грубке поленья, тикали ходики да за стеной завывал буран.

Второй чобот был готов, он воткнул в столешницу иглу, подбросил на ладони малюсенькие чоботы и хотел уже сказать Насте, что надо бы обтянуть их каким-нибудь красивым и ярким материалом, как вдруг она сбила его с мысли.

Незнакомым, изменившимся голосом, чуть охрипшим, она сказала торопливо:

— Вань! Дай-ка руку...

Он неловко сполз с табуретки на одно колено, протянул руку, которую Настя сразу же прижала к своему животу, и ощутил рукой какой-то толчок. Потом еще один. Потом двойной.

— Бьется...

Настя встала и потянула его за ворот рубахи, а он все медлил вставать и все смотрел с изумлением на свою заскорузлую ладонь, кожа которой еще хранила ощущение этих толчков — одного, второго и двойного.

— Вань, что делать-то будем?

Настя сидела за столом, подперев ладонью лоб. Он не услышал. Как во сне, как бы для себя, медленно проговорил:

— Маленький бьется. Мой...

— Что будем делать-то, Вань?

Он сел за стол и открыто и прямо глянул Насте в глаза. Взгляд у нее был виноватый, нерешительный, растерянный.

— Завтра перехожу к тебе.

— А как же... Как же Марья?

— Марья? Марья не умрет. Все ей оставлю. Возьму только свои вещи. И корову.

— Вань, не надо, а?

— Маленькому, да и тебе нужно молоко.

— Вань...

— А Марье остается тройка коней, стельная первотелка, бычишка; овцы, свиньи, птица. Мало разве? Не умрет с голоду, не думай.

— Нет, Вань. Не бери ничего. Молоко пока будем брать у бабки Куприянихи, я уже договорилась. А потом вступим в коммуну. Продукты будем получать.

При слове «коммуна» Настя торопливо и испуганно прижала ладошку к губам, и последние слова прозвучали невнятно.

— В коммуну? Настя! Молодец ты мой, молодчина ты моя! Я все хотел тебе сказать... Я ведь записал нас уже сегодня. Все боялся — вдруг не примут. А теперь нас — семья, примут!

Сквозь слезы она улыбалась ему, сквозь облегчающие слезы, а он ходил по маленькой комнатенке и говорил, говорил...

— Зайдем в коммуну. Буду работать хоть кем. Ты можешь пока поварихой. А я — хоть где! Отсеемся, пойду на сплав, Буду гонять плоты. И в коммуну. И себе. У меня еще с первых лет жизни с... с этой... с Марьей...

Тут он запнулся, замолк, посмотрел на Настю, та улыбалась робкой улыбкой, размазывая пальцами слезы по щекам.

— С Марьей... Еще с первых лет три золотые десятки припрятаны. Разменяем их в Торгсине. Наймем двух плотников. К осени у нас будет свой дом. Дом! Пусть маленький, но свой. Да, Настя? Да? Новый дом!

Та послушно закивала, всхлипнув.

— Раз жизнь заново, то и дом пусть новый! И поставим мы его не здесь, в селе, а там, в коммуне. Расчистим пожарище и будем ставить там улицу. Новую улицу! На новом месте! В новой жизни!

Он увлекся, а она, услышав про пожарище, вспомнила утренний сегодняшний разговор с бабами у проруби на Чагыре.

Бабы рассказывали, что многие из их села ездили на пожарище, оставшееся от коммунарских загонов и сараев. Расчистили площадку от головешек, а под ней оказалась полусаженной толщины грязная

Электронная библиотека КГБУК «Краевая универсальная научная библиотека им. Н.К. Крупской»

ледяная глыба во всю площадь пожарища. Это застыло сало, натопившееся из горевших коров и лошадей. Люди откалывали ломами куски, привозили их домой, перетапливали, процеживали. И хоть пахло это сало гарью и копотью, можно было все-таки на нем картошку жарить.

Ездили люди крадучись. Если один долбил на пепелище, то второй прятал лошаденку в овраге. А как тот уезжал, этот торопливо въезжал на пожарище, и в овражке появлялся третий. Назавтра встречались, будто друг друга не видели на пепелище. Стыдно было и неудобно, но есть что-то надо было этой голодной весной.

И вспомнив об этом утреннем разговоре у проруби на Чагыре, Настя вдруг увидела, как к их дому на Коммунарской улице подъезжают и подъезжают черные люди в кошевах и санях, как буран становится красным от отсветов пожара, как сама она бежит с маленьким в буран, а Иван ничком лежит на крыльце, и горит их дом. Их дом. Их новый дом на новой улице.

Она вскрикнула и вцепилась пальцами в его плечо, припала, а он легко поколачивал ее ладонью по спине и говорил встревоженно:

— Ну, не надо, Настя! Ну, не надо! Вредно тебе. И маленькому вредно. Не надо, Настя. Будет у нас семья. И будет дом.

Окончательно успокоившись, она снова взяла его руку и приложила к животу. И снова он с изумлением смотрел на свою ладонь, хранившую ощущение от толчков его будущего ребенка.

Задребезжал крышкой на грубочной плите жестяной чайник. Настя подхватила его тряпкой, поставила на пол, сняла крышку. По комнате разнесся аромат смородинового листа, шиповника и чабреца. А Иван все стоял, глядя на свою ладонь, и шептал что-то, не очень понятное даже ему самому.

И вдруг этот мужик, этот никогда ни в бога, ни в черта не веривший мужик, бывший Иван-батрак, бывший Иван-шавочка, бывший Иван-купец, теперешний Иван-единоличник и завтрашний Иван-коммунар, разменявший шестой десяток лет, вдруг бухнулся среди комнаты лицом к иконе и, широко и неумело осенив себя крестом, сказал отрывисто и глухо:

— Господи! Если ты есть... Спасибо тебе! За все!

И господь бог, если он есть, наверняка не слышал молитвы короче и слов благодарственнее и чище.

...А наутро Ивана Рогова нашли мертвым.

4

Смерть Рогова не вызвала потрясений. Нашли его у своей ограды. Ничего особенного — перелезал через ограду, упал, ударился головой об окованную железом ступицу тележного колеса. Голова его так и покоилась на этом колесе. Для человеческого виска это вполне достаточно. Мало ли что в жизни бывает?

От Рогова, даже мертвого, за версту тянуло самогоном. Поэтому-то и полез он в собственную ограду через забор, когда спокойно мог войти в калитку или вползти на четвереньках в ворота.

У Рогова не было таких уж смертных врагов — это все знали. Недовольные были: драл три шкуры, когда лавку имел. Недовольные были, ненавидели его многие. Но не до убийства. Так что месть отпадала. К тому же припадочный...

А тут еще страшный и неприятный случай произошел, который бабьи пересуды в деревне развернул в другую сторону.

Перед выносом тела из комнаты в дом Рогова явилась Настюха Полыхало. Властно раздвинула строй исправно причитающих старух, подошла к гробу, с той стороны которого в одиночестве и без слез сидела Марья. Прижала крепко руки к груди. Подержала так. Никто ее не замечал, мало ли ходят посмотреть?

А она темными ладонями легко и бережно провела по лицу своего Рогова и сказала глухим голосом:

— Это от нас. А ты что же? Говорил, расхомутаюсь. Этого мы ждали? Ванек? Этого?..

Среди бабок началось движение. Что? Как можно? В этом доме? Где же совесть? Рехнулась?

Настюха запахнула свою фуфайчонку, протолкнулась сквозь толпу. Никому не кивнув, пошла прочь.

И больше ее не видели.

5

Когда запел слаженный хор бабок, она шла к Камню, и ветер, как живое существо, мешал ей, рвал волосы, путал ноги длинной юбкой, толкал в обтянутую фуфайкой грудь. Она ему сопротивлялась и медленно шла.

Туда. К Камню. Где незамерзающая полоса стремительно несущейся воды. Шальной воды.

Ивана нет. И с какой стороны она его знает, теперь уже не узнает никто. Он был

добрым и беззащитным, смешливым и сладким. Судьба подарила ей немного счастья, поиграла с ней теплыми руками, обнадежила — есть просвет в беспросветной жизни Насти Полыхало. Обнадежила. И грубо надсмеялась.

Куда идти? Косточки отца и матери давно истлели. Сегодня зароют Ивана.

К богу? Она только вчера икону выкинула к чертям — не захотел спасти Ивана. Что, старый? Это для всех. А для нее он — муж. Муж!

А вот и Камень.

Ушел? Я пойду за ним. Хоть там будем вместе. Хоть там!

Она развязала концы материной козьей шали, расстегнула все пуговицы на фуфайке, присела на льду.

Надо было переждать. Он бился. Он требовательно бился. А может, она? Не все ли теперь равно? Такой дом, такой огород, такое крыльцо и такой белоголовый косолапый мальчишечка без штанишек — ничего этого теперь не будет. Иван холодный, а без него и жизнь ледяная.

Опустила она с плеч фуфайку, замотала на шее концы материной шали, застегнулась до самого подбородка.

И шагнула в ледяную и прозрачную глубину Чагыра. Стремнинка подхватила ее легко и весело.

О ней вспомнили лишь весной...

Чагыр делает вокруг Красного Воина большое полукружье. Если от дома Рогова или от Камня перевалить крутогор, то до магазина рукой подать, а если на лодке по Чагыру — то километра два будет. Для ребятишек летом раздолье. Каких-нибудь десяток минут хода через крутогор, а потом — с Камня в воду, и только поддерживайся руками, Чагыр сам тебя до дому донесет.

Весной, когда половодье кончилось и ребятишки громили камнями оставшиеся на берегу льдины (а были глыбины и по два-три метра толщиной, их принесло с омута), один из них заметил в льдине что-то темное.

Конечно же, это был черт, он мгновенно распугал всех ребятишек, и к вечеру об этом говорило все село.

А назавтра приехали мужики, обтесали льдину, обкололи, она и так от солнца пошла стрелочками-сосульками. И...

Нашли в ней женщину.

Это была Настюха. Так и не ушла она далеко от своего села, где была она для всех Настюхой Полыхало. И от своего Рогова далеко не ушла.

Бабка-костоправка, несмотря на свои сто лет, пришла тоже в Настюхину холодную избу. Посмотрела. И перед тем, как уйти, уронила:

— Похороните, пока мерзлая. Пока красивая. Их двое... — Бабы дивились — святая, все знает. А Настюха-то, оказывается, красивая...

И сколько потом судачили: пришла Марья Рогова и так убивалась, так убивалась. То ли жизнь свою оплакивала, то ли мужа вспомнила — на похоронах ведь все плачут, каждый о своем только.

А Настюха и в самом деле была счастливее, чем Марья, хоть знала в жизни единственного мужчину.

6

Весна и лето были бурными. Возникали и разбегались коммуны. Образовывались и распадались колхозы. Люди то записывались в них, то выходили и растаскивали инвентарь, разводили скот по домам. Царствовала растащиловка.

Деревня бурлила. Партийные работники и активисты считали потом начало тридцатых годов второй гражданской войной — самой трудной порой из всего периода от революции до войны. Это было время бессонных ночей, а враг не был виден, он ползал по душам, убивал не в бою, не в поединке, не в конной лаве сшибались силы.

Время схватки с кулаками...

А кулаки — это не помещики. Если тех ненавидели за белую кость, то к этим тяготели не только середняки. Тем более в Сибири, где помещиков вовсе не было. И беднота видела иногда в них пример хозяйствования, многие мечтали жить так — классовое сознание в деревне еще только выкристаллизовывалось, еще только начинало принимать правильные очертания.

Поэтому-то в эту бурную пору, когда мужики на бесконечных «обсуждаловках» спорили до драк и изводили табак килограммами, в это время как-то не вызвало большого отклика известие о суде.

Суд проходил далеко, в городе. Перепел, который не смог доказать никому ничего, получил двенадцать лет. Мнения суда разделились — ведь суд тоже ничего не смог доказать, не доказал его виновность, не получил его признания. Однако ни одно из показаний Перепела не подтвердилось ни

Электронная библиотека ЛГУНБ, elib.lugnet.ru

прямыми, ни косвенными доказательствами, и ни на одно обвинение он не нашел сколько-нибудь вразумительного ответа.

В газетном отчете его называли либо закоренелым классовым врагом, либо невменяемым. Однако экспертиза подтвердила его полную вменяемость. А его поведение на суде, безразличие ко всему и упрямство, с которым он придерживался версии о мешке с мукой, дружно восстановили против него не только суд, но и зал. Даже тех немногих, кто в душе радовался, что вырезали семью коммунаров (были в начале тридцатых и такие).

Приговор утвердили.

На суде с новой стороны открылся Клим Ряшенцев. Он давал показания против Перепела, делая упор на его упрямое единоличничество, нелюдимость, нежелание общаться с людьми, нежелание идти в коммуну, на его возможные связи с кулаками.

И, как взрыв бомбы, прозвучал под старинными сводами зала бывшего дворянского собрания вопрос прокурора. Зал онемел.

— Скажите, а ведь вы в прошлом служили в войсках атамана Анненкова, не так ли?

Вопрос Ряшенцев выдержал стойко. Он подошел к столу и протянул какую-то бумагу. Повернулся к залу и твердо сказал:

— Да. Не отказываюсь. Служил.

Зал зашумел. Объявили перерыв.

На другой день большой двусветный зал ломился от толпы. К этому времени суд установил, что была такая часть, печатью которой оштампован документ, и был такой командир, подписавший эту бумагу. К сожалению, сам он позже погиб, а других сведений пока нет.

Когда шум достиг накала, судья объявил:

— Переходим к продолжению допроса гражданина Ряшенцева, который участвует в процессе в качестве свидетеля. Суд приобщает к делу документ, предъявленный свидетелем. Документ не вызывает сомнений в подлинности. В нем говорится, что гражданин Ряшенцев служил во время гражданской войны в войсках атамана Анненкова. Но делал это по заданию наших политорганов. Что и удостоверяется при демобилизации документом с печатью и подписью.

Судья помахал документом.

Зал зашумел, какой-то парнишка в косоворотке захлопал в ладоши, на него зашикали.

Ряшенцев внимательно оглядел зал, кому-то сдержанно улыбнулся и приготовился отвечать на дальнейшие вопросы.

ЗАПИСЬ ВТОРАЯ

> Человек есть дробь, числитель которой — то, что он собой представляет, знаменатель — то, что он о себе думает. Чем больше знаменатель, тем меньше дробь.
>
> Л. Толстой

1

— Пантелей Степанович, ты иногда рассуждаешь, как очень активный член партии, хотя и беспартийный, а иногда несешь такую ахинею — слушать тошно.

Зам заметно волновался, отстаивая сейчас свою точку зрения, которую я считал не только неправильной, но и вредной.

— Отчего же? Я понимаю, критиковать райисполком нашей газете, просто говоря, неэтично, скажем так. А руководителя одного из отделов, если он бездеятелен там, где надо действовать, что, нельзя?

— Некоторые люди могут провести параллель, это ты понимаешь? Вот тебе и тень!

— Это тень на плетень... А когда заведующий отделом культуры потворствует пьяницам в клубах, а молодежь в это время разбивается на кучки и проводит время в сомнительных компаниях с не менее сомнительными магнитофонными записями — это тень на что?

— Да пойми ты, ради бога! Он действительно поддавальщик, этот Крюков, но — ты знаешь ведь — это организатор...

— Пьянок? Да, и блестящий!

— Перебивать невежливо... Да, организатор. И блестящий. Посмотри, какая самодеятельность! А если он уйдет? Кем прикажешь его заменить? Ведь в этом колхозе шаром покати — никого не найдешь взамен, специалистов нет.

— Об что и речь! Это-то как раз и плохо, — теперь уже я разволновался, понесло меня по кочкам. — Надеются на варягов. А своих не учат. Деньги берегут. Как в Топольном — решили выделить сумму на гитары, а какой-то замшелый дед в правлении встает и говорит: «Ого-го! Да это ж цельная коровушка!» Вот такие рассуждения у многих. Клуб отгрохать можно — это одно. Это видно издали — «о культуре печемся». А вот выучить на колхозные деньги пару-тройку специалистов да доба-

вить зарплату завклубом — это нельзя, сразу про «коровушку» вспоминают. А то, что в клубе, центре идеологической работы, почти поголовно случайные люди сидят — это пусть, пусть сидят, лишь бы не пили. А зачем тогда клуб? Семечки в нем лузгать, любуясь на росписи сграффито? Поэтому он и калымит на фотографиях, ваш Крюков, что у него зарплата, как у уборщицы, а колхоз никак не может додуматься добавить. Попутно и подпаивает он заведующего отделом культуры, чтоб не мешал подрабатывать. А писать об этом, видите ли, нельзя. «Тень»...

— Тебе бы волю, ты бы всем по двести платил. — Зам был явно недоволен. А может, просто подначивал. Все-таки летучка, последний день недели, после летучки будут традиционные шашки, можно порезвиться.

— Платил бы. Только кому надо, кто их оттанцовывает, эти две сотни. Твоему приятелю, Нестору Устинычу — не платил бы. Вот карьера — с ума сойти! Из завскладов — в зав. отделом культуры... Медаль кому-то дать надо за такой выбор!

— Ты же знаешь, район тогда только снова организовывался, поставить было некого. А он отличный участник самодеятельности...

— Одно дело раз в месяц на сцене два притопа — три прихлопа изобразить. И совсем другое дело руководить в районе культурой — обширной идеологической областью. И вот уже столько лет он успешно развивает культуру, хотя есть великолепная видимость — папочки, тесемочки, дутые цифры...

— Ну, прямо-таки уж и дутые. — Зам теперь откровенно подначивал: он увидел, что я распалился, и придерживался хорошей римской тактики. «Юпитер, ты сердишься, — следовательно, ты не прав». Можно уже считать, что спор выиграл он. А мне не нужен был сам спор, в котором позабыт предмет спора. Мне надо было, чтобы мой материал прошел в газету, чтобы газета взялась за тему, за хорошую тему — почему в районе «в загоне» культура.

— Дутые! Простейший пример. Есть у нас автоклуб, а автоклуба — нету. Работает девочка машинисткой у Нестора Устиныча, а числится заведующей автоклубом. Ни одного выезда автоклуб не сделал, если не считать, что в посевную и уборочную по неделе возит агитбригаду. Две недели в году работает автоклуб, две штатные единицы содержатся круглый год — зав. автоклубом и шофер. В краевое управление культуры регулярно идут отчеты — столько-то выездов, столько-то кинофильмов поставлено, столько-то лекций прочитано, столько-то тысяч человек обслужено. Липа это, туфта! Автоклуб возит спортсменов на соревнования, обслуживает взаимопроверки, возит разные делегации в соседние районы за опытом, на нем ездят за ягодами, на рыбалку, возят ребятишек в пионерский лагерь — все, что угодно он делает, этот автоклуб, только не автоклубовскую работу. А разве нет у нас отгонных пастбищ, где бы с удовольствием посмотрели фильм? Нет у нас сел, в которых клубные помещения есть, а киноаппаратуры из-за нерентабельности нет? Есть такие. Автоклуб напичкан аппаратурой: кинопроектор с экраном, брезентовая палатка чуть не на сотню зрителей, проигрыватель, радиоприемник. И тэ дэ, и тэ пэ.

— И др-р-р, — подсказал Витя.

— И это только один пример, как на пустом месте вырастают стройные колонки ложных отчетных цифр. И, мне кажется, в райисполкоме это отлично знают, как ни странно. Нестор Устиныч хорош начальству тем, что он безынициативен. Никогда не спорит, что сказали — делает, и баста. А ему и спорить нечего, по образованию он не соответствует этой должности, у него заочная культпросветшкола, а возраст предпенсионный, лет через пять на покой. Вот он и играет в клоуна. Не зря же сами культработники зовут его Фигляр Устиныч...

— Хватит вам, ей-богу... — подал снова басок со своего стула рядом со столом редактора Витя.

— В самом деле, хватит, — редактор слегка пристукнул ладошкой по подшивке газет на столе. — Что заведующего отделом культуры ты, Пантелей Степанович, зацепил, — надо. И давно надо. А сам материал написан не ахти. Фактов мало, статья сырая, сделана в спешке. Куда ты спешишь? Куда ты все время исчезаешь? В нынешнем месяце ты дал только три тысячи строк. И это отдел писем? Посмотри в таблицу — Валентин выдал четыре с половиной!

— Ну еще бы, — разозлился я. — Заниматься компиляцией из научных журналов — так можно и все десять выдать. А если так называемые отчеты... Которые из докладов и стенограмм, пункт за пунктом... То и все двадцать!

Что тут началось! Валентин (он у нас низенький, с брюшком и грустным, висячим носом) так тот чуть слюной не брыз-

гал. Он когда разозлится, то ходит, раскручивая туловище вправо-влево, и мы тогда говорим, что Валентин размахивает животиком.

Редактора взорвало. Он у нас как журналист вполне на высоте, материалы у него бывают обычно крепко сбиты, мотивированы. А вот как администратор — никуда не годен. Есть у него любимчики; есть «антиподы». Шофера он ставил выше всех— машина нужна, с приятелями на рыбалку и охоту ездить. Я это ему как-то по-дружески высказал, когда мы вдвоем возвращались из командировки и пригубили на берегу Чагыра красненького. Тогда он выслушал молча, вежливо. Сейчас он вежливым не был.

— Не выйдет из тебя ни журналиста, ни человека, — в сердцах бросил он. — Ты почему отказался колоть дрова?

У нас время от времени в редакции вспыхивает какой-нибудь аврал, а авралы, как известно, возникают от бесхозяйственности. То машину надо передвинуть в другой конец типографии (редактор любит «эстетику») — и это хорошо, если машина тигельная, а не плоскопечатная гробина! То таскаем бумагу с грузовика на склад почти за полкилометра (потому что к складу не подъедешь — клумба, эстетика!). В общем-то, таскать не трудно, но когда таскаешь втроем, а машина четырехтонная, плюс с прицепом, плюс рулончики по двадцать восемь кэгэ, плюс неудобные, плюс далеко... Короче, не каждому нравится. Но мы это обычно делаем, стараясь не ворчать при начальстве.

А тут еще фокус. Наш Григорьич не позаботился с осени нанять человека наколоть дров достаточное количество на зиму. Григорьич (а он у нас не только бригадир типографии, но и кочегар в нашей маленькой котельной, и завхоз, и еще черт знает кто) немного наколол сам и рассудил так: для котла дров надо — только разжечь, наколотого хватит на всю зиму. А тут вдруг отопление полетело, надо сварщика, воду спустили. Со сварщиком же что-то не вытанцовывалось: сварщики ведут себя в деревне, как падишахи. И восемь печей, предусмотрительно оставленные при монтаже автономного отопления, снова пошли в ход и быстренько съели весь запас колотых дров.

Четвертый день мы помахиваем топориками в ограде редакции, а знакомые с улицы дают нам советы — как вдыхать, как выдыхать, как держать топор — обухом вниз или вверх. И Григорьич время от времени выглядывает из окна, делая вид, будто промасливает неизвестно зачем линотипные вкладыши.

Вчера на вечернюю топку должен был я колоть. Но я ездил в Марково. Сегодня Григорьич пришел по мою душу. И получил отлуп. В самом деле — я чувствовал себя скверно: протряс до Маркова желудок, он теперь давал мне отыгрыш. Не спавши, да еще куча информации о Клинцовых. То, что я узнал, было чудовищно. Это надо было переварить прямо сейчас, побыть одному, подумать, обмозговать. А тут — дрова...

Я Григорьичу откровенно высказал собственное мнение — раз осенью он получил деньги за всю кубатуру дров, то, следовательно, все дрова и расколоты. А лежащие во дворе редакции лесины — это обман зрения. Моего вмешательства здесь не требуется.

Это же самое я повторил и сейчас на вопрос редактора: кто получил осенью за весь объем работ, пусть теперь и доделывает недоделанное.

А тот сказал, чтобы я не совался в редакторские дела, а делал, что скажут. И нечего из себя интеллигента корчить. Тут я сорвался в том плане, что поступал сюда журналистом, а не дровосеком. Тем более за других.

— Не пойдешь колоть дрова — пиши заявление.

— Сейчас?

— Хоть сейчас!

Всем было неловко. Все понимали, что высокие договаривающиеся стороны слишком далеко зашли. Я встал и прошел в свой кабинет. Вставил в «эрику» лист бумаги и отстукал заявление:

«В связи с тем, что уровень моей интеллигентности превышает пределы, допустимые в данной редакции, прошу освободить меня от занимаемой должности». И поставил подпись.

Снова зашел в редакторский кабинет, аккуратно положил на стол заявление и сел на свое место в уголке между дверью и шкафом. И тут только заметил, что у стола редактора, сбоку, стоит первый секретарь нашего райкома, улыбаясь, а лица всех оживлены.

— Неплохо, неплохо. Это твоя работа, Валентин?

Вот оно что. Он, оказывается, читал наши «Голоса». Это была шуточная «капустная» газета, которую я выпустил к первому дню весны. Шуточные фотографии сделал наш фотокор Арсений, а все осталь-

ное писал я. И стихи, и кто какие песни поет по весне, и эпиграммы на всех. Кроме редактора. Зам осторожно высказал мысль, что эпиграмма на него подрывает его авторитет, все молча согласились. Впрочем, на меня именно шеф написал эпиграмму, как я хожу по кабинетам и рассказываю анекдот, коротко рассказываю. Это была шпилька по поводу длинных предложений в моих материалах. Словом, эпиграмма была неплоха. И беззлобна. И сама газета вышла удачной.

— Нет, — сказал Валентин. — Это мы... сообща...

Все потускнели. Секретарь оглядел нас и сказал:

— Не буду мешать. На следующую летучку обязательно пригласите меня. Есть кое-какие моменты новые. Никита Александрович, вы зайдите ко мне после летучки.

Тут взгляд его упал на мое заявление, он бегло прочел его и расхохотался:

— Завидую я вам. Весело у вас тут. Это хорошо. Но этого мало. Ну ладно, не буду мешать.

Мы посидели еще немного молча. Потом редактор прочитал мое заявление, слабо улыбнулся, а может и покривился, с треском разодрал его и бросил в корзину.

— Все! Все свободны до понедельника.

И вышел.

Витя сейчас же полез в урну, сложил надвое разорванный лист и громко прочел мою писанину. Залился басовитым смехом. Никто его не поддержал.

У меня на душе кошки скребли. Я выходил на такую тему, на такую тему, а меня определенно выживали из коллектива.

Надо было форсировать события, но как?

Наш зам с фотокором уселись за шашки — это был гвоздь пятниц.

Под азартные выкрики шашистов, игравших навылет, я отстучал письмо Фролу Федоровичу Клинцову, который жил в Ташкенте и адрес которого мне дал вчера (точнее, сегодня ночью) Николай Владимирович Болдырев, зять Лизаветы Клинцовой и Сергея Ивановича Воробьева, бывшего коммунарского кузнеца.

Я писал Фролу Федоровичу, что попробую докопаться. И не для суда, нет: с тех пор прошло сорок с лишним лет. А для установления истины. И что он должен мне помочь. Любые слухи того времени или «попозжей», любые намеки на чью-либо причастность, более поздние и совсем недавние разговоры, слухи и наблюдения — все это имело сейчас гигантское значение. И еще я писал, что не надо надеяться на стопроцентный успех, но и не пытаться нельзя.

Запечатал конверт. Оделся. Зашел в типографию. Здесь глухо ахала печатная машина, было тепло и покойно. За окном в столбе света падали совсем неожиданные для марта рождественские снежинки.

Взял свежий оттиск. На второй полосе шел мой репортаж о вчерашнем чествовании Сергея Ивановича.

С клише вверху полосы на меня смотрел бывший коммунарский кузнец, зять Клинцовых. Смотрел прямо в глаза. С грустью, словно предупреждал, что все это для меня может обернуться несчастьем.

2

«Вот так и кончаются наши летучки», — я отпил еще пива, погрыз чебачка, все еще думая о том, что такие летучки у нас раньше были бы попросту невозможны.

...Я приехал в эту редакцию четыре месяца спустя после приезда редактора. Мне он понравился сразу. Отметил я лишь про себя, что он слегка играет под демократов прошлого столетия. Нет, он не поражал эрудицией, скорее поражал всякими окололитературными слухами, подчеркивал знакомство с краевыми журналистами, собкорами столичных газет. Это было интересно, но ненадолго.

А так, он понравился. Молодой, демократичный, простой в обращении, подсказывал на первых порах, не чванился.

Я думал — вот тип современного руководителя, я всецело доверял ему, советовался с ним, иногда и по личным вопросам. Несколько лет так и шло, и если бы он (или я) в то время уехал, в моей памяти бы он остался хорошим и рассудительным парнем, я тогда даже хотел быть на него похожим. Позднее это желание потускнело, потом прошло, а теперь я вовсе не желаю иметь какое-либо из его нынешних качеств.

А в остальном редакция мне понравилась. Особенно понравился Миша Мякшев — флегматичный, толстенький молодой человек, со всеми ровный в обращении. Раздражался он редко. Только тогда, когда кто-нибудь пускал шпильку в адрес его жены. Она была очень красивая женщина, но в косметике не знала меры и скорее перечеркивала, чем подчеркивала свою красоту.

Миша был в особом фаворе у редакто-

Электронная библиотека АКУНБ, aib.ru

ра, потому что частенько ездил с ним на рыбалку. Тот приехал из степных районов и понятия не имел вначале, как ловят хариуса или тайменя. Слово «нельма» ему попросту ничего не говорило. Самой лучшей рыбой для него была щука. Спросите любого сибиряка, выросшего на вольной реке, и он вам скажет, что щука — это тьфу по сравнению с нельмой или тайменем, и ни один уважающий себя рыбак не станет есть щуку, если только он не озерник. Щурят — это еще куда ни шло, да и то...

...Мои мысли прервал зять:

— Чего-то ты не ешь? — уронил он полувопросительно-полуутвердительно. — Давай-ка. С твоими мощами весь день вилами работать да не есть, так загнешься скоро.

Мы сегодня с ним ездили за сеном. И машина-то — «газончик», но доставали из-под снега, пласты скручены стогометом, слежались за зиму — словом, весело было.

Я очнулся от раздумий и захватил конец их разговора с шофером.

— Так вот, он и говорит — не видал ли ты, мол, там Таську Маслову? Как же, говорю, триста лет во суседьях живем. Посмотреть бы, говорит. А Ромка уже здоровый, спрашивает. Загнул, говорю, у него уже дети давно в школу ходят. Ладно, говорит, давай выпьем, однофамилица она моя. А я так думаю, крутил он с ней по молодости и вспомнил. Бывает, верно? Ну, давай по последней, — и шофер полез чокаться к зятю, а мне было лень протянуть руку, устал я и сдохнуть хотелось от передряг или уехать к черту под хвост. Зять чокнулся с ним, они выпили. Я засобирался домой, пошел и шофер. А на улице я спросил — что за Маслова.

— Тю-у! Тетку-Таську не знаешь? На Колхозной живет. А мужик этот — тоже Маслов. Иван Филиппович. Алкаш. Лесник на кордоне в Каменной Пади. Говорит — однофамилица, а детей знает. Черт с ним. Пока!

Он сел в кабину грузовика, я пересек улицу наискосок и вошел в подъезд двухэтажного коммунального «скворечника», где жил.

3

Ларки еще не было, в субботу у нее вторая смена, шесть уроков. Мама в полушубке сидела в кресле, смотрела телевизор. Живет она у сестры с зятем, но сегодня я попросил ее загнать Старика в дом, а то он будет полкать до ночи. Во втором кресле сидел Старик.

— Старик, уроки выучил? — спросил я, зная наперед, что он мне ответит.

— Первый раз слышишь, что на выходной нам не задают? — подхватил он, не отрываясь от экрана. В телевизоре зазвучал мощный финальный аккорд. Фильм кончился, мама пошла домой.

— Ма! — остановил я ее. — У Тетки-Таськи как мужа звали?

— Иван Филатович. Чо вспомнил-то? Давно и кости изгнили. С сорок третьего гниют.

— Филатович так Филатович. А она на старом месте живет?

— На старом. Статью писать хочешь, что ль? Не родился еще кто про нас, уборщиц, напишет. Пошла я.

4

Утром у меня ныли мышцы, потянутые вчерашним сеном. Вставать не хотелось, но надо было: в воскресенье у меня лекция для студентов первого курса при нашем учебно-консультационном межрайонном пункте. В этом УКП я иногда вел немецкий язык, подрабатывал на сигареты.

Не знаю большего умника, чем тот, кто включил в программу заочного отделения сельскохозяйственного техникума иностранный язык. Учатся здесь преимущественно люди в годах — бригадиры, зоотехники, механики. Практики, которым нужно теоретическое образование по специальности, а не немецкий. Если кому-то потребуется иностранный для дальнейшей работы, он его сам подучит. А так даже при министерском воображении трудно представить, чтобы осеменатор обращался к корове: Bitte, stehen sie auf, gnädige Frau!*

Но как бы то ни было, а я старался, чтобы они заучили хотя бы минимум слов, необходимых для экзамена. Многим это удавалось с трудом — школьное время их пришлось на войну и послевоенье, а в вечерних школах и сейчас-то не во всех преподают ин-яз.

Так я рассуждал про себя, шел-шел, вышел на горочку и, неожиданно свернув на Колхозную, оказался напротив дома Тетки-Таськи.

Она болела, лежала в постели. А Роман пришивал заплатку к здоровенному валенку. Я поздоровался, не зная, как подкрасться к теме.

---

* Встаньте, пожалуйста, милостивая госпожа! *(немецк.)*

— Паня, помнишь, как ты нам пел? — спросила Тетка-Таська. — Мы соберемся, все уборщицы, а ты такой клопик был, лет пять-шесть, и поешь: «Где огненным шаром пылает снаряд», а мы плачем, вдовы ведь.

— Смутно, теть Тась. Давно ведь было-то.

— А у меня твое фото есть. Нас весь аппарат снимали. Ты и примостился сбоку, ноги калачиком. Рома, достань-ка...

Роман неохотно достал альбом из комода, вытащил из него черный пакет, вытряхнул передо мной на стол с полдюжины фотографий, альбом спрятал снова.

Себя я узнал сразу. А вот и мама: молодое, смертельно усталое лицо. Вторая фотография меня смутно кольнула чем-то. Там стояла Тетка-Таська с каким-то плотным мужиком. И четверо детей, по двое с обеих сторон.

— Как сохранилось хорошо, — сказал я, показывая Тетке-Таське фото. Та оживилась:

— Как же! Приезжал ведь из города снимать-то фотограф. До войны. В честь первых выборов. Всем аппаратом и снимались. Теперь, поди, редко кто с уборщицами снимается. Фото аж блестело, когда получили.

Она взяла снимок.

— Иван-то мой Филатыч орлом тут смотрит.

Она вот-вот расплачется. Нет, глаза сухие, только голову чуть склонила, словно удивляется — был ведь в ее жизни этот плотный и горячий мужик.

А слез не было. Выплакала.

— Да, он орлом тут. Возьму я на недельку карточку? Может, переснять сумею? Тогда и портреты ваши можно сделать...

— Возьми, Паня, возьми, — равнодушно и устало сказала она. — А портреты зачем теперь? Подыхать скоро уже. Отчертомелили свое...

Роман сопел над валенком.

Я вдруг соврал, что меня мама прислала попроведовать, спросить — не надо ли чего.

— Нет, Паня, не надо. Сейчас вдоволь всего, грех жаловаться. Жить бы только да жить, да здоровьичка нету. Я вот оклемаюсь немного и схожу к ней, давно не была...

5

Закончив перекличку моих великовозрастных студентов, я написал на доске немецкую фразу и попросил подчеркнуть главные члены предложения. Пока они корпели над этой титанической задачей, я открыл журнал и сразу же нашел то, что хотел найти: «Домбровский Юрий Алексеевич, село Каменная Падь, секретарь сельского Совета».

— Кто из вас Домбровский?

Поднялся худой мужчина лет тридцати очень болезненного вида.

— Я попрошу вас зайти на перемене в преподавательскую.

Там было пусто и тихо, занималась только одна группа, сегодня у меня четыре часа, так что нам никто здесь не помешает.

— Юра, я хочу написать об одном человеке из вашего села. Правда, вы не нашего района, но лесничество-то одно. Вот его фотография. Правда, довоенная. Узнаешь?

— Конечно. Это наш лесник. Живет на кордоне. Иван Филиппович Маслов.

— Филатович, Юра, Филатович.

— Да нет же, Пантелей Степанович. Филиппович он. Неужели секретарь сельсовета не знает? — он смущенно улыбнулся. — Я даже сказать могу и не то еще. И что жена у него — Дарья. И что детей у них нету. И живут они с конца войны у нас. И попивает он изрядно. Да еще коекогда к подружкам заезжает. А Дарья потом его поленом лупит. Пьяного. Но ему хоть бы что — крепкий мужик.

— Иван Филатыч-то?

— Филиппович. Иван Филиппович. А что вы про него писать будете?

— Да говорят, лесник он хороший.

— Это в точку. Золото, а не лесник. За лесом ходит, как за любимой женой. Его кордон — самый лучший. Не пил бы, давно б в орденах ходил.

— А что, сильно пьет?

— Да на кордоне кто ж его видит? А как в деревню выберется...

— Жаль, что пьет. Хотелось написать о нем. Ты, Юра, пока не распространяйся на эту тему, ладно? Сам знаешь, профессиональная этика. А то разнесется — приедут, мол, из газеты, писать будут. Человек ждать будет, надеяться, а вдруг не сочтут нужным. Вот и травма, вот и обида. Тем более, работник, говоришь, хороший.

— Я понимаю. Правильно. А работник он — действительно золото. Знаете что? Я вам пришлю все данные о нем. Он ведь еще и фронтовик. А вы посмотрите сами, писать или нет.

— По рукам. Только смотри, Юра...

— Ну что вы! Все будет как надо.

Электронная библиотека АКУНБ. elib.altlib.ru

ДВАДЦАТЫЕ

...крик сдавленный,
удар и боль!
Рюрик Ивнев

1

Стемнело, и на небе зажглись крупные и чистые горные звезды.

Чигоринск еще не спал, но людей на улице не было. Кое-где из-за опущенных штор вырывались на улицу неяркие снопики света. Стояла вечерняя тишина, только где-то за селом жалобно кричала ночная птица.

Скоро Иван Ильинцев будет дома, до его родного села отсюда рукой подать. Может, дня через три и родных увидит. А пока надо проверить еще вот этот дом, и спать. Усталость гнетет: постоянное напряжение и опасности, целыми днями в седлах. Едешь, как мишень.

Он дважды стукнул кулаком в дверь и резко отпрянул в сторону. Были уже и такие случаи — стреляют на стук из обрезов.

Время было смутное, хотя Советская власть прочно укрепилась на всей территории края, много еще крупных и мелких банд гуляло по Караульной линии. Часто бандиты скрывались в одиночку. Одни бросили винтовки, поняв, что дело проиграно. Другие надеялись еще, уходили глубже, в глушь, в тайгу и горы.

...Занавешенные окна. На столе — пельмени. Крупные, сочные, вздутые. И запах, от которого течет слюна.

Четверо ребятишек, мужчина и женщина за столом. Тусклая семилинейная лампа не в силах разогнать темноту, и на лицах лежат густые тени.

Мужчина отбрасывает прядь густых черных волос с лица, тревожно вглядывается в вошедшего Ильинцева и вдруг широко раскрывает глаза. На скулах его вздуваются желваки, из дрогнувших пальцев выкатывается на стол татарская чашка с бульоном из-под пельменей.

Ильинцев тоже вздрогнул — он узнал этого мужчину. Несколько лет назад, когда Ильинцева вели на расстрел, этот казак посмеивался над ним и бил его плашмя шашкой по спине.

В эти последние минуты перед смертью все врезается в память: и синева неба, и каждая пылинка на траве, и прощальная зелень листвы, которую ты видишь последний раз в жизни. А уж лицо этого казака он запомнил навеки.

Ильинцев сжал трехлинейку и враз осипшим голосом сказал:

— Ну, здравствуй, крестный батюшка! Как рассчитываться будем?

2

В двух-трех километрах от Марково, там, где Чагыр принимает в себя речку Громотуху, маленькую, прозрачную и бурливую, там вода ходила ходуном, образуя большую воронку, которую все называли Бучило. На Бучиле был обрыв, которым кончался Золотой Луг. Здесь, у этого обрыва, и должна была оборваться жизнь Ильинцева, этот обрыв был приговорен стать местом его казни.

Казаки арестовали их двоих — Ивана Ильинцева и Егора Рябухина. Тот был еще выше Ивана, а Иван — около двух метров. Лишь недавно добрались они домой, отказавшись вступить в Красную Армию после фронта и не поддержав белых, — они хотели домой, к земле. В селе их за высокий рост прозвали «большаками» — Иван Большак да Егор Большак. Когда казаки вошли в Марково и стали искать большевиков, какая-то женщина выдала их казакам. Разговор был коротким. Большак? К стенке. И вот их ведут убивать.

Руки им связать не догадались. Были они безоружны, и казаки и мысли не допускали, что можно каким-то образом сбежать от пяти верховых конвоиров.

Двое ехали впереди, трое — сзади. Один из этих трех все время колотил арестованных по спине шашкой плашмя — поторапливайтесь, поживее.

Егор был задумчив. Иван кусал губы. Стоило ли почти четыре года на австрийском фронте кормить вшей в окопах, чтобы дома хлопнули ни за что? Дурак дураком — не пошел в Красную Армию...

У обоих в селе остались семьи, в ушах все еще стояли причитания родных, а обернувшись, оба увидели, как люди в селе взбираются на крыши, чтобы рассмотреть, что будет дальше.

В селе казаки сказали всем, что ведут арестованных в Усть-Кару, в штаб, но при этом так откровенно ухмылялись, что стало ясно — Иван с Егором живут последние минуты. Как только село скроется из виду, с ними покончат.

Иван снял тужурку с опояской, положил на придорожный камень, задержался:

— Мне она больше не нужна, а кто-нибудь подберет...

Казак пригнулся к шее лошади и стег-

нул его нагайкой по спине. Рукоять сабли казака была так близко от глаз Ивана, что он с трудом удержался от искушения выдернуть саблю из ножен, а там — будь что будет!

Нет, надо подождать еще, а уж потом... Терять все равно нечего. Еще самое большее полчаса, и жизнь их кончится. Иван толкнул Егора и чуть кивнул в сторону Чагыра. Егор покачал головой, он все еще надеялся на лучший исход.

Один из всадников привстал на стременах, указал нагайкой вперед:

— Там, что ль...

Да, это был тот самый обрыв на Бучиле.

А у Ивана уже был готов план. Ремни на винтовках у казаков новехонькие, снимать винтовки наверняка будет трудно. Лошади под ними явно не кавалерийские, а взятые у крестьян по мобилизации. Напугать их можно, наверняка они боятся звуков выстрелов.

Вот и обрыв.

Иван вдруг с диким воплем взмахнул руками, швырнул шапку в морду лошади и бросился с обрыва в Чагыр.

Лошади шарахнулись вбок, началась неразбериха. Двое казаков выстрелили, но стрелять по такой мишени было трудно: течение быстрое, в глазах рябит от волн. Иван непрерывно нырял. Непривычные к грохоту выстрелов лошади взвились на дыбы. Один казак был сброшен с седла, запутался ногой в стремени, и лошадь волочила его головой вниз по лугу.

Казаки бросились выручать своего, на время забыв о втором арестованном, а тот стоял, не решаясь прыгнуть вслед за Иваном — он все еще надеялся.

Иван задыхался, ныряя, плыть было тяжело, мешала одежда, тянули вниз сапоги, к тому же царапнуло пулей в бок. Переплыв Чагыр, тяжело дыша, он вылез в прибрежных кустах, оглянулся и некоторое время не мог даже выдохнуть, потрясенно молчал — на том берегу группа людей исполняла какой-то жуткий танец — пятеро верховых вооруженных казаков молча рубили саблями безоружного великана.

Иван ушел в Топольное и влился в партизанский отряд. Было у него еще несколько ранений, пришлось ему, тяжело раненному, скрываться, воевал он с белыми и бандами по Караульной линии, и никогда бы не подумал, что очередной поворот его военной службы готовит ему столь неожиданную встречу.

3

— Ну здравствуй, крестный батюшка! Как рассчитываться будем?

Тот все еще стоял, ухватившись побелевшими пальцами за столешницу.

— Стреляй. Твоя взяла...

Когда казак говорил это, на него страшно было смотреть. Его лицо казалось разом разрушилось. Ни кровиночки, только часто подергивается щека. Жена схватилась за горло, что-то силилась сказать, но губы шевелились, а изо рта вырывались хриплые и неясные звуки.

Но главное — широко раскрытые глаза четырех малых ребят, старшему из которых едва ли минуло двенадцать. Затаив дыхание, они почувствовали, что происходит что-то непоправимое, что где-то рядом витает смерть...

И рука Ильинцева дрогнула.

— Не-ет, мы не звери... — Он тяжело вздохнул. Говорил с трудом. — Черт с тобой. Живи. Если совесть есть — пусть грызет. Да скажи спасибо им... — он слабо махнул в сторону детей и вышел в ночь. Женщина кричала вслед какие-то бессвязные слова: «Благодетель! Заступник!», но ее он не слышал.

В амбаре он долго курил, сбивая ногтем крупные махорочные искры и отмахиваясь от вопросов дозорного, и уснуть ему в эту ночь удалось не скоро — перед глазами стояла широкая лента стремительно несущейся чагырской воды и группа людей на том берегу, исполнявшая жуткий танец смерти.

Вскоре закончились его военные дни, и в Чигоринске он больше ни разу не был. Один раз, будучи уполномоченным, даже выговор схватил за отказ поехать в Чигоринск по поручению. А он боялся, что если вторично того казака встретит, то на сей раз его рука не дрогнет.

Больше казака Филата Маслова Иван Ильинцев не видел. Сына его, Ивана Маслова, встречал много раз по работе. Тот был учетчиком в колхозе, но в другом селе. И было это уже много позже — в середине и конце тридцатых годов.

Электронная библиотека Акулов.ru

СОРОКОВЫЕ

...Бывает, боль растягивает губы.
А кажется: смеется человек...
Алексей Шлыгин

День был прозрачен, весь пронизан теплыми лучами молодого солнца. У самой земли тихо струилось марево. Просматривались обычно скрытые хмарью далекие белки у горизонта — целый ряд прозрачно-голубых треугольничков со снежными вершинами.

Медленно и торжественно в село вступало утро, и не верилось, что где-то далеко на западе полыхает война, и слабые лучи утреннего солнца не могут продраться к израненной земле сквозь клочковатую пелену гари.

Где-то далеко на западе падали солдаты, отдавая последний вздох летней земле, а здесь, далеко от войны, медленно наступало воскресенье.

В этот день Тасю Маслову охватило какое-то уж слишком праздничное настроение. Может, оттого, что выходной? Отчасти и поэтому, но больше оттого, что в субботу вечером почтальонка Катя принесла ей письмо от Вани.

Было оно, правда, солидной давности, плутавшее какими-то неведомыми путями солдатской полевой почты, но разве может что-то сравниться с фронтовым письмом, если ждешь его столько месяцев в военную пору?

И написано-то на каких-то бухгалтерских бланках обыкновенным химическим карандашом, а не надо ни королевской бумаги, ни золотых чернил — важно, что жив, здоров, чего и всем желает.

Начитавшись вволю и наплакавшись, она поцеловала Зойку и Ромку и легла в постель, отлично зная, что долго не сможет заснуть. В окно глядела луна, посапывали спящие ребятишки, да на стене бесшумно покачивались темные тени от деревьев за окном.

После проводов Вани она пластом лежала целую неделю. В тот год умерли два ее старшеньких. Простудились, когда с салазками ходили за чащой. Сгорели буквально в два дня. После их похорон купила она у знакомой старушки икону и поставила, стесняясь Зойки и Ромки, на полку за занавеску. И когда дети засыпали, она вставала и, плача, молилась, долго и неумело.

Ей не нужны были ни богатство, ни рай, она молилась только, чтоб вернулся Ваня, чтоб не заболели оставшиеся в живых дети.

Вообще-то, в бога верить она так и не научилась. Но, помолившись и выплакавшись, чувствовала себя более уверенно. Это придавало силы — было кому высказать свое бабье горе, сбросить с плеч хоть часть давящего груза, хоть частично и на время заглушить ежедневную тревогу за детей, ежедневный изнуряющий страх за судьбу мужа.

За неделю до вчерашнего Ваниного письма почтальонка Катя принесла ей какую-то странную посылочку. Это была очень маленькая коробочка. Адрес был написан незнакомой рукой, но страха она не ощутила. Она почему-то подумала, что это Ваня выслал ей свои часы, и уже кляла себя за то, что в письме ему однажды расплакалась и написала всю правду, как она тут бьется одна на свою мизерную уборщическую зарплату да на Ванин аттестат. Про умерших старшеньких она не писала. Пусть Ваня думает, что живы. Пусть Ваня не волнуется, пусть не расстраивается, ему там и так нелегко.

Она открыла коробочку — и в самом деле там лежали его наручные часы. Она их попытается продать, хотя кто сейчас в деревне станет покупать часы? Сами-то еле-еле концы с концами сводят. Тогда она отдаст подешевле, а на эти деньги разживется тремя-четырьмя метрами материи на брючишки Ромке да на юбчонку Зойке, вот в школу и пойдут в обновках.

Потом из коробочки она вынула еще что-то, как и часы, завернутое в бумагу. Развернула — это была медаль. Его медаль. Она совсем растерялась — там еще была бумажка, опись высылаемого родственникам имущества погибшего Ивана Маслова.

Она даже не заплакала, просто закаменела. Слезы пошли только тогда, когда вбежал пятилетний Ромка, схватил медаль и заплясал, забегал по комнате:

— Урррра! Папка орден прислал!

Слезы у нее бежали, а самой не верилось. У них уговор был. Ваня брал с собой семейную фотографию. Если его убьют, то фото вернут вместе с похоронкой. Вернется домой фото — значит, Вани больше нет. А тут часы и медаль высланы, а фотографии нет. Не может быть, значит. Фото бы с него с убитого вместе с часами и медалью сняли.

Всю следующую неделю она молилась особенно исступленно. Сквозь слезы ей казалось, что бог сочувственно кивает головой. Она верила, она знала, что это ошиб-

ка, ведь похоронной-то не было, а уж она-то обязательно должна была бы прийти вперед этой странной посылочки.

У Клавди, ее соседки, тоже такая история была. Получила похоронную, четыре месяца убивалась по нем, а он объявился. Приехал раненый, но ведь живой, живой...

Значит, не зря она молилась всю эту неделю — в субботу вечером письмоноска Катя принесла ей письмо от Вани.

...Заглядывала в окно луна, шевелились за окном темно-серебристые руки деревьев, бог с иконы косил нарисованным глазом на преклонившую перед ним колени женщину, которая благодарила его за письмо от мужа.

Это было вчера, а сегодня — воскресенье, и какое-то уж слишком праздничное настроение. Она затопила грубку, потому что по утрам было прохладно, принесла обвязанную веревкой вязанку дров, наколола топором прямо в комнате — надо было щелок для постирушки приготовить. Потом поставила на грубку два чугуна и пошла в огород. Два прохода она уже сделала, тяпая картошку, от ограды до ограды, когда, случайно оглянувшись, увидела, что у ворот, как-то странно сгорбившись, стоит почтальонка Катя.

Чужое горе сделало Катю старухой. Шутка ли, своими руками вручать женщинам эти скорбные письма, которых они боятся больше всего на свете. Мало ли она насмотрелась на чужое горе за эти два с лишним года войны! А еще и свое где-то ее сторожило...

Эта похоронная на Ивана Маслова пришла еще вчера. Пришла вместе с треугольничком, который был послан Тасе Иваном. Катя сразу поняла, что это — похоронная. Безошибочно. Потому что давно привыкла к этому. И решила она отдать ее позже письма, после треугольничка. Пусть Тася проживет еще один радостный день. А сегодня пришлось нести и похоронную.

Она вытащила плотный конверт из сумки, протянула его спешащей к ней Тасе, а когда та взяла его, почтальонка повернулась и пошла прочь. На перекрестке оглянулась на окаменевшую в горе женщину и медленно побрела на другой конец деревни. С той же вестью...

Дети все еще спали. Тикали ходики. Плясали в грубке языки пламени, бросая на лежащий на полу топор и веревку длинные багровые блики.

Женщина отдернула занавеску, и ей почудилась самодовольная усмешка в уголках глаз нарисованного бога. Она сняла икону, бросила ее к грубке, стала на колени и взялась за топор.

С трудом расколола пополам широкую и толстую доску, сунула обломки в печку. Пламя охватило сухую доску сразу, горела и пузырилась краска, придавая лицу бога злорадное и мстительное выражение.

Разве не она столько дней и ночей просила его сохранить Ване жизнь! Если богу нужна чья-то смерть, то пусть лучше после возвращения Вани умерла бы она сама. Что она будет делать с детьми? Неужели трудно было всемогущему сохранить жизнь отцу ее детей? Ведь ни о чем другом она не просила, а он уже и так у нее двух к себе забрал...

— Мам! Ты опять плачешь! Опять папка орден прислал?

Это проснулся пятилетний Ромка. Она с трудом поднялась с колен и подошла к кровати. Даже попыталась улыбнуться. Что она скажет детям?

Тася взяла похоронную и, стараясь не смотреть на скорбные, дрожащие, двоящиеся строчки, начала читать неестественно звонким голосом:

— Дорогие мои сын и дочка! Пишет вам папка с фронта! Вот скоро разобьем немцем, и я вернусь домой...

А впереди лежали два длинных года страшной войны и не менее трудные послевоенные годы, и надо было жить, жить для детей, стиснув горе в тревожно бьющемся одиноком сердце. Да разве только ей одной?

...Так до конца своих дней Тася Маслова и не узнает, что ее Ванечка благополучно вернулся с войны и почти тридцать лет после этого жил себе спокойненько. Почти рядышком. На кордоне. С другой женщиной. Всего в какой-то сотне километров от Крутоярово.

НЕМНОГО СО СТОРОНЫ

...О том, как через годы-муки
Она все тянет ветви-руки
К зеленой наледи-воде...

Из стихов Пантелея
о падающей сосне

Целый понедельник Пантелея не покидало ощущение, что где-то и когда-то он слышал что-то про Маслова. Чем-то ему была очень и очень знакома эта фамилия. Даже не только знакома, он был почти уверен, что когда-то сам писал какой-то материал, где упоминалась такая фамилия.

А понедельник в районной газете — су-

матошный день. С тех пор, как страна перешла на пятидневную рабочую неделю, понедельник стал в газете проклятым днем. Если раньше запасной номер наполовину верстался в субботу, то теперь приходилось верстать внутренний разворот в пятницу, параллельно с субботним номером. Как правило, удавалось это редко. То линотип сломается, то свет отключат, то еще что-нибудь, в результате практически весь номер, оба разворота, верстаются в понедельник.

А тут еще заболел ответственный секретарь, и Пантелею пришлось заменить его, совмещая свою работу с его, а это было хлопотно.

Правда, это секретарство отставило его от командировки и сбора информашек, и он, взяв подшивку газет за прошлые годы, стал бездумно листать их, надеясь, что вспомнит, когда и где он в своих материалах упоминал фамилию Маслова.

Летали космонавты, вспыхивали конфликты в Африке, район давал третий план производства травяной витаминной муки, медведь разорил пасеку, гремела по району слава уборочного звена женщин-механизаторов, старая учительница вспоминала время ликвидации безграмотности, механизатор делился впечатлениями от туристической поездки на Кубу, совещались пропагандисты и агитаторы. И так далее, и так далее. Факты, события, явления, но ни к одному из них Маслов не имел касательства.

И вот, держа в руках двухцветный номер, посвященный пятидесятилетию Советской Армии, он вспомнил. Тот номер, где печатался материал, тоже был отпечатан двумя цветами. И посвящен он был пятидесятилетию Советской власти.

В тот номер на четвертую полосу планировался материал о ветеране партизанского движения. Но ветеран неожиданно заболел и был увезен в краевую больницу. А Пантелею совершенно неожиданно подвернулся под руку весьма выигрышный факт: в селе жил человек, в свое время бежавший от расстрела белоказаками. Вот так в газете появился материал об Иване Федоровиче Ильинцеве, персональном пенсионере, скромнейшем человеке. А Маслов — это была фамилия казака, который в числе других конвоировал Ильинцева и его друга к месту расстрела. Правда, фамилию Маслова Пантелей в материале не упоминал, но запала она в память.

Первоначальная радость сразу же потускнела. Самые скромные подсчеты говорили, что тот Маслов по крайней мере в два раза старше мужа Тетки-Таськи.

Работники уже все ушли, номер печатался, а Пантелей, перечитав еще раз материал «Встреча после расстрела» и попутно отметив, что сейчас написал бы его не так, все мечтал. Вот бы этот Маслов оказался родственник тому Маслову. Вот бы мужа Тетки-Таськи Ильинцев когда-нибудь видел да опознал бы по фотографии. Вот бы да кабы! А еще лучше, если бы Ильинцев признал на фотографии сына казака Маслова!

Пантелей закурил и усмехнулся. Эк, куда хватил! Это было бы неправдоподобное везение, а такое везение бывает раз в жизни. И у Пантелея уже был один случай неправдоподобного везения. Тогда, когда курсант-водитель во время ночного вождения по приборам зевнул ориентир, и их танк свалился в сухое русло, по которому сколько-то веков назад текла какая-то туркменская река, и из всех попавших в танковую аварию он один остался жив, отделавшись сложными переломами ног. Нет, второго такого случая в жизни не будет...

И все же Пантелей решил зайти к Ивану Федоровичу Ильинцеву. Жил тот на самой окраине, и к нему он добрался только около восьми вечера.

Иван Федорович был приветлив, засуетился, послал было старуху за «красненькой», благо дежурный магазин рядышком, но Пантелей сказал, что забежал на минутку, да и то по пустяковому делу, а посидеть капитально зайдет как-нибудь в другой раз.

Разговор перескакивал с темы на тему, пока Пантелей не достал фотографию Тетки-Таськи с мужем и детьми.

— Вот, Иван Федорович, вы здешний старожил. Вся ваша жизнь прошла в этих местах. Взгляните, может быть, кого-то вы тут и узнаете?

Иван Федорович надел очки, внимательно рассмотрел фотографию. Кадык у него задергался, Пантелей почувствовал, что руки у него потеют.

— Эту женщину я не знаю. Что-то знакомое, но с уверенностью сказать не могу. Где-то видел, но... Нет, не знаю, не буду врать. А мужик...

— А мужик? — подался вперед Пантелей. — Его вы тоже не встречали?

— Хотел бы не встречать. Да пришлось. А лицом он — вылитый батя. Так вот, Пантелей Степанович, ты у меня как злой ангел. Как появляешься у меня в доме, я потом три дня не сплю. Все вспоминаю. Это вам

сейчас пока вспомнить нечего. А нам — о-е-ей сколько спомянуть можно. В общем, это сын Филата Маслова. А про Филата я тебе уже рассказывал, писал ты. Умер он перед войной. А этот... Иваном его, кажется, звали. Он работал в Марково, в колхозе учетчиком. Перед войной переехал в Крутояро-во. В войну, по-моему, убит. Потому что не встречал его больше. И хорошо, что не встречал. А то до войны как приедешь из своего райзо в Марково, как встретишь его, так руки чешутся поехать в Чигоринск и хлопнуть его батьку. Хлопнуть!

Папироса в его руках прыгала, а дым свивался в колечки — частые, тоненькие, дрожащие...

— А вы не ошибаетесь, Иван Федорович? — Пантелей откашлялся, запершило что-то в горле. — Посмотрите получше. Мне это очень и очень важно.

Ильинцев даже заскрипел зубами от возмущения, и от волнения в его речи стали прорываться сибирские словечки:

— Да ты чалдон, ли чо ли, паря? Обалдел парнишишка! Да я их морды с закрытыми глазами нарисую. Стал бы я с тобой ашшаульничать зазря, ли чо ли? У него еще родинка на шее возле уха. Точь-в-точь как у тятеньки родимого. Я эту родинку своими бы руками оторвал. Увидел ее, когда Филат меня нагайкой ожег. На Бучиле. Ванька это, его свистеныш...

Старуха Ильинцева неодобрительно выглянула из другой комнаты:

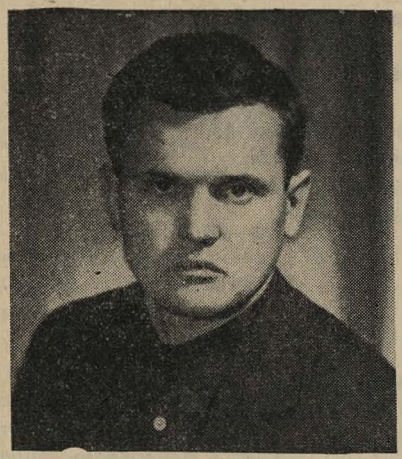
— Хватит матюгаться-то, орелик! Шел бы ты, Пантюха, домой. А то ведь он теперь до самого утра ворочаться будет да дымокурить бесперечь, старый пень.

Пантелей поднялся. Фотография жгла ему руку. Папироса Ильинцева догорела до самого картона, и он бесцельно сосал пустую дудочку, не замечая, что дыма нет и пепел вывалился из нее. Глаза его были закрыты.

Пантелей попрощался. Ильинцев не ответил.

Окончание следует.

Электронная библиотека АГУ Ивана Шамякина



Поэзия

Леонид Семенович Мерзликин родился в 1935 году в селе Белоярском Алтайского края. Окончил культпросветучилище, а затем Литературный институт имени А. М. Горького. Первая книга стихов («Купава») вышла в Москве в издательстве «Молодая гвардия». Затем последовали новые книги — «Россия», «Таисья», «Лада», «Ивушка» (Барнаул), «Снежное утро» (изд. «Современник») и др. Член Союза писателей СССР.
Живет в Барнауле.

Леонид МЕРЗЛИКИН

МНЕ МНОГО БЫ НАДО УСПЕТЬ

ДОБРАЯ СЛАВА

Осиянный стою под крылом твоим, добрая слава,
Погоди, не спеши, ты успеешь еще отлететь.
Дай потешиться мне. До чего ж моя жизнь кучерява!
Так и хочется, ворот рубахи рванув, засвистеть.

И удариться в пляс. Я учился, поди, в культпросвете.
Полюбуйся, какой я сегодня смешной шутолом!
Стукатят каблуки, я летаю, кружусь на паркете,
Чуб намокшей мочалкой свисает, бровь наизлом.

И качаются стены, и люстра двоится, троится.
Не подумай чего там такого плохого. Я трезв.
Просто так вот отец мой когда-то умел веселиться,
Говорят, я в него вышел вроде бы на ногу резв.

Отпляшу и пойду не налево потом, не направо —
Напрямки, в чисто поле, чтоб звонкую песню запеть.
Навещай меня чаще, хорошая добрая слава,
Я не знаю кому, а мне много бы надо успеть.

1979 г.

*

Тропинка свернет у амбара,
И я под рассыпчатый хруп,
В объятьях морозного пара
Ввалюсь в холодеющий клуб.

Снежок отряхну, веселея
С того, что никак не одно
На улицу смотрит, светлея
Рассветной зарею, окно.

По полкам расставлены книги,
В мешке целлофановом — вон —
Лежит на столе полковриги
Домашнего хлеба (пижон!)

И сало, и луку головка,
И чайник, и сахар. Ну что ж,
Устроился, парень, ты ловко,
Измором тебя не возьмешь.

И все тебе кажется чудно:
И лес, и над крышами дым,

Электронная библиотека АКУНБ lib.ru

Но долго идешь ты и трудно
К заветным глаголам своим.

За ради единого слова,
За ради единой строки
Ты весь изведешься, и снова
Листки пред тобою, листки.

Потом побалуешь с гитарой,
Потом постоишь у скамьи...
Мой клуб, деревянный и старый,
Пенаты родные мои!

1978 г.

*

Мерцающая, сутемная даль,
Улитая мазутами дорога.
— Скажи, мой друг, скажи за ради бога
Чего он так свирепствует, февраль!

Но друг молчит. Я рядом с ним иду.
Кусты и те, кажись, окоченели.
— Ты чо молчишь! Мечтаешь о постели
О пуховой! А я дак про еду.

Но друг молчит. А ночь уже пришла.
Под сапогом скрипит-поет дорога.
Вот и жилье. И прямо от порога
Ввалились мы в объятие тепла.

Вверху двухсотка весело горит,
На кухне хлопотливая хозяйка,
Румяная и пышная, как сайка,
Накрыла стол:
— Идите, — говорит, —

Садитесь, ешьте. Только что сейчас
Зайчатины с картошкой натушила. —
И улыбнулась ласково и мило.
Ох, женщины! Куда бы мы без вас!

А за стеклом оконным темнота,
А на стекле по прихоти мороза
Разлепестилась северная роза,
Пылает, ярким светом залита.

1978 г.

*

Заперты киоски и лабазы,
Лестница трухой заметена.
В опустелом тереме турбазы
Я стою, читая письмена.

На стене дощатой так и эдак
В тайном ожидании любви
Девушки кому-то напоследок
Имена оставили свои.

А в углу конфетные бумажки,
А на подоконнике стакан,
А в стакане белые ромашки
С горных отцветающих полян.

Я гляжу в открытое окошко,
Шелестят деревья и кусты,
Между них песчаная дорожка
К озеру сбегает с высоты.

Озеро спокойно и дремотно,
Горы величавы и тихи,
И ложатся на душу охотно
Первые осенние стихи.

1978 г.

*

Ее краса умела грянуть
Средь бела дня и так подчас,
Что я не мог пройти не глянуть,
Не уронить ослепших глаз.

В какую ночь успела кануть
Ее слепящая гроза!
Теперь могу не только глянуть,
А заглянуть — глаза в глаза.

Вовек бы той красе не вянуть,
Как пить до дна и не испить.
И все же снова — если б грянуть
Средь бела дня и ослепить!..

1978 г.

*

Ничего не говори,
Ничегошеньки.
Занавеска у двери
Вся в горошинки.

Печь беленая
На две
Греет комнаты.
Твои руки к голове
Плавно подняты.

Ты гребенкою ведешь,
Волос падает,
Золотая его дрожь
Взгляд мой радует.

Волос падает туда,
Куда клонишься.
Вот такою навсегда
И запомнишься.

Электронная библиотека АГУКиБ, elib.altlib.ru

Дым морозный за окном,
За оконышком
Протянулся волокном,
Волоконышком...

1968 г.

*

С песнями у светлого пруда
Мы прошли по вешней канители.
Где все это, милая, куда
Ты сама и песня отлетели?

Долго им, умолкшим, я внимал
Летним днем в разливе густотравья.
Что пророчит, я не принимал,
Мне головка желтая купавья.

Ветер по-осеннему с дерев
Рвет листву и шлепает на крышу,
И не песни — горестный напев
В проводах колеблемых я слышу.

Из любых я выберусь тенет,
Если рядом облик твой витает,
Но и он однажды промелькнет
И в метельной сутеми растает.

Чтоб потом из облачной дали,
Лишь осядет снег, шурша и тая,
О тебе пропели журавли,
Над моим покоем пролетая.

1979 г.

НА ГРАНИ ЦЕ

1

Вечерних гор суровая гряда,
Усыпанная камнями долина,
Саманного жилья сухая глина,
Дорога в два, накатанных следа.

Ее местами вьюгой замело,
Она бежит, петляет по долине,
Вдруг у подножья в узкой котловине,
Мелькнул огонь, запрыгал весело.

Верней, машина вновь пошла нырять
По бугоркам спрессованного наста,
По-над горой проклюнулось глазасто
Созвездие сквозь облачную прядь.

И вот мы у контрольно-пропускных
Ворот с пятиконечною звездою.
Сигналим. И походкой молодою
Подходят к нам в шинелях войсковых.

А мы давно гражданские, давно
На нас одежда, обувь и ушанки
Не войсковые, только мы в «гражданке»
Не позабыли службу все равно.

И, глядя на солдата в сапогах,
Что козырнул, невольно захотелось
И нам проверить прежнюю умелость,
Рукою сделать согнутою взмах.

Сначала пальцы сжатым кулаком,
Лишь у виска разжатая ладошка.
Мы вышли из машины, и дорожка
Под каблуками скрипнула песком.

2

Разобраться бы ладом,
Отчего все так творится? —
Мне на службе снится дом,
Дома часто служба снится:

Будто снова я бегу,
Будто снова я стреляю,
На заснеженном лугу
След от лыжи оставляю.

Нынче я часов с шести
Пробудился на заставе,
Снилось то, что не найти
Ни в одной строке в Уставе:

Будто лилия цвела
По окромку одеяла,
Будто мама для стола
Белу скатерть доставала...

3

А утром тут такая тишина!
Такое небо тут над головою!
И птица никакая не слышна,
И звезды — вон они — по-над горою.

Дышать тут с непривычки нелегко,
Зато видать куда как далеко.

Граница. Грань последняя. Предел
Родной земли. Пологие громады
Угрюмых гор, окрашенные в мел
Снегов, и пограничные наряды.

И лошади, и тявканье собак,
И стороны той запредельной знак.

1979 г.

Электронная библиотека АГУНБ, elib.altlib.ru

Сергей КЛЮШНИКОВ

Сергей Клюшников родился в 1956 году в селе Зудилове на Алтае. Окончил десять классов. Служил на флоте. Был матросом на рыболовном траулере, работал на Алтайском вагоностроительном заводе. В настоящее время — студент первого курса Литературного института имени А. М. Горького.
Публикуется впервые.

Я ВЫШЕЛ В ПУТЬ

ЛЕТО

С белоснежным черемухи цветом
Отплясала свой праздник весна.
Босоногое,
пыльное лето
Все ручьи перегрело до дна.

И, начавшись едва,
погляди-ка,
Ночь уходит
прохладой росы.
И на просеках буйно клубника
Зацвела,
распуская усы.

*

Где-то лает собачонка —
Ей плохой приснился сон.
А девчонка,
а девчонка
Все гадает:
он! не он!

Он! Не он!
Не он...
А жалко,
Ведь надеялась,
ждала.
Он, поди, опять с Наталкой —
Та умеет...
Ох, юла!
Ну и пусть.
А месяц светит.
Звезды пляшут в вышине.
«Ладно.
Завтра что ответит,
Что он завтра скажет мне!»

АРГУМЕНТ

Утихнет.
Грани сгладятся, наверно.
А нынче,
на сегодняшний момент,
В извечном споре города с деревней
Березы —
не последний аргумент.

*

Я вышел в путь.
И не видать конца.
Начала — тоже.
Пройдено немало.
Лишь знаю,
что у отчего крыльца
Меня не ждут —
крыльца давно не стало.

Электронная библиотека АКУНБ elib.altlib.ru

*

В чем смысл жизни!
Вон видишь — клененок
Из асфальтовой трещины прет,
К солнцу тянется,
словно ребенок.
Вроде смысла и нет,
а растет.

*

Вся жизнь,
как завтрашняя новость —
Загадывать ее нельзя.
Не знаешь,
где превысишь скорость
И где откажут тормоза.

*

Мы далеко от дома,
от девчонок,
От матерей,
полей и тополей.
Я там для всех совсем еще ребенок,
А здесь я —
многих взрослых повзрослей.
Вернемся!
Мы сердцами не остыли.
И вспомним вдруг,
забыв плохие сны,
Как нас любили,
и как мы любили,
Как нас забыли,
и как мы верны.

*

Все мне снятся
поле,
бор
и речка,
Ветра звон
и птичья щебетня,
Бабкин дом,
высокое крылечко,
Старый клен,
подсолнух у плетня,
Лягушачий, сказочный, царевнин
Луг за небурливою рекой.

...Хорошо писать про мир деревни
В теплоте квартиры городской.

*

Росная свежень,
Прохладен воздух.
Алеет калины гроздь.
А ниже,
в распадке,
на ветках березы
Папахи вороньих гнезд.

Чисто и тихо.
Глухо до боли.
Ясно.
До рези синь.
В этом тесном горном раздолье
Свободно,
хоть душу вынь.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Виктор СЛИПЕНЧУК

УСПЕХ

Михаила Фокина, начальника Заринского участка Сибстальконструкция на Коксохиме знают все. Его имя будто растворено в самом воздухе Всесоюзной ударной... А ведь Михаил приехал на стройку в сентябре 1975, то есть сравнительно недавно, во всяком случае, не в числе первых строителей. Отчего же Коксохим именно его выбрал в свои знаменитости? Выбрал...

Первое октября 1978 года. На участке Фокина открытое комсомольское собрание. Вопрос один: встретить 60-летие комсомола трудовой победой, ко дню рождения ВЛКСМ осуществить сборку и подъем первого блока галереи тракта подачи угля. На собрании присутствуют: начальник Барнаульского СМУ Сибстальконструкция Юрий Петрович Норовский и главный инженер Владимир Константинович Владимиров. Им понятен боевой настрой комсомольцев, но понятна и сложность задачи, которую они берутся выполнить. Вес блока 250 тонн. Никто в стране еще не применял конвейерного метода монтажа и подъема галерей таких больших тяжестей. Поднять блок десятикратной системой полиспастов сложно, конечно, но не новость, а вот использовать при этом в качестве опорной мачты непосредственно несущую колонну галереи — это новость, новость по всем статьям. Разговор между начальником СМУ и главным инженером, начатый сразу после собрания, в машине продолжился.

— Мне думается, они не совсем представляют, за что берутся.

— Тем более, зачем отговаривать?.. Сами через месяц поймут.

— Но Фокин-то представляет.

— Юрий Петрович, не может же он идти против похвального стремления комсомольцев.

— Да что против, — начальник, досадуя, поморщился. — Это он их настроил.

Стараясь рассеять досаду начальника, главный инженер сказал:

— У них там, знаете, дел... оснастка пришла недоукомплектованная, отсутствуют пальцы для застропления блоков, десятитонные фаркопы, да много всего!..

Оставшись один на один, руководители СМУ не скрывали неверия в сроки, которые определили для себя комсомольцы Заринского участка. По их подсчетам, не через месяц, а через полгода можно будет приступить к подъему первого блока галереи. С другой стороны, сейчас на собрании начальник и главный инженер управления дали согласие на эти сроки. Получалось, будто они, видавшие виды инженеры-практики, вдруг ни с того ни с сего не только поверили в фантастику, но и официально ее утверждают.

— В общем, имейте в виду, — голос начальника неожиданно стал жестким. — Не только с Фокина спросится, так что потрудитесь, Владимир Константинович.

Ребята комсомольско-молодежной бригады Алексея Дроговозова, которой непосредственно предстояло осуществлять подъем первой блок-секции галереи, с отъездом руководства окружили Михаила. Заметил ли он, что в управлении не верят в их сроки? А если заметил, не заколебался ли?

— Завтра зайду в комитет комсомола стройки, попрошу, чтоб передали в райком наши обязательства, — твердо сказал Фокин, хотя хорошо представлял всю сложность взятых обязательств. Ночи напролет проходили у него за книгами, чертежами, расчетами. Трудна задача, но и соблазн велик: что может быть интересней для инженера-строителя, как не преодоление инженерных трудностей?! Впервые в стране применить на Коксохиме конвейерный метод монтажа, используя в качестве опорной мачты колонну галереи. (Для сведения сообщим, что для подъема подобного блока старым способом пришлось бы сооружать специальную мачту в пятьдесят пять метров высотой. На ее сооружение требуются месяцы, не считая затрат огромного количества тонн высококачественной стали.) Михаил ездил в Новосибирский институт «Промстальконструкция», встречался с автором проекта галереи тракта подачи угля Юрием Булдаковым, с главным инженером проекта производства работ по подъему блоков Владимиром Куликовым, еще и еще раз сверял расчеты, проверял выкладки, согласовывал поправки. Нет, когда он сказал монтажникам, что зайдет в комитет комсомола стройки с просьбой передать их обязательства в райком, это была не бравада. Михаил был уверен в успехе. Эта уверенность очень помогла ему выстоять 29 октября, в день поднятия первого блока галереи, в день шестидесятилетия комсомола, но не будем забегать вперед.

Монтажники комсомольско-молодежной бригады Алексея Дроговозова в октябре не знали выходных, они трудились по восемнадцать-двадцать часов в сутки. Месяц прошел, как один день.

— Это был такой трудовой порыв, — рассказывает Михаил Фокин, — что ребят приходилось силком отправлять домой. Многие спали здесь же, в вагончиках. Монтажники из других бригад после работы на своих объектах приезжали на сборку бло-

Электронный архив библиотеки elib.altlib.ru

ка и оставались здесь до утра. Мы сами изготовили 120-миллиметровые пальцы для застропления блоков, другие различные приспособления. В этот месяц ежедневно внедрялось по несколько рацпредложений. Это был настоящий энтузиазм. Каждый выкладывался полностью, без остатка. Чтоб люди быстро восстановились после таких нагрузок, нужен был успех, обязательно успех, но об этом тогда никто не думал, некогда было думать.

29 октября 1978 года. Утро. Всюду, где только можно стоять, стоят магнитофоны, транзисторы, у многих в руках гитары. Кажется парни свезли на участок все, из чего можно извлечь музыку. Подъезжают машины, сбегаются строители с соседних объектов. Еще бы! Подъем блока весом в 250 тонн— это впервые. Такого не знает еще ни одна стройка. Из комитета комсомола через каждый час прибегает нарочный: как там?.. В 16-00 открывается торжественное собрание комсомольцев района, посвященное юбилею, надо успеть. Надо. Годы учебы в институте (Михаил Фокин закончил в 1972 году Новосибирский инженерно-строительный по специальности монтаж особо сложных железобетонных конструкций), годы работы мастером, прорабом Среднеазиатского управления (там ему посчастливилось монтировать впервые в мире мембранное перекрытие спортивного комплекса города Фрунзе), напряженнейшая работа всего коллектива Заринского участка «Сибстальконструкция» здесь, на Коксохиме, — все это сконцентрировалось утром 29 октября в одно краткое слово «надо», являя суть всего его прошлого, настоящего и будущего. Михаил не торопился. Внешне спокойный, в этот момент всеобщего нетерпения, казалось, чересчур медлительный, он в который уже раз проверил расстановку людей. Доложил руководству управления:

— На контроль опорных тросов, поддерживающих колонны, нужен специалист.

Попутно заметим, что первый блок галереи ставился и закреплялся на шарнирные колонны, закрепиться на жесткие опорные колонны он должен был в дальнейшем посредством второго блока. Любой инженер-строитель знает, что монтаж сверхтяжелых конструкций, как правило, начинается с крепления на жесткие опоры. Здесь проектный институт допустил отклонение от общих правил монтажа, которое неминуемо должно было напомнить о себе при подъеме второй блок-секции галереи. И напомнило, но не сейчас. Сейчас монтировался первый блок.

Главный инженер СМУ Владимир Константинович Владимиров, выслушав доклад Фокина, дал согласие самолично обеспечивать надежность опорных тросов. То есть теперь, на время подъема блока, он добровольно поступал в подчинение Фокина.

Достали контрольный журнал, последняя инвентаризация, сверка, можно начинать. Начали. Рассчитывали поднять блок в течение четырех часов. Поднимали двумя лебедками, потому что приходилось выбирать большое количество троса. Вначале все шло нормально, как говорится, по чертежу, потом стали замечать, что при переходе на вторую лебедку возникает сильная вибрация и раскачивание блока. И вот все сооружение вошло в резонанс. Блок стало как бы выкручивать, задирая одну сторону и опуская другую. Михаил остановил подъем, стали выяснять причину.

Владимиров отдал приказ опустить блок-секцию, для вящей убедительности потребовал контрольный журнал. Из каких-то невидимых глубин канцелярий дохнуло холодом. Мера ответственности — это не пустой звук. И надо же было в эту знобкую минуту опять появиться нарочному из комитета комсомола. Восемнадцатилетний Сережа Плотников, каменщик третьего разряда, вчера прибывший на Коксохим по комсомольской путевке из города Кирова, вмешался в события.

— Как это опустить, через час откроется торжественное собрание всей комсомолии района, мы ждем трудовой победы!..

Все, кто видел в эту минуту Сережу Плотникова, невольно улыбнулись. Конечно, Сережу оттеснили, он исчез в толпе. Но его появление уже изменило что-то в самой атмосфере над стройплощадкой. Дохнуло иной мерой ответственности, живительной, жаркой, как раскаленная сталь. Рабочие, не сговариваясь, перестали замечать главного инженера. Теперь для них не было никого, кроме их товарища, комсомольца-лидера — Михаила Фокина — и тех парней и девчат, которые там, в районе, ждут от них трудовой победы. Михаил сказал нарочному, что они сами известят торжественное собрание о подъеме первой блок-секции. Пока парни пропускали трос через барабаны сразу двух лебедок, Михаил рассчитал, что в их спаренном режиме работы вибрация погасится.

Так и произошло. В 17-40 до нулевой отметки оставалось несколько сантиметров. Уже никто не сомневался в победе, и все же было бы несправедливым умолчать, что первым поздравил коллектив с трудовой победой главный инженер СМУ Владимир Константинович Владимиров. Он подозвал Михаила и, вернув ему контрольный журнал, предложил сейчас же ехать на торжественное собрание... В распоряжение начальника участка главный отдал свою машину. Стоит ли говорить, что в журнале он не оставил никаких пометок.

Собрание проходило в Сорокинском Доме культуры. Только что закончилось чествование ветеранов районной комсомолии, было объявлено о начале концерта художественной самодеятельности. И тут появился Михаил Фокин. В кирзовых сапогах и брезентухе монтажника. Душою он еще был там, на стройплощадке. В его появлении не было запланированности, и все-таки она была. В лице Михаила Фокина как бы сама жизнь вошла в сценарий, чтобы подхватить эстафету трудовых побед ветеранов. Михаил поднялся на сцену и сказал:

Сейчас, впервые в стране, на Заринской стройплощадке применен конвейерный метод монтажа галерей с весом готового блока в 250 тонн. Монтаж и подъем блока осуществила комсомольско-молодежная бригада Алексея Дроговозова, Это наш подарок 60-летию ВЛКСМ.

...Родился и вырос Михаил на Алтае. В 1967 году закончил среднюю школу в селе Смоленском. Занимался спортом, имеет первый разряд по футболу, выступал за сборную района, института. Увлекался художественной самодеятельностью — русская пляска. На первом краевом слете старшеклассников Алтая был знаменосцем. Кажется, комсомольцы уже тогда наделяли Михаила особым доверием. Почему его? Спортсмен, участник художественной самодеятельности, общительный и скромный — эти качества всегда в цене, но думается, не ими он обязан особому доверию товарищей.

В детстве, как и большинство сельских мальчишек, Михаил играл в «шарик». Правила этой игры во многом напоминают правила игры в лапту, но есть и отличия. Вместо мячика пользуются деревянным шариком, кроме того, команде, находящейся в поле, то есть той, которая голит, необходимо за короткое время не только овладеть шариком, но и опустить его в свою лунку. Быстрота, ловкость, коллективизм — основные слагаемые успеха в игре «шарик». Однажды команда мальчишек с соседней

улицы проигрывала, они голили до того неумело, что даже неопытному глазу было видно: у них нет шансов отыграться. И тогда Михаил вошел в игру. Нет, Михаил не смог помочь, команда проиграла. Но боролась она до конца и поверила — может и победить. И действительно вскоре стала побеждать. А Михаил в то лето стал лучшим игроком в «шарик». Его появление в команде вливало бодрость духа в каждого игрока, порыв и напор их были неудержимы — и противник уступал.

Успех пришел через испытания, потребовав от Михаила напряжения всех его духовных и физических сил. Испытание было тем более суровым, что все началось как нельзя лучше. Пятнадцатого ноября подняли вторую блок-секцию весом в 160 тонн. Подняли легко, без происшествий — имели опыт. К концу рабочего дня закрепили такелажные тросы, бригаде монтажников второй смены оставалось жестко соединить первую блок-секцию галереи со второй и приварить к опорным колоннам специальные стальные углы-столики, на которых после демонтажа такелажа стояла бы вторая блок-секция. Чтобы зрительно представить монтируемую галерею тракта подачи угля на закрытый склад, достаточно представить крытый виадук из восьми лестничных маршей, убегающих вверх, в котором каждый марш длиной от сорока двух до пятидесяти метров. Со стороны дороги контуры сооружения сегодня так и воспринимаются, и только приблизившись, замечаешь, что первый марш, первая блок-секция тоже парит над землей. И тогда обращаешь внимание на массивные стальные колонны, поддерживающие эту летящую конструкцию, и захватывает дух, ощущаешь вечность, не верится, что в какой-то момент все это находилось на краю пропасти, могло рухнуть, как карточный домик.

Ночью с пятнадцатого на шестнадцатое ноября на Заринскую стройплощадку завода — она в открытой степи — обрушилась пурга. На высоте второй блок-секции ветер достигал ураганной силы, но что такое шквал даже для парящей конструкции весом в четыреста двадцать тонн? Ничего, не более чем дуновение комнатного вентилятора, разумеется, если она, конструкция, закреплена. Во всяком случае монтажники не заметили никаких отклонений, а к утру ветер стих, и заказчик (СУ-46 треста Алтайкоксохимстрой в лице инженера Мирошниченко, он затемно появился на стройплощадке с теодолитом) обнаружил отклонение обеих блок-секций на 120 миллиметров в сторону от нулевой отметки. Вот когда правило (монтаж сверхтяжелых блоков надо начинать с крепления на жесткие опоры), не учтенное проектным институтом, напомнило о себе. Появление Фокина послужило заказчику как бы сигналом для решительных действий.

— Немедленно созывайте всех на участок, надо что-то делать! Пригласите начальство...

Магическая вера в руководство, которое за тебя все обдумает, решит, на худой конец, выдаст рекомендации, не является ли она хорошо замаскированной формой обыкновенного духовного тунеядства? Между Фокиным и заказчиком на сей счет произошел короткий диалог, обнаруживающий полярность взглядов. Автобус с прорабом участка «Сибстальконструкция» Булатовым срочно отбыл в УМ-7 (управление механизации), разумеется, не за начальниками — за двухсотпятидесятисильным бульдозером «Интер», трехсотпятидесятисильного «Капельпилера» в УМ-7 не оказалось. В течение часа, пока бульдозер спешил на стройплощадку, Михаил Фокин рассчитал: «Капельпилер» возьмет, силенок хватит. Но на нет, как говорится, суда нет. Решили попробовать «Интером». Подвели под первую блок-секцию тросы, застропили, но не учли, что гидравлика «Интера» при сверхпредельных нагрузках отключается автоматически, своеобразный естественный рефлекс самосохранения машины, заложенный конструкторами СЭВ в нее самое, то есть в схему. Знать об этом бульдозерист, конечно, мог, но не представлял, что это такое, обычные условия работы не требуют сверхпредельных нагрузок.

А это вот что: когда тросы натянулись и парящее сооружение весом в полтысячи тонн миллиметр за миллиметром стало приближаться к нулю, бульдозер вдруг напряженно затрясся, словно ощущал внутренний зуд чихнуть, и чихнул. Мгновенно ослабевшие ваера будто лопнули, сооружение рванулось в исходное положение и за счет инерционной силы ушло еще дальше на двести шестьдесят миллиметров. Положение стало критическим. На опорные колонны первой блок-секции было страшно смотреть, вывернутые, как колени, они, казалось, разъезжаются будто на льду.

Миллиметр, несколько миллиметров — и все рухнет, рассыплется. Заказчик побледнел. Рабочие растерялись. Михаил, взяв теодолит, приказал монтажникам немедленно снять с башни стотонного крана стрелу. Именно приказал, потому что в этот момент он отдавал распоряжения в категоричной форме. Категоричность объяснялась не только тем, что его распоряжение шло вразрез с инструкцией эксплуатации крана, который сам по себе является дорогостоящим, уникальным сооружением, но и тем, что категоричностью Михаил давал понять: с этой минуты ответственность полностью берет на себя. Крановщик мог не подчиниться Михаилу, но он подчинился. Здесь не было места озорству, всеми руководило чувство долга. Через некоторое время заказчик словно очнулся, засуетился.

— А время-то, время обеда!..

Он попросил автобус. Михаил улыбнулся, хитрость была слишком прозрачна.

— Погоди, уже скоро... Вместе поедем обедать.

Бывают минуты, в которые нужно быть готовым к самопожертвованию. Эти минуты безошибочно узнает совестливое сердце. Михаил понимал: присутствие начальников, высоких и сверхвысоких, сейчас не поможет делу, а только внесет сумятицу. Впрочем, заказчик больше не настаивал на автобусе, успокоился.

Когда вновь застропили блок-секции и башня стотонного крана, вращаясь, как барабан гигантской лебедки, стала постепенно выбирать слабину стального ваера, все более и более его натягивая, кровь в венах остановилась. Опорные колонны в местах сочленений, словно в суставах, хрустнули и выпрямились. Поддерживающие их тросы толщиной в руку зазвенели, как струны, сооружение стало в нуль. Все разом вздохнули.

...А потом, под Новый год, был подъем третьей блок-секции. В марте и мае — четвертой и пятой, в июне — шестой, а совсем недавно была поднята седьмая блок-секция. И не хотелось бы говорить, что четвертая и пятая были подняты без Михаила Фокина (он лежал с инфарктом, был доставлен в больницу прямо со стройплощадки), но из песни слов не выкинешь. Да и не стоит. Ибо успех приходит к тому, кто знает ему цену.

Недавно я опять встретился с Фокиным. В джинсовом костюме, чуб набок, подтянутый и стройный, Михаил, как и прежде, выглядел спортивно. «Как жизнь?» — спрашиваю. Он посмеивается: «Идет. Готовимся вот поднять восьмую, последнюю блок-секцию...»

Два блока в один месяц — это уже обыденность. Жизнь идет.

А. ЧЕРНЫШЕВА,
научный сотрудник партархива крайкома КПСС

КОШМУПАР

I. НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ

Хмурым осенним днем 1905 г. девятнадцатилетний Гаврюша Ивкин, сын калужского кузнеца, приехал в Питер. Юноша вышел на перрон, вскинул за плечи полупустую котомку и остановился в нерешительности, не зная, куда идти и что делать... В это время кто-то сильно его толкнул в плечо.

— Чего на дороге стоишь, деревня! — сердито прикрикнул пробегавший мимо грузчик. И вдруг смягчился, спросил:

— Впервой, что ли, здесь?

— Впервой, — сказал Гаврюша. — Приехал вот на заработки.

— В Питере с этим делом трудно. Грамотешка-то есть?

— Читать, писать немного умею.

— Ну тогда и раздумывать нечего, иди грузчиком. — И вполголоса добавил: — На Финляндском вокзале место сегодня освободилось: влип пацан с листовками. Для начала и эта работа хороша, а там посмотришь.

И правда, в тот же день удалось устроиться грузчиком на вокзале.

Сообразительный и любознательный, с умными, озорными глазами Гаврюша Ивкин пришелся по душе сослуживцам. Вскоре он уже ходил на митинги и массовки, посещал рабочий кружок. Действительность становилась все более понятной. Даже небо над городом казалось теперь менее хмурым.

Он активно участвует в забастовках и демонстрациях. Через три года его принимают в ряды большевистской партии.

А в 1911 году Гаврилл Семенович переходит на Петроградский оружейный завод «Арсенал» металлистом. Тут очень пригодились навыки, которые приобрел он в мальчишеском возрасте, работая с отцом в кузнице. Его познания похвалил сменщик по станку Михаил Иванович Калинин. Этот всегда уравновешенный рабочий, опытный революционер, сердечный человек своими простыми беседами на многое открыл Ивкину глаза, наглядно преподавал ему уроки политической грамоты.

Однажды на первомайской массовке Гаврюша встретил задорную зеленоглазую фабричную девчонку, познакомился с ней, и вскоре они поженились. Лиза стала верной подругой, спутником его суровой и беспокойной жизни.

А события развертывались одно значительнее другого: Февральская революция, борьба за большевизацию Советов, победная поступь Октября... Ивкин вступает в Красную гвардию, участвует во взятии Петропавловской крепости, избирается председателем партийной ячейки.

II. ПО ПРИЗЫВУ ЛЕНИНА — НА АЛТАЙ

В 1918 году Ивкин одним из первых откликнулся на призыв В. И. Ленина поехать в Сибирь для помощи сибирским большевикам в становлении власти Советов, в укреплении Союза рабочего класса с крестьянами, для борьбы за хлеб.

Заводской коллектив снабдил коммунаров сельхозорудиями, деньгами на покупку лошадей, волов, коров, овец. Вот уже оформлены государственные ссуды, скомплектованы библиотечки, не забыты граммофоны с пластинками революционных песен. Елизавета Никитична одела потеплее малолетних сыновей, собрала пожитки — и в путь-дорогу!

5 марта со станции Обуховой специальный поезд из 28 вагонов повез на Алтай добровольцев-коммунаров. Около четырехсот человек — сто сорок пять семей — ехали в далекую Сибирь. История сохранила простые слова песни, которую сочинили сами добровольцы-коммунары и пели ее вдохновенно, под перестук вагонных колес.

В Петрограде за Невской заставой,
От аптеки версты полторы,
Собирались в Обуховской школе
Коммунары российской земли.
Собирались они не случайно,
А объяты идеей одной,
Чтобы жить трудовою коммуной,
Вместе жить пролетарской семьей.

Тридцать семей рабочих завода «Арсенал» прибыли в село Локоть Змеиногорского уезда и здесь создали коммуну «Наш путь». Местные органы Советской власти разместили коммунаров по крестьянским избам.

Ровно в четыре часа утра раздавались звонкие удары о чугунные полосы. Это означало, что в походных кухнях готова скромная еда, и коммунары спешили на завтрак. С раннего утра до поздней ночи стучали топоры, визжали пилы, а по вечерам звучали неслыханные здесь раньше революционные песни. Коммунары строили саманные дома и общежития, хозяйственные помещения, кладовые, сараи, кузницу.

Электронная библиотека elib.altlib.ru

Вот где особенно пригодились Гавриилу Семеновичу знания отцовской профессии, навыки работы грузчиком и слесарем. Он без устали трудился в походной кузнице, где коммунары ремонтировали плуги и бороны. Шла горячая подготовка к пахоте и севу.

Большевик Ивкин проявил себя здесь как энергичный организатор коммуны, он вел большую партийную и советскую работу. Вскоре после приезда его избирают в состав Локтевского волисполкома.

1 мая 1918 года коммунары вместе с сельским Советом организовали в Локте митинг, на котором Гавриил Семенович рассказал крестьянам о Советской власти, о том, что только она может дать свободу и счастье людям труда.

В степи для коммуны был отведен участок непаханой земли, и, как только сошел снег, коммунары начали поднимать целину. Дружно провели сев. Как все радовались первым всходам пшеницы!

Но убрать урожай не пришлось. Контрреволюционный переворот в Сибири вынудил коммунаров круто изменить мирные планы.

В июне белогвардейцы разогнали коммуну. Многие коммунары, в том числе Ивкин, были арестованы.

Семьи коммунаров еще жили в селе Локте. В сене у избы Ивкиных хранилось знамя коммуны, а в походной кузнице, под углем — винтовки и ящики с патронами. Лиза Ивкина и Катя Курбатова, пока белогвардейцы вели обыск в соседних домах, вынесли из кузницы винтовки и спрятали их у бани, на усадьбе, облюбованной белогвардейским офицером.

Освобожденные вскоре за «недостаточностью улик» коммунары решили разъехаться по селам, перейти на нелегальное положение. Ивкин с семьей перебрался в село Зимино, где жил его брат. Сюда же переехало еще несколько семей питерцев.

III. В ПОДПОЛЬЕ

В Сибири свирепствовал колчаковский произвол. Белогвардейцы рыскали по селам, расстреливали, вешали людей. Была объявлена обязательная воинская повинность, на крестьян наложены тяжелые подати, взымались недоимки, неуплаченные еще царскому правительству. За отказ служить Антанте, за неуплату податей и недоимок крестьян пороли и часто до смерти. Стон стоял по сибирским деревням... Но алтайские большевики не складывали оружия.

Руководствуясь указаниями ЦК РКП(б), они объединяли силы, восстанавливали связи с рабочим классом и крестьянством, поднимая их на борьбу с белогвардейщиной.

В канун первой годовщины Октябрьской революции Гавриил Семенович Ивкин собрал у себя коммунаров, живущих в Зимине, надежных крестьян. Ребятишки спали, а жена вышла на улицу. Темная обманчивая тишина стояла вокруг. Лиза выбрала место, удобное для наблюдения.

Крестьяне с обостренным вниманием слушали Ивкина, потом задали столько наболевших вопросов, что их пришлось обсуждать несколько часов. Собрание длилось всю ночь. Закончилось оно выборами бюро для создания боевых пятерок и организации сельских подпольных ячеек. В организационное бюро вошли В. Е. Кузьмин, В. К. Жогов, И. И. Трофимов, Н. Я. Белов, И. И. Царев. Председателем был избран Г. С. Ивкин.

Вскоре в Зимнинскую школу прибыл новый учитель Федор Иванович Архипов. Первым посетителем из взрослых был Гавриил Семенович Ивкин.

Долгими зимними вечерами Федор Иванович проверял тетради. На огонек керосиновой лампы приходили зиминские мужики.

— Разреши, Федор Иванович, посидеть у тебя, а то дома керосина нет ни капли, с тоски ослепнешь.

Архипов читал им чеховские рассказы, рассказывал о диковинных явлениях природы.

Как-то в школу зашел Ивкин.

— Что, просвещаешь крестьян? Ну и как?

Ивкин пытался понять, что он за человек, этот новый учитель, каковы его убеждения. Уходя, предупредил:

— Напрасно ты сейчас эту говорильню устроил. Колчаковская милиция возьмет на подозрение, тогда доказывай.

Ф. И. Архипов потом вспоминал, что тогда ему Ивкин очень не понравился, «потому что он лез в душу, что-то высматривал, что-то выщупывал».

Как-то Федору Ивановичу по приглашению зиминцев довелось побывать в избе-«клубе», где мужики, нещадно дымя самосадом, обсуждали свои «жизненные» вопросы. Говорили о ценах на хлеб, о том, что спекулянту сейчас лафа, о земле — забот хватало. И Федор Иванович не выдержал, заговорил о международном рынке, о том, что Германия воевала с Францией и Англией за овладение русским рынком. Вопрос этот очень заинтересовал мужиков и обсуждали они его до поздней ночи.

Через день после этой «вечеринки» Федор Иванович встретил Ивкина. Тот, посмеиваясь, весело подмигнул:

— Вот теперь я знаю, что ты за гусь!

Такая фамильярность вначале возмутила учителя и он хотел уже пройти мимо, но, заметив неподдельную радостную улыбку Ивкина, больше удивился, чем рассердился. Ивкин посмотрел по сторонам и, видя, что рядом никого нет, тихо сказал:

— Я знаю, о чем ты говоришь в «клубе», и знаю, какое даешь направление. Ты вот что, парень, добудь колчаковскую газету, почитай мужикам и посмотри, во что это выльется...

Газету Архипов позаимствовал у знакомой учительницы в селе Чистюньке. Вечером в «клубе» стал ее читать. Бурю возмущения у слушателей вызвала колчаковская газетенка, ее клевета на советскую Россию и расхваливание житья на «освобожденной» территории.

— Лучше не тревожь нас, а газету такую не носи больше, — попросили мужики.

Один из крестьян спросил:

— Федор Иванович, а почему ты не ходишь в кружок к Ивкину?

Тот и раньше догадывался о существовании такого кружка, но ответил уклончиво:

— Не знаком я с ним по-настоящему.

Ивкин стал приходить к нему чаще. Брал книги. Словом, искал повод для разговора.

На одном из собраний подпольщики решили с целью конспирации открыть маслобойку. Ивкины продали всю одежду, представляющую хоть какую-то ценность, и вместе с одним местным крестьянином купили маслобойку. Так появилась возможность ездить по соседним деревням, якобы «по масляным делам», завязывать связи, организовывать на местах сельские партийные ячейки.

В декабре 1918 года бюро Зиминской подпольной организации провело первое районное собрание, на которое приехали около 30 делегатов от партийных ячеек других сел. Собрание заслушало доклад о работе бюро, сообщение с мест, утвердило план работы среди дезертиров колчаковской армии, сбора оружия и организации вооруженного отряда.

В январе и феврале 1919 года Зиминская подпольная организация провела еще два районных собрания с более широким представительством. Готовясь к восстанию, она создала вооруженный отряд. Командиром был назначен Павел Чаузов. Его ценили за смекалку и храбрость. Крестьяне знали, что он совершал смелые налеты на колчаковцев, проникал к насильно мобилизованным, вел среди них агитацию. Это об одном из таких событий в сводке № 17 особый отдел сообщал, что на пристани Легостаевой Барнаульского уезда при отправке парохода с новобранцами «известные в районе преступники» вели агитацию не идти на службу. Как ни старались каратели, но Чаузова схватить не удалось.

Подпольщики создали вооруженные отряды в Легостаеве, Бобровском и в других селах.

В исполнительный комитет для подготовки восстания вошли Ивкин, Кузьмин, Царев. Отряды укрывались от колчаковцев на заимках, готовились к боям.

Зиминские большевики имели постоянные контакты с другими подпольными организациями. Особенно важное значение имела связь с губкомом партии, которая осуществлялась В. Е. Кузьминым и А. П. Елькиным.

В марте в селе Панюшеве состоялось собрание представителей от подпольных партийных ячеек. В связи с возросшим числом сельских подпольных ячеек бюро было расширено до 15 человек.

— В первых числах апреля, — вспоминает Ф. И. Архипов, — после разговора со мной Ивкин пригласил меня на партийное собрание, на котором я был принят в партию. Моим поручителем был Гавриил Семенович. Он говорил на том собрании: «Командиры, чтобы командовать отрядом, у нас найдутся, а вот грамотного начальника штаба нет. Возлагаю надежды на Федора Ивановича». Я был рад, что вступил в подпольную организацию, и в то же время, опечален тем, что в составе парторганизации нет ни одного товарища политически грамотного. Кто же нас будет воспитывать, кто будет распутывать узлы колчаковской политики?

...Помню в окно моей квартиры постучал Ивкин. Я вышел. Приглушенным голосом тот сказал: «Федор Иванович, милиция все тут расспрашивает о тебе. Берегись».

Архипову пришлось временно скрыться.

Вскоре Ивкин предложил ему устроиться писарем управы. «Место займешь и будешь наблюдать за колчаковцами». Он согласился. Бывшее звание армейского прапорщика помогло ему войти в доверие колчаковской милиции. В волостном управлении, в Чистюньке, удалось заготовить бланки со штампом и печатью, на них писарь выдавал удостоверения дезертирам, указывая, что они освобождены от службы в колчаковской армии по состоянию здоровья или по семейному положению. Зиминские крестьяне, чувствуя опору и помощь парторганизации, прекратили отправлять сыновей на службу в армию врага, а посылали их на заимки к партизанам.

В конце июля колчаковский милиционер выведал, что Жогов и Ивкин связаны с партизанским отрядом и хотел их арестовать, но Архипов предупредил своих соратников.

«Сначала восстание намечалось поднять в мае 1919 года, — говорит в своих воспоминаниях Ф. И. Архипов, — однако по рекомендации Барнаульской большевистской организации перенесено на осень... Зиминская подпольная организация насчитывала всего несколько человек, но она восстановила связь с ячейками большевиков, действовавшими на территории Барнаульского, Славгородского и Бийского уездов».

IV. ОРГАНИЗАТОРЫ ЗИМИНСКОГО ВОССТАНИЯ

Зиминская подпольная организация большевиков разработала план боевых действий и назначила день восстания на 7 августа 1919 года. Но жизнь внесла свои поправки. Колчаковцы, взбешенные невыполнением их приказов, посылали в села карательные отряды. 1 августа такой отряд прапорщика Абрамова прибыл в Зимино. В центр села согнали всех жителей и началась расправа над семьями подпольщиков и теми, кто уклонялся от мобилизации. Женщин, стариков и подростков испороли шомполами и плетьми, а на ночь бросили в сарай.

Недовольству зиминцев не было предела. Узнали о зверствах колчаковцев партизаны. Ночью они собрались в полевой риге. Было решено немедленно выступать.

Тридцать всадников во главе с Брусенцевым, Чаузовым, Жоговым влетели в Зимино. Впереди развевался красный стяг знамени. Но карателей в селе уже не оказалось. На площадь сбежались сельчане.

— Уничтожить колчаковских палачей! — раздавались призывы.

К отряду присоединилось более ста крестьян, вооруженных топорами, вилами. Партизаны ринулись в Чистюньку, где находился штаб белогвардейцев и волостной центр. После двухчасового боя белобандиты были разбиты.

В это же время на заимке села Панюшева, у станции Алейской, Ивкин проводил съезд, на котором присутствовали 150 делегатов — представителей сел, подготовленных к восстанию. О восстании в Зимине Гавриилу Семеновичу срочно сообщил Архипов, и он объявил об этом на съезде. Узнав о событиях в Зимине, съезд решил прервать свою работу. Делегаты разъехались по местам, чтобы повсюду поднимать восстания.

Ивкин вернулся в Зимино. Вечером открыл заседание подпольщиков. Обсуждали два вопроса: «Об организации власти» и «Об углублении и расширении революции». Был создан Главный штаб Алтайского округа. В президиум штаба вошли Архипов, Ивкин, Царев, в военный отдел — Архипов, Царев, Семенихин, в хозяйственный отдел — Жогов и Нагайцев, казначеем назначили Васюкова. Командование революционными силами было поручено К. Н. Брусенцеву. Начальником штаба избрали Ф. И. Архипова. Г. С. Ивкину поручили возглавить партийную организацию объединившихся отрядов и руководить следственной комиссией.

3 августа восстали села Колпаково, Безголосово, Панюшево, Хабазино, Карасево, Усть-Алейское и другие.

В Зимине было необычайное оживление. Крестьяне несли в штаб порох, свинец, серпы, косы, черенки деревянных вил, граблей и лопат. Кузнецы Жогов, Ивкин — брат Гавриила Семеновича — день и ночь ковали пики, а петроградский рабочий Герасим Конкорин делал самодельные пушки и ядра к ним. Еще горячие косы и пики насаживали на принесенные черенки.

Члены штаба срочно выехали в районы восстания. Ивкин со своим агитационным отделом начал выпуск «Известий Главного штаба», печатавшихся на пишущей машинке. Сводки о присоединившихся к повстанцам селах сообщались в каждом номере.

В ночь на 4 августа повстанцы Усть-Алейска разбили карателей. Не ушел от справедливого возмездия палач Абрамов.

5 августа восстание охватило уже 36 сел. Во многих местах повстанцы перерезали провода, валили телеграфные столбы, сбрасывали рельсы с железнодорожного полотна, жгли деревянные мосты.

Восстание принимало все более широкие размеры.

Спустя неделю после его начала, Гавриил Семенович сказал Архипову:

— Знаешь, я думаю объявить коммуну.

— Какую коммуну? — удивился тот.

— Объявим, чтобы все сельхозмашины свезли в одно место. Будем ремонтировать, давать наряды, чтобы уборку урожая делать сообща и в первую очередь тем, кто находится в отряде.

Архипов выразил сомнение в целесообразности решения такого вопроса в тот период. Он опасался, что создание коммуны, которую всячески порочила колчаковская печать, может расколоть крестьян, ослабить ряды повстанцев. Совершенно ясно, однако, что сам Ф. И. Архипов недооценил тогда главного предложения Г. С. Ивкина: практическими делами убедить крестьян, что они борются за самую справедливую власть, немедленно дающую свободу от эксплуатации.

Впоследствии Ф. И. Архипов признавал, что в лице Ивкина он встретил большевика, «вооруженного классовой и партийной практикой».

В секретной докладной начальника разведывательного отделения Сибирского корпуса 8 августа 1919 года белогвардейцы давали очень высокую оценку деятельности Г. С. Ивкина. Враги так сообщают о нем вышестоящему начальству: «...Главковерхом и весьма видным организатором является Ивкин Гавриил, бывший член Петроградского Совдепа... В Зиминском районе роль штаба исполнял тот же Центральный Комитет под председательством Ивкина». Фамилия Ивкина везде подчеркнута жирной черной чертой.

Утром 13 августа из всех восставших сел в Чистюньку съехались на съезд делегаты от 36 селений. Заслушав отчет Главного штаба о проделанной работе по организации восстания, делегаты выразили штабу глубокую благодарность.

На съезде председательствовал Гавриил Семенович Ивкин. Приподнято, высоким, звонким голосом он прочел воззвание:

— Главный штаб торжественно обещает всему трудовому населению Алтайской и смежных губерний, что главной его целью является восстановление в Сибири истинно народной Советской власти. Во всех своих действиях штаб будет руководствоваться декретами Совета Народных Комиссаров всей России.

На съезде был принят «Декрет о власти», провозгласивший Советскую власть в освобожденных районах, рассмотрены вопросы о помощи семьям погибших и семьям партизан.

По решению съезда через линию колчаковского фронта партизаны послали в Москву двух членов Зиминской подпольной организации — Татарникова и Юдина — рассказать о борьбе алтайских партизан за власть Советов.

В одном из выступлений, обобщая сообщения ходоков из Сибири, В. И. Ленин говорил, что сведения, полученные из колчаковского тыла, свидетельствуют о несомненном развале у Колчака, что население восстает против него поголовно.

В протоколе заседания Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) 19 июля 1919 года о сибирских партизанских отрядах было записано:

«...Постановить и довести до сведения партизанских отрядов Сибири, что сибирские партизанские отряды должны немедленно установить постоянную связь и координировать свои действия и переход к централизации командования...»

— Еще в начале нашего восстания, — вспоминал Г. С. Ивкин, — Мамонтов прислал к нам для установления связи питерского рабочего Буданова. Он наказывал ему: «Все узнай в Зимине, у алейцев, как и что. Скажи, чтобы крепче налаживали связь с нами». Буданов был у нас в штабе в Зимине, но назад не вернулся. На обратном пути этот отважный связной был схвачен белыми и расстрелян».

Волна повстанческого движения всполошила колчаковское командование. Оно сняло с фронта и бросило против повстанцев крупные военные силы. Начались ожесточенные бои. Некоторые села по нескольку раз переходили из рук в руки. На Зимино и Чистюньку были брошены кавалерийские части «голубых улан», которыми командовал «кровавый атаман» Анненков. Центр повстанцев оказался под угрозой окружения. Повстанцы с боем оставили Зимино. Главный штаб едва не попал в руки противника.

Сотни зиминских крестьян с семьями покидали свои жилища. На подводы сажали ребятишек, брали самое необходимое, спешно выезжали. Они знали, что пощады от колчаковцев не будет. И действительно, оставшиеся крестьяне пережили страшные дни. Каратели действовали зверски. Ночами красными сполохами пламенел горизонт. В Зимине сгорело 110 домов.

Главный штаб принял решение: слиться с отрядами Е. М. Мамонтова.

Повстанцы, покидая свои села, шли большой колонной к Осколкову. Колонну ведут члены Главного штаба. Впереди Кондратий Никифорович Брусенцев, худощавый, лет пятидесяти. По одежде его ничем не отличишь от крестьянина. Он бывший фельдфебель, но по характеру совсем штатский, простой и добрый, преданный делу революции человек.

Рядом с Гавриилом Семеновичем шагает Герасим Григорьевич Конкорин — отличный питерский мастеровой, принципиальный, честный коммунист.

Федор Иванович Архипов. Позже он станет командиром Шестой горнострелковой дивизии, будет участвовать в ликвидации кулацких банд, его изберут делегатом VIII Всероссийского съезда Советов.

На повозке везут контуженного молодого парня. Василий Фомич Жогов заботливо поправляет сено в изголовье сына. Этому зиминскому крестьянину давно перевалило за полсотни лет, в черных густых волосах резкая проседь. Он один из активнейших членов подпольной организации, выполняет очень важное поручение — ведет хозяйственный отдел.

Рядом с членом штаба Хохловым едет целая семья: сыновья Илья, Михаил, Григорий и зять. Ивану Кондратьевичу лет шестьдесят пять, от природы он наделен большим умом, прямотой суждений.

Подпольщик И. И. Васюков едет с двумя братьями. В штабе он выполняет роль казначея.

Едет член Главного штаба П. Р. Семенихин, а рядом всадник — старик с пикой, это его отец.

...Не слышно обычных шуток и смеха. Видя полыхающие вдали кострища пожаров, с тяжелым чувством думают бойцы: «Живы или погибли родные и близкие?»

На остановках члены штаба говорили повстанцам правду: «Мы сможем вернуться домой только тогда, когда разобьем колчаковцев. У нас другого пути нет».

В сентябре 1919 года произошло объединение

зиминских отрядов с отрядами Е. М. Мамонтова. Был создан Главный штаб Крестьянской Красной Армии Алтайского округа.

Гавриила Семеновича Ивкина штаб направил по селам, наделив широкими полномочиями. В выданном удостоверении говорилось:

«Предъявитель сего действительно есть политический агент Красной Армии Ивкин Гавриил Семенович, командированный штабом Алтайского округа по нижеследующим делам: 1) для изыскания оружия среди населения, 2) для организации Красной Армии, штабов, Советов и Комитетов революционной власти, для чего разрешается ему от имени штаба действовать самостоятельно: арестовывать лиц, мешающих организаторской работе и возмущающих массу, производить мобилизацию людей, требовать от местных властей исполнения постановлений Главного штаба, назначать командиров, кооптировать товарищей для работы. Всем штабам, Советам и Комитетам оказывать всякое содействие агенту Ивкину...»

Неоценимое значение имела работа влившихся в отряд Мамонтова коммунистов-подпольщиков в информационном и агитационном отделах штаба и Облакома[1]. Они держали восставших в курсе событий на всех участках борьбы, стали ее непосредственными политическими организаторами. Один из них, Гавриил Семенович Ивкин, был деятельным агитатором, неподкупной пролетарской совестью.

В 1957 году Г. С. Ивкин писал в «Алтайской правде»: «Влившись в армию Мамонтова, мы — алейцы, зиминцы — намного усилили ее...»

Трехтысячный отряд имел на вооружении 280 винтовок, один пулемет, три самодельных пушки и пики.

Когда через три месяца после подавления зиминского восстания партизаны шли по разгромленному колчаковцами району, народ встречал их со слезами радости. Чернели обгорелые остовы домов и холмы братских могил. Но с непередаваемым подъемом люди вставали в ряды партизан.

Зиминское восстание, одним из активных организаторов которого был Гавриил Семенович Ивкин, стало не только этапным событием в борьбе с колчаковским засильем. Оно со всей убедительностью показало правильность политики большевиков-ленинцев, которые повели за собой сотни тысяч крестьян алтайских деревень, верящих в политику большевиков, в идеи социализма.

V. ВСЕГДА В СТРОЮ

Контрреволюция нанесла огромный ущерб жителям Алтайской губернии. От интервентов и белогвардейцев пострадало 14600 крестьянских хозяйств.

Вот таким хозяйствам и селам в первую очередь надо было оказывать немедленную помощь, организовывать борьбу с разрухой и голодом.

Партийная организация Алтайской губернии мобилизовала рабочий класс для оказания добровольной помощи крестьянам. Проводились «недели крестьянина», «месячники красного пахаря» и другие мероприятия. За деревенскими хозяйствами закрепились промышленные предприятия и их партийные ячейки. Коммунисты и передовые рабочие участвовали в организации уборки урожая, ремонта сельхозмашин и инвентаря, читали лекции и доклады, привозили книги, открывали избы-читальни.

Каждый приезд посланцев из города становился памятным событием. Тут же возникали митинги, собрания, на которых приезжие разъясняли международное положение, сущность политики Советской власти.

В августе 1920 года в Зимино из Барнаула прибыл рабочий отряд на неделю крестьянина. Руководил им инструктор Алтайского губкома партии Гавриил Семенович Ивкин.

Весь день лил проливной дождь, и на сей раз митинг не проводился. Гавриил Семенович зашел в сельисполком к своим недавним однополчанам. Здесь были рады гостям, завязалась беседа. Сельисполкомовцы рассказали Гавриилу Семеновичу — своему бывшему партийному вожаку — о том, что неделя крестьянина у них совпадает еще с одним важным политическим мероприятием. В селе Вяткине они будут проводить день памяти тридцати товарищей, погибших от белогвардейских рук. Как раз исполняется годовщина со дня их расстрела.

Начали распределять прибывших на работу: косить, жать, снопы вязать, ремонтировать сельхозинвентарь.

Всю неделю дружно работали крестьяне и рабочие.

Работа спорилась, всюду слышны были шутки, смех, песни. Фамилии особо отличившихся заносились на красную доску Почета.

30 августа, по окончании работ, провели митинг. Все село высыпало на поляну у избы с красным флагом, где размещался сельский Совет. Гавриил Семенович Ивкин рассказал сельчанам о положении в стране, о том, какое великое значение имеет союз рабочих и крестьян.

— Российская Коммунистическая партия большевиков, — говорил Ивкин, — решила оказать помощь деревне посылкой из города рабочей силы, и этим слить в крепкий союз тружеников города с трудовым крестьянством, зная, что, только сплотившись в дружный, тесный союз, все трудящиеся города и деревни будут непобедимы, как на боевом фронте, так и на фронте труда.

Зиминцы тепло провожали рабочих, послали в партийную ячейку благодарственное письмо, написанное из-за недостатка бумаги на царских билетах для распродажи леса из Бобровского бора. Простыми искренними словами изложен этот документ.

«Мы, зиминцы, — говорится в нем, — первые подняли красное знамя восстания на Алтае в прошлом году, и этим зажгли пожар восстания почти всего Алтая, и впредь клянемся высоко держать красное знамя революции... Мы, крестьяне, видя помощь от товарищей рабочих, приехавших в наше село в самый трудный момент, протягиваем свою братскую руку и приветствуем Советскую власть за содействие и помощь крестьянину в его работе. Да здравствует единое дружное дело рабочих и крестьян!»

В 1923 году Г. С. Ивкин был отозван из Барнаула в распоряжение ЦК РКП(б) и трудился в Москве на партийной и советской работе.

---

[1] На съезде в селе Леньки 9 сентября 1919 года избран Западно-Сибирский областной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских депутатов (Облаком) из 14 человек.

Электронная библиотека АКИПРО.ru

Владимир ЭДОКОВ

КРАСКИ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА Г. БОРУНОВА

И выходит, что село родное,
Не село уже — страна, народ.

А. Лупан

Велико общественное значение произведений художника, которые вбирают личный жизненный опыт, пережитое, передуманное. Живой, подлинный материал побуждает к правдивости, искренности, точности изображения — в результате такие произведения становятся не просто фактом творческой биографии, но страницами истории родного села, района, края, то есть всего того, что мы называем светлым и емким словом — Родина.

Так, страницами художественной летописи степного хлеборобного Алтая воспринимаются произведения Геннадия Борунова. Эта тема определилась в его творчестве с самого начала. Название дипломной картины «Хозяева полей» (1959 г.), которой он завершал обучение в Ленинградской Академии художеств, на редкость точно отражало ее содержание. Художник изобразил в ней весеннюю алтайскую степь и двух механизаторов — тракториста и бригадира, остановившихся на мгновение, чтобы взглянуть на плоды своего труда. Удачно выбранная жизненная ситуация, проникновенность, естественность и в то же время возвышенность происходящего свидетельствовали не только о высокой профессиональной культуре автора, но и о том, что материал картины был ему хорошо знаком и дорог. Картину заметили, она демонстрировалась на Всесоюзной выставке дипломных работ художественных вузов страны, став своего рода визитной карточкой молодого живописца.

Впрочем, первая картина получилась не сразу и в этом была своя закономерность.

Материал для диплома Борунов собирал в родных алтайских степях, где в те годы советские люди героически осваивали целинные земли. Первоначальный замысел картины был посвящен отдыху молодых целинников, возвратившихся после работы к своим вагончикам. И хотя эскиз был утвержден советом Академии, а композиция перенесена на холст, в ней, как говорится, не было инерции продолжения, работа над картиной застопорилась, что-то не удовлетворяло молодого живописца.

И тогда — буквально за несколько месяцев до защиты диплома — он стал писать совершенно другую картину. В этом, на мой взгляд, принципиальном решении была логическая обусловленность.

Мнение Ч. Айтматова о том, что творческие истоки человеческой личности надо искать в детстве, самым убедительным образом подтверждается на примере творческого пути Борунова. Суровое, опаленное войной детство лежит в основе его искусства, незримо присутствует во многих его произведениях. Казалось бы, война была далеко от алтайского села Павловска, где прошло детство художника, но так только казалось. Ее огненное дыхание не только направляло тогда жизненный ритм страны, народа, но и оставило неизгладимый след в судьбах людей, навсегда определив своеобразие их характеров и мировоззрения.

«Осенью сорок второго, — вспоминает художник, — трудился я в колхозе «Красный путиловец». Приходилось выполнять разную работу — лопатить зерно, насыпать его в мешки, грузить, на быке с помощью специальных граблей собирать оставшиеся после комбайна колосья. Там, в колхозе, семья наша получила известие, что отец ранен под Сталинградом и лежит в госпитале в Саратове.

Однажды пришлось мне сопровождать обоз — на быках везли колхозное зерно на элеватор в Шелаболиху. Ехали тяжело, дороги раскисли от осенних дождей и там, где были непролазные лужи, нам приходилось помогать быкам, подталкивать телеги. Вечером вдруг с горы открылся вид на элеватор. Я был поражен его размерами, подводы с зерном, запряженные лошадьми и быками, по сравнению с ним казались совсем крошечными, как муравьи. Элеватор, будто живой, весь гудел и сверкал огнями.

Все это произвело на меня тогда огромное впечатление, которое во сто крат усиливалось от сознания того, что наш хлеб пойдет на фронт, в блокадный Ленинград...» Это и подобные ему яркие незабываемые впечатления детства вместе с довольно рано проявившимся интересом к рисованию — в чем немалая заслуга отца Федора Георгиевича, не чуждого искусству, и матери Марины Ивановны, никогда не препятствовавшей увлечению сына, — заставили

Электронная библиотека АГУНБ, elib.altlib.ru

деревенского паренька поступить сначала в Московское художественное училище, а затем в Ленинградскую Академию художеств. Там он учился в мастерской народного художника СССР Б. Н. Иогансона.

Не удивительно, что после окончания Академии художеств Борунов вернулся в Павловск и несколько лет работал в родном селе. С тех пор прошло много лет. Геннадий Борунов давно уже член Союза художников СССР, один из ведущих живописцев, лауреат премии комсомола Алтая, неоднократно представлявший свой край на зональных, республиканских и всесоюзных выставках. Но где бы ни демонстрировались его работы, они всегда привлекают внимание зрителей подчеркнутой приверженностью автора к определенному кругу тем, своеобразием художественного языка и, что самое главное, своей содержательностью и актуальностью. Вспомним хотя бы яркий успех картины «Мои земляки» на зональной сибирской, а затем республиканской выставках 1964 года. Заслуженный деятель искусств РСФСР В. С. Рогаль писал тогда в статье «Рапорт художников Сибири»: «Картина художника Борунова «Мои земляки» изображает алтайских хлеборобов. Это групповой портрет людей очень близких автору. Подобно богатырям Васнецова, они вышли на поле сражения, на поле битвы за хлеб. Они озабоченно смотрят с холста на зрителей. Перед ними — бескрайние, шумящие пшеницей поля, которые надо убрать. Картина написана с большой художественной убедительностью... Да, это подлинные хозяева земли сибирской, подлинные герои наших дней!»

К этим словам хочется добавить, что группа смотрится настолько устойчиво, монолитно, — а это результат несомненного композиционного мастерства художника, — что кажется превратись это мирное поле в поле битвы, трактора в танки, а в руки этих людей вложи оружие — они так же уверенно, дружно и неколебимо встретят любого врага.

Заметным явлением сибирской живописи стали последующие произведения Борунова: «Земля родная» (1967), «Сыны России» (1967), «Хлебороб», «Отец», «Сибирский богатырь Нестор Козин» (все 1969), «Председатель. Колхозная осень» (1974) и ряд других работ, с успехом демонстрировавшихся на зональных и республиканских выставках последних лет.

Часто картинам Борунова предшествуют портреты. В этом жанре его привлекают люди сильные, уверенные в себе, с твердыми жизненными устоями. И всегда крепко связанные с землей.

Такая установка заставляет художника не столько конкретизировать свои персонажи, сколько обобщать, создавать собирательные, я бы даже сказал, монументализированные образы. Многоплановость и глубина подобных обобщений в портретах, а как следствие и в картинах Борунова, нередко превращаются в выраженные живописным языком философские размышления о жизни, о труде, о чувстве родной земли (серия портретов М. Г. Кольцова, «Отец», «Механизатор», «Портрет учительницы» и др.). Надо отметить, что подобная тенденция к созданию своеобразной портретной картины — одиночного или группового портрета конкретных людей, программно перерастающего традиционные рамки портретного жанра — является одной из характерных особенностей развития современной сюжетно-тематической картины.

Сейчас уже совершенно ясно, что истоки устойчивого зрительского признания кроются в живой непосредственной связи художника с конкретной действительностью, с конкретными людьми-хлеборобами Алтая, каждого из которых он хорошо знает и любит. Например, о жизни и замечательных свойствах характера орденоносца, одной из первых женщин-трактористок Баевского района М. А. Мамзиной Борунов может рассказывать часами. Но он живописец, и его задача «остановить мгновение». В том, что он изобразил свою героиню не на тракторе в поле или за ремонтом в мастерской, а в Кремле у Дворца съездов, где она присутствовала как делегат XXV съезда КПСС, проявилось умение художника выявить в судьбе человека «звездный час», то есть моменты, в которые особенно отчетливо видно общественное значение его жизни и труда.

То, что в произведениях Борунова ощущается живое родство героев картин с реальными человеческими судьбами, что для удостоверения их подлинности он может назвать конкретные имена, места, где они живут и работают, одна из наиболее ценных сторон его творчества. Он не просто отражает жизнь колхозного села. Во всем процессе творчества — в выборе тем и сюжетов, в композиции и колорите, в самом поиске своих произведений — художник проявляет свое отношение к происходящему, свою личную концепцию действительности. Именно этой активностью жизненной позиции объясняется популярность работ Борунова на выставках и, в частности, та горячая заинтересованность его творчеством, которую можно было наблюдать, например, на ряде персональных выставок, прошедших в Павловском районе. Так, районная газета «Новая жизнь» писала в апреле 1971 года: «Некоторые павловцы, чьи портреты делал художник, пришли на открытие выставки. Вот около своего портрета стоит председатель колхоза «Знамя Октября» М. Г. Кольцов. С ним художник близко знаком, когда-то они вместе кончали школу. У портрета колхозника Луночкина встретились автор и его герой... Борунову не надо искать тему — у него она есть: это родная земля и ее труженики. Богатейшая, неисчерпаемая тема! Наш земляк стал певцом родных просторов, выразителем любви к сельскому труду, к земле. И мы вместе с ним сегодня радуемся его художественным удачам, его возросшему мастерству. Можно без преувеличения сказать: родная земля и люди ее взрастили Борунова и как человека, и как художника».

Когда-то народный художник СССР С. Герасимов писал: «И вот когда произведение является плодом пережитого автором, когда сильно проявляется его личная заинтересованность важными вопросами современной ему действительности, тогда только и может появиться произведение, эмоционально воздействующее на зрителя». Эти слова актуальны и сегодня. Практика развития советского искусства последних лет убеждает, что метод точного, не обремененного предвзятыми идеями всматривания в реальную сегодняшнюю жизнь скорее приводит к удачам, открывает большие возможности для профессионального совершенствования. И, как отмечалось на последнем съезде художников РСФСР, главная объективная тенденция современного развития российского искусства заключается как раз в повышении правдивого и острого художественного исследования жизни, поднятия ее до уровня больших поэтических обобщений.

В значительной степени этими соображениями руководствовалось Правление Союза художников РСФСР, создавая творческие группы. Цель их заключалась в том, чтобы, сплотив художников, близких по творческим интересам, повернуть их искусство лицом к жизни — к жизни великих строек, промышленных предприятий, к жизни колхозов и совхозов, к труду ученых, к будням воинской службы, словом, к жизни всей нашей страны.

Борунов, естественно, вошел в состав группы «Хлеб Сибири», созданной, кстати сказать, на базе Алтайской организации СХ РСФСР. Творческий отчет группы, объединивший художников нескольких сибирских городов, произошел на зональной выставке «Сибирь социалистическая — 1975». Пятью работами был представлен на ней Борунов, но самой замечательной из них, и вообще в разделе «Хлеб Сибири», была его картина «Председатель. Колхозная осень».

Картина появилась не случайно. Долгое время художник наблюдал, изучал жизнь колхозов Павловского района, давно вынашивал тему, которая в конечном итоге воплотилась в образ председателя. К тому же это не просто председатель, отвлеченное лицо, а близкий человек, товарищ, что позволило с еще большей силой решить тему. Нельзя сказать, что все это легко далось. Поиск был длительным и подчас мучительным. Помог случай. Однажды председатель разговаривал с колхозниками, ничем внешне не выделяясь среди них. И вдруг художник уловил одно характерное движение, поворот, которые особенно ярко выявили в нем человека незаурядного, энергичного, решительного, обладающего тем комплексом человеческих качеств, которые, как утверждают социологи, необходимы лидеру, то есть вожаку, руководителю. Этот момент и определил выбор композиции.

Сюжет картины получился динамичным и острым. Перед нами переполненный зерном колхозный ток. Сюда на летучее совещание с председателем собрались бригадиры. Сейчас будет принято решение и каждый умчится на свой участок работы. Председатель останется, он должен быть в курсе всех дел, связанных с самой сложной и ответственной работой хлеборобов — уборкой урожая.

В какой-то степени такая динамичность и напряженность композиции необычны для Борунова. Раньше для его произведений была характерна статичность, уравновешенность, даже некоторая тяжеловесность ритма, пластики, колорита. На этот раз главное в композиции — движение, некий круговорот, который завязался вокруг главного героя картины, как в жизни образуется круговорот вокруг председателя в страдную пору.

В творчестве любого художника появление крупного произведения — всегда результат внутренней необходимости. Повод внешне может быть совершенно случайным. Классический пример: композиционное решение знаменитой «Боярыни Морозовой» появилось у В. И. Сурикова, когда он увидел ворону на снегу. Пластический ход — черное на белом фоне — блестяще выразил задуманное содержание.

Нечто подобное случилось и у Борунова. Давно задумав картину о начале коллективизации на Алтае, о роли техники в этом процессе, он долго не мог найти композиционное, точнее сказать, пластическое решение. Проблема была не простой. Если в наше время техника — обычное явление, то тогда ее появление в селе было событием историческим, в корне менявшим вековой жизненный уклад крестьянина-хлебороба, его мировоззрение. Трактор являл собой начало новой жизни, надежду и радость одних крестьян, недоверие и злобу других. Все это надо было выразить на холсте, выразить ярко, образно, убедительно.

И вот однажды художник увидел группу ребят вокруг красного трактора. Подумалось: «А ведь и тогда могло быть нечто похожее...»

Казалось бы, заурядный эпизод дал движение творческой мысли. Началась работа над композицией, каждая деталь картины стала наполняться содержанием: пейзаж, на фоне которого разворачивается событие, колорит, персонажи, которые должны были обрести не только индивидуальные, но и социальные характеристики и т. д. Так появилась картина «Красный трактор».

Побывав на юбилейной выставке, посвященной 50-летию художника, рассматривая его творчество во времени, так сказать в ретроспекции, понимаешь, что появление этой картины вызвано самой логикой его творчества, что она яркий показатель его гражданской зрелости и высокого творческого потенциала.

Кроме того, юбилейная выставка впервые показала многогранность таланта Борунова. Так, если раньше мы знали его в основном как мастера станковой картины и как серьезного портретиста, то на этот раз большое впечатление производят его пейзажи. Они — еще одно свидетельство прочной привязанности художника к родному краю, его умения находить в простых и привычных мотивах сокровенную красоту окружающего нас мира. Пейзажи невелики по размерам. Однако ошибется тот, кто увидит в них только этюды той или иной степени законченности и сочтет это признаком их известной ограниченности. Борунову-пейзажисту свойственна не только острота взгляда, но и широта образного мышления. Вот почему и в этом разделе его творчества, пока еще мало известном широкому зрителю, так много ярких удач, где, избегая описательности, художник приходит к цельному восприятию мотива, пронизанному отчетливой поэтической мыслью, значительностью чувства, где напряженности цветового видения соответствуют обобщенность и ясная соразмерность композиционного строя, строгая простота изобразительного языка.

Теми же качествами отмечена еще одна своеобразная и очень характерная для Борунова группа работ, жанровую принадлежность которой определить не так просто: порой это пейзаж с фигурами («Колыбельная», «И снова весна»), порой сочетание элементов бытового жанра и портрета («Осенняя песня», «Земля родная») и др.

Трудно сразу дать объективную оценку вклада Борунова в пейзажное искусство Алтая, столь богатого традициями, но ясно одно — без его тонких по чувству и содержательных откровений художественная летопись алтайской природы будет далеко не полной.

Произведения Борунова непросты для восприятия, не всякий зритель может их сразу понять и полюбить. Особенно те, кто ищет в искусстве занимательных сюжетов, внешней красивости или натуралистического правдоподобия, которыми подчас удовлетворяются не только зрители, но и иные художники. Когда-то Маркс сказал, что в искусстве следует выражаться суровыми красками Рембрандта, то есть, правдиво, образно, но без прикрас. Произведениям Борунова близки эти качества. Их сила в жизненной правде, в стремлении выразить свой взгляд на жизнь современной деревни со всей ее сложностью и проблемностью.

Электронный архив библиотеки

ВЕРНОСТЬ ТЕМЕ

О НОВОЙ КНИГЕ Н. ЯНОВСКОГО «НА ПЕРЕЛОМЕ»

Сибирская литература, несмотря на свою сравнительную молодость, имеет богатые традиции — уходя корнями еще в пушкинские времена, когда «во глубине сибирских руд» рождалась гордая поэзия декабристов, она так или иначе способствовала развитию духовных сил народа, зарождению своей, сибирской, интеллигенции, прежде всего творческой. Вспомним Словцова, Потанина, Ядринцева, Щапова и других, просветительская деятельность которых играла громадную роль в культурном «завоевании» Сибири. Наконец, нельзя не заметить и не отметить, что сибирскую литературу во все времена отличала глубокая патриотичность (в самом широком смысле), понятие же с и б и р с к и й неизменно отождествлялось с чем-то ярким, исключительным, неповторимым... Отчасти это так и есть. Говорю «отчасти» потому, что сама по себе сибирская тема, разумеется, не может служить критерием или, того более, некой «панацеей», но что тема эта всегда вызывала и вызывает к себе живейший интерес — это факт.

Сейчас, говоря о сибирской литературе, мы прежде всего называем такие замечательные, ставшие уже хрестоматийными имена, как В. Шишков, В. Зазубрин, Л. Сейфуллина, Вс. Иванов, А. Караваева и др. Однако было бы ошибочно, неисторично рассматривать развитие литературы, ограничиваясь лишь именами известных, больших писателей, ибо литература (о чем говорил еще Горький) создается не только большими, но и «маленькими» писателями, по-своему влияющими на литературный процесс. Вот почему книга Н. Яновского «На переломе. Из литературного прошлого Барнаула»[1] представляется мне чрезвычайно интересной, нужной и своевременной. Семь очерков, впрочем, автор определил жанр иначе: статьи), связанных единым авторским замыслом, составили книгу, на мой взгляд, цельную; раскрыли не просто семь характеров, что само по себе интересно, но и характер времени, историческую сущность эпохи. Семь очерков — семь судеб: Арсений Жиляков, Иван Тачалов, Георгий Гребенщиков, Степан Исаков, Глеб Пушкарев, Александр Пиотровский, Адриан Топоров. Большинство из этих имен мало что говорит сегодняшнему читателю. Но, прочтя очерк, скажем, о Георгии Гребенщикове, авторе романа «Чураевы» и повести «Ханство Батырбека», узнав о том, что произведения Гребенщикова «примечательны тем, что они целиком направлены против собственничества, против индивидуализма, разжигаемого ростом капитализма, разрушительно действующего на нравы всех слоев общества, наконец, против хищнического отношения к природе», проникнувшись не собственно любопытством, а живым участием к судьбе незаслуженно забытого писателя, мы вместе с автором можем «с полным основанием сказать, что все значительное и подлинно прекрасное в наследии русского писателя является частью нашего национального достояния, и оно должно быть нами принято и освоено, как всякое другое ценное наследство в огромной культуре нашего народа».

Позиция автора вполне определенна, и она заслуживает поддержки. Вместе с тем Н. Яновский не идеализирует и не «приподнимает» тех писателей, которых представляет в своих очерках, он предельно точен и объективен в оценках и не склонен «подспропливать» там, где требуется сказать горькую правду. В этом смысле наиболее интересными и глубокими, как мне кажется, получились очерки о Гребенщикове, человеке и писателе весьма сложном, подчас противоречивом, считавшем себя «в смысле политическом... вне всяких партий», смотревшем на себя, «как на живого свидетеля великих потрясений», мечтавшем все увиденное «вложить... объективно и честно» в свои произведения; о Пиотровском, который «без позы, лозунгов, ораторства» встретил революцию; об Иване Тачалове, в судьбе которого живейшее участие принял Горький; об А. Топорове, авторе уникальной книги «Крестьяне о писателях»... Литературоведческие очерки Н. Яновского изобилуют интереснейшими сведениями и фактами, привлекают новизной материала. Неординарность авторской концепции, исчерпывающая аргументация, точные характеристики — все это дает основание считать книгу в целом удавшейся. «Его проза, — пишет Яновский о Гребенщикове, — приобрела и строгость, и лаконизм, и возвышенность, добываемую не подчеркнуто красивыми словосочетаниями, а внутренней гармонией всех составных элементов повествования». Это в полной мере можно отнести и к лучшим очеркам Н. Яновского. Подкупает манера его письма, спокойная и углубленная, без излишнего академизма и наукообразия, которые нередко заполняют подобного рода произведения; но и в то же время простота и общедоступность далеки от упрощенчества.

Всем своим пафосом, содержанием книга Н. Яновского «На переломе» говорит о том, как богат и разнообразен литературный мир и как важно беречь его, по-хозяйски относиться к тому, что было создано предшествующими поколениями.

Последовательность и целеустремленность работы автора, его постоянных поисков, связанных с выявлением духовных ценностей, по той или иной причине «выпавших» из нашего культурного арсенала, заслуживают глубокого уважения. Уместно вспомнить, что именно благодаря творческим и гражданским усилиям Н. Яновского в свое время мы познако-

[1] Алтайское книжное изд., 1979 г.

мились с книгами М. Ошарова «Тяжелое счастье» (1964), И. Гольдберга «Поэма о фарфоровой чашке» (1965), Ф. Березовского «Под звон кандальный» (1971) и др.

Новая книга Н. Яновского, возможно, и не во всем равноценна — так, мне кажется, несколько эскизно, поверхностно написаны очерки о Жилякове и Пушкареве. Не случайно и язык, авторский стиль здесь суховатый, протокольный, попытка же подробного пересказа сюжетов произведений названных писателей не может компенсировать отсутствия глубокого анализа, отчего и кажутся эти самые маленькие по объему очерки излишне растянутыми. Видимо, в самом отборе фактического материала автор испытывал определенные затруднения, наличие же того, чем он располагал (особенно в очерке о Пушкареве), оказалось не вполне достаточным...

Тем не менее, в целом, как уже говорилось, книга Н. Яновского «На переломе. Из литературного прошлого Барнаула» — несомненная удача, издание ее можно только приветствовать. Уверен, что книга эта найдет читателя — будет интересна и полезна не только для специалистов, литераторов, но и для всех, кто любит живое слово, кому небезразлично развитие сибирской литературы, дорога ее история.

И. АНДРЕЙЧИКОВ

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ЗАГАДКИ

Золотое яблоко
По голубому блюду катится.
(Солнце)

По синему полю
Серебряные зерна рассыпаны.
(Небо и звезды)

С крыши белый гвоздь торчит.
Солнце пригреет —
И гвоздь упадет.
(Сосулька)

Надела Маша
Сто рубашек.
(Капуста)

Не огонь, а жжет.
(Крапива)

Золотое решето
Крупным бисером полно.
(Подсолнух)

Под соснами, под елками
Лежит клубок с иголками.
(Еж)

Под стеклом сижу,
Во все стороны гляжу,
В лес со мной заберешься —
С пути не собьешься.
(Компас)

Записал И. Атаманов

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

СОДЕРЖАНИЕ АЛЬМАНАХА «АЛТАЙ» ЗА 1979 ГОД

ПРОЗА

БЕСЧЕТНОВ Павел. Скажи, если успеешь. Роман. Начало. IV
ДОВБЕНКО Маргарита. Я остаюсь. Повесть. I
МАРЧУК Виталий. Решение. Рассказ. III
ПИЧУГИНА Любовь. Согра. Повесть. II
ПРУТКОВСКИЙ Эдуард. Дела-делишки. Повесть. I

ПОЭЗИЯ

БАЛАКИРЕВА Надежда. Ночь над Обью черна... Прощание с озером. Вокзал. Ночь в деревне. Нет ничего тебя нужней... Озеро на болоте. В детстве. Стихи. III
БАШУНОВ Владимир. Три дождя. Стихи. I
КЛЮШНИКОВ Сергей. Я вышел в путь. Стихи. IV
МЕРЗЛИКИН Леонид. Мне много бы надо успеть. IV
ПАНОВ Геннадий. Фронт и тыл. I
РОДИОНОВ Александр. Кулундинские письма. Стихи. IV
УКАЧИН Борис. Стихи из книги «Птица любви». I
ШЕВЧЕНКО Виталий. Бессонница. Поэма. III
Стихи поэтов Барнаульской литстудии. II
Стихи участников рубцовского литобъединения «Старт». III

ПУБЛИЦИСТИКА, ОЧЕРК

БОРОДКИН Петр. Город на заре. I
ГОЛОВИНСКИЙ Виктор. Созидание. I
КОЛОМИН Николай. В тисках Катуни. II—III
КОКОРЕВ Виктор. Как оценить труд инженера. II
ОСТЕН-САКЕН Виктор. Нужен эксперимент. I
ДИОНОВ Александр. Чистодеревщики. III
ЛАБЛИН Иван. Женщина трех революций. III
ЛАЩЕВ А. И. Покуда жив, буду помнить. IV
СЛИПЕНЧУК Виктор. Успех. IV
ЧЕРНЫШЕВА А. Коммунар. IV
ШВЕЦОВА Елена. Этюды о музеях. II

КРИТИКА

АНДРЕЙЧИКОВ И. Верность теме. IV
ГОРН Виктор. «Материк» Василия Шукшина. I
ДУБРОВСКАЯ Виктория. Истоки или источники? II
ПАРЫГИН Владимир. Человек меж людей. III
ЮДАЛЕВИЧ Борис. Несказанный свет. III

ИСКУССТВО

СЕРЕБРЯНЫЙ Виктор. Еще не все сыграно. I
СТЕПАНСКАЯ Тамара. Видописец Барнаула. II
ЦЕСЮЛЕВИЧ Леопольд. Сердцем к тебе, природа! I
ЭДОКОВ Владимир. Краски родной земли. IV

САТИРА И ЮМОР

АТАМАНОВ Иван. Кукушка на трибуне. Ерш и Щука. Басни. III
БРОВКИН В. Без слов. II
КОРОБЧЕНКО Михаил. Миниатюры. I
КРЮЧКОВ Валерий. Пародии. II

ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ

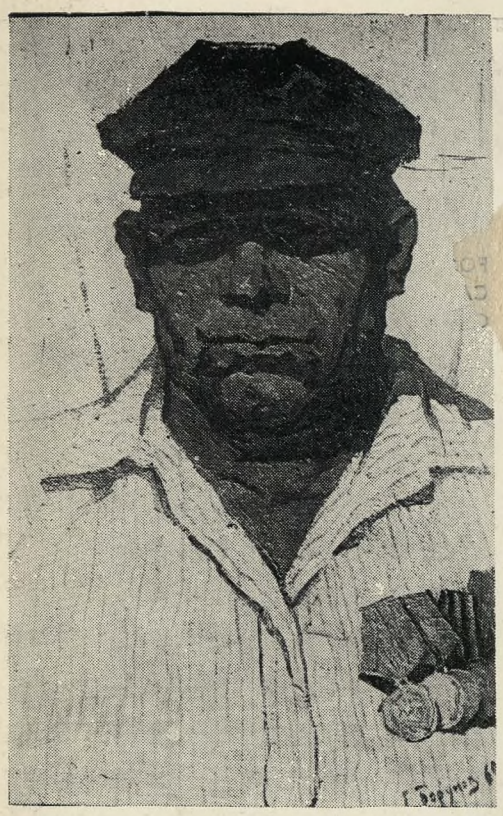
ПИРОГОВА Зоя. Приключения девочки Чечек. Сказка. I
Загадки. IV

Электронная библиотека АлтГУНБ, lib.altlib.ru

40 коп.

«Элеватор на Оби.
1942 год. Хлеб фронту».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru



«Портрет отца».

Б1070995

«Осенняя мелодия».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

40 коп.

«Элеватор на Оби.
1942 год. Хлеб фронту».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru